
…ТВА • ОЛИМПИ…
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 28 ИЮЛЬ 1980

Во время встречи. Фото А. ГОСТЕВА

ВРУЧЕНИЕ ВЫСШИХ НАГРАД СРВ СОВЕТСКИМ РУКОВОДИТЕЛЯМ

Во время вручения наград.
Фото А. ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2765)

12 ИЮЛЯ 1980

СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКАЯ ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

3 июля в Кремле состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретаря ЦК КПСС К. В. Русакова, заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, членом Политбюро ЦК КПВ, Премьер-Министром правительства СРВ Фам Ван Донгом, секретарем ЦК КПВ, заместителем премьер-министра правительства СРВ, председателем Госплана СРВ Нгуен Ламом.

Обменявшись информацией о внутреннем развитии обеих стран и наиболее важных задачах, над решением которых работают КПСС и КПВ, советский и вьетнамский народы, участники встречи уделили значительное внимание как текущим, так и перспективным вопросам советско-вьетнамского сотрудничества.

Во время встречи было обсуждено положение дел на международной арене. Л. И. Брежнев подчеркнул, что сейчас ключевой вопрос — это сохранение разрядки.

Участники беседы обменялись мнениями об обстановке в Юго-Восточной Азии. Они отметили, что Пекин при поддержке Соединенных Штатов стремится дестабилизировать обстановку в районе Индокитая.

Жизненным интересам стран Юго-Восточной Азии отвечало бы утверждение атмосферы мира и стабильности в этом регионе. Советский Союз с пониманием и одобрением относится к действиям и инициативам СРВ, Лаоса, Кампучии, а также других государств ЮВА, направленным на достижение этой цели.

Участники беседы подчеркнули, что они и впредь будут расширять и углублять сотрудничество между КПСС и КПВ, СССР и СРВ в интересах советского и вьетнамского народов, дела мира, свободы и национальной независимости в Азии и во всем мире.

Встреча советских и вьетнамских руководителей прошла в братской, сердечной атмосфере и подтвердила полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

• • •

3 июля в Кремле подписано соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в проведении геологической разведки и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ.

В Кремле 3 июля состоялось вручение высших наград Социалистической Республики Вьетнам — орденов «Золотая звезда» Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу, члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову. Советские руководители удостоены этой награды за выдающийся вклад в укрепление и развитие братской дружбы, боевой солидарности и всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Социалистической Республикой Вьетнам.

Ордена вручил Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан.

При вручении наград присутствовали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, другие официальные лица.

В зале находились член Политбюро ЦК КПВ, Премьер-Министр правительства СРВ Фам Ван Донг, секретарь ЦК КПВ, заместитель премьер-министра, председатель Госплана СРВ Нгуен Лам, заместитель председателя Госплана СРВ Чан Куинь, посол СРВ в СССР Нгуен Хыу Май, другие вьетнамские товарищи.

Товарищи Ле Зуан и Л. И. Брежнев обменялись речами, которые были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Присутствовавшие в зале сердечно поздравили Леонида Ильича Брежнева, Алексея Николаевича Косыгина, Михаила Андреевича Суслова с вручением высших наград СРВ, пожелали им дальнейших успехов в плодотворной деятельности на благо укрепления дружбы между братскими партиями и народами СССР и СРВ, во имя прочного мира.

Во время встречи.
Фото В. Егорова (ТАСС)

БЕСЕДА В ЦК КПСС

2 июля состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца с делегацией Ливанской компартии в составе Генерального секретаря ЦК ЛКП Ж. Хауи, члена Политбюро, секретаря ЦК ЛКП Н. А. Самада.

Представители КПСС и ЛКП обменялись мнениями по ряду актуальных международных проблем. Они подчеркнули свое убеждение в необходимости приложить все усилия для сохранения мира и разрядки, поддержки права народов на свободное развитие.

Представители КПСС и ЛКП осудили преступные агрессивные акции израильской военщины на юге Ливана, осуществляемые при прямом содействии империализма, вмешательство во внутренние дела Ливана. Они высказались за политическое решение ливанского кризиса, исходя из принципов, сформулированных национально-патриотическими силами и законными властями Ливана.

Делегации КПСС и ЛКП выразили стремление к развитию и укреплению связей между обеими партиями, упрочению советско-ливанской дружбы и сотрудничества.

Беседа прошла в теплой, товарищеской обстановке.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ, БРАТСКОЙ

4 июля в Таллине состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Эстонии и Верховного Совета Эстонской ССР, посвященное 40-летию восстановления Советской власти в республике.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, первый секретарь ЦК Компартии Эстонии К. Г. Вайно, Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР И. Г. Кэбин, Председатель Совета Министров республики В. И. Клаусон, члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП Эстонии, руководители делегаций союзных республик, городов и областей РСФСР, знатные производственники, представители общественности.

С воодушевлением участники заседания избирают почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, на заседании выступил В. В. Кузнецов.

Под продолжительные аплодисменты участников заседания он зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю 40-летия восстановления Советской власти в Эстонии.

В. В. Кузнецов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Эстонской ССР орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты участников заседания прикрепил награду к знамени республики.

С докладом на торжественном заседании выступил К. Г. Вайно.

Во время вручения награды.
Телефото П. Кузнецова и В. Рудько (ТАСС)

В ДУХЕ ДОБРОЙ ВОЛИ

Викентий МАТВЕЕВ

За поездкой в Москву канцлера ФРГ Г. Шмидта и его переговорами с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым следили с большим интересом во многих странах. Нормализация отношений между Советским Союзом и ФРГ в результате подписанного 10 лет назад договора явилась важной составной частью начавшегося процесса разрядки международной напряженности. С тех пор контакты на высшем уровне между СССР и ФРГ стали регулярной практикой.

В развитии двусторонних отношений между нашей страной и ФРГ находит наглядное проявление динамизм процесса разрядки. Подписанная на днях в Москве в ходе переговоров долгосрочная программа основных направлений сотрудничества СССР и ФРГ в области экономики и промышленности является солидным вкладом в упрочение взаимных хозяйственных связей и тем самым — в укрепление материальной основы политических отношений. А эти отношения, в свою очередь, влияют ощутимым образом на политическую погоду в Европе.

Давая оценку итогам переговоров руководителей СССР и ФРГ, Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР указали на особое значение того факта, что, несмотря на осложнение международной обстановки и наличие существенных расхождений по ряду вопросов, в результате состоявшихся в Москве переговоров выявилось, что обе стороны считают разрядку напряженности необходимой, возможной и полезной и выразили свою волю всемерно способствовать тому, чтобы она являлась ведущей тенденцией в международных отношениях.

Это очень важный момент, имеющий прямое отношение не только к связям, контактам между Москвой и Бонном, но и к общей ситуации в мире. Опыт 70-х годов показывает, что процесс ослабления напряженности часто пробивал дорогу сквозь немалые препятствия. По разным причинам в тех или иных районах земного шара возникали кризисные, конфликтные ситуации. Недруги процесса разрядки намеренно искажают картину, утверждая, что раз такие ситуации имеют место, то, мол, и весь этот процесс теряет значимость...

Правда заключается в том, что, поскольку на нашей планете возникают те или иные сложные ситуации, необходимо подходить к ним с чувством ответственности за судьбы мира, не расшатывать, а развивать разрядку.

В ходе состоявшихся в Москве переговоров Л. И. Брежнев выдвинул от имени Советского Союза ряд новых идей, предложений, направленных на укрепление мира и международной безопасности, обуздание гонки вооружений и разоружение. Были выдвинуты и соответствующие соображения, касающиеся начала переговоров о ракетно-ядерном оружии средней дальности.

Эти предложения сразу получили широкий международный резонанс, в том числе и в США, где президент Картер сделал на этот счет специальное заявление. Ближайшее будущее покажет, в какой степени выраженная в Вашингтоне готовность к диалогу по этому вопросу будет подкреплена на практике.

То же самое относится и к позиции Бонна. Надо, как говорится, дать поработать времени, прежде чем можно будет сказать, в какой степени заявления официальных деятелей ФРГ в пользу разрядки, безопасности, снижения уровня военного противостояния в Европе будут соответствовать реальным делам правительства ФРГ. Руководящие деятели ФРГ подчеркивают свою «атлантическую солидарность». На деле это означает содействие линии, которая ведет к осложнению обстановки, ибо шефы НАТО во всеуслышание говорят о своих планах добиться военного превосходства.

В ходе состоявшихся в Москве бесед с советской стороны со всей определенностью было заявлено, что СССР не допустит, чтобы США и блок НАТО сломали нынешнее стратегическое равенство. Если США развернут в Западной Европе дополнительное ракетно-ядерное оружие, СССР и его союзники примут все меры для восстановления нарушенного баланса.

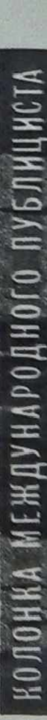
Инициативная линия советской дипломатии на высшем уровне привела в движение то, что в течение ряда месяцев выглядело застрявшим на одной точке. Речь идет о поисках взаимоприемлемого для всех заинтересованных сторон решения проблемы укрепления безопасности Европы от угрозы ядерного конфликта, что двинуло бы дальше дело, начатое общеевропейским совещанием.

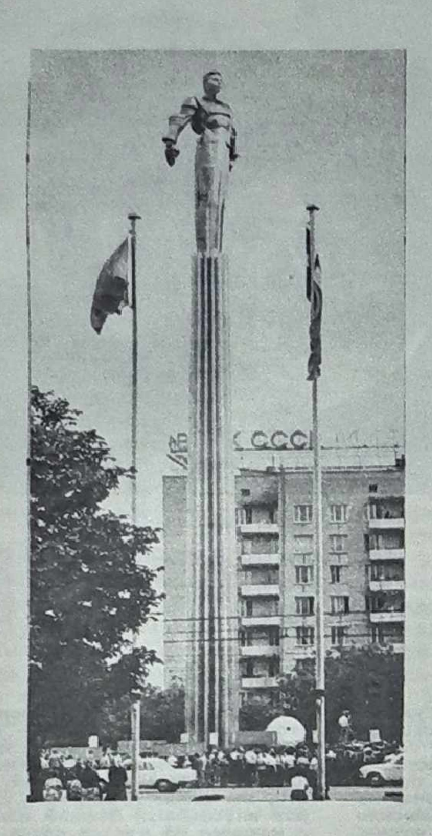
Так реализуются слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым на Пленуме ЦК КПСС 23 июня: «Мы и в дальнейшем не пожалеем сил, чтобы сохранить разрядку, все то доброе, что дали нам 70-е годы, добиться поворота к разоружению, поддержать право народов на свободное и независимое развитие, сберечь и упрочить мир».

Холодные ветры, дующие из-за океана, не смогли заморозить европейский климат. Встреча Л. И. Брежнева с Жискар д'Эстеном в Варшаве, а затем и переговоры между руководителями СССР и ФРГ в Москве — наглядное свидетельство прочности фундамента разрядки. Однако попытки подрыва этого фундамента будут предприниматься и впредь под разного рода надуманными предлогами. Это значит, что нужна будет и дальше высокая бдительность против всех таких происков.

Эта бдительность сочетается у советских людей с твердой верой в возможность новых позитивных сдвигов на поприще упрочения мира.

Никому не дано перевести стрелки часов истории назад! Характерно, что, выступая перед своими соотечественниками, канцлер ФРГ Г. Шмидт неоднократно указывал на реальные плоды, которые разрядка принесла жителям этой страны. Эти плоды могут и должны быть еще более ощутимыми для народов всех стран. Главное — положить конец разорительной и опасной гонке вооружений. В Советском Союзе ожидают, что правительства западных держав с чувством ответственности рассмотрят новые советские инициативы, отвечающие жизненным интересам народов Европы и всего мира.

ПЕРВОПРОХОДЦУ КОСМОСА

4 июля на площади Гагарина в Москве состоялся торжественный митинг по случаю открытия памятника первому космонавту планеты. У монумента — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, заведующие отделами ЦК КПСС И. Д. Сербин, В. Ф. Шауро, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, председатель ВЦСПС А. И. Шибаев, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, руководители ряда министерств и ведомств, известные ученые, космонавты, передовики производства.

В. В. Гришин выразил глубокую благодарность скульптору П. И. Бондаренко, архитекторам Я. Б. Белопольскому, Ф. М. Гажевскому, всем, кто принимал участие в создании памятника Ю. А. Гагарину.

На митинге выступили президент Академии наук СССР академик А. П. Александров, руководитель Центра подготовки советских космонавтов генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов, бригадир Московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе Герой Социалистического Труда В. Г. Комаров, студентка МГУ Светлана Титкова.

На снимке: во время митинга.
Фото В. Кошевого и В. Мастюкова (ТАСС)

ТРЕТИЙ МИЛЛИОН

Вячеслав КОСТЫРЯ,
собственный корреспондент
«Огонька»

В начале двадцатых годов с легкой руки писателя Александра Неверова вошло в поговорку: «Ташкент — город хлебный». Выражение это привычно повторялось и в последние десятилетия, когда справедливее было бы говорить о столице Узбекистана как о «городе хлопковом», поскольку именно хлопководство республики, опираясь на постоянно растущую индустриальную мощь, стремительно преодолевало гигантские ступени — три, четыре, пять миллионов тонн товарного «белого золота», приблизившись ныне к взятию рубежа в 5 миллионов 850 тысяч тонн!

Однако не зря и не на пустом месте рождаются народные присказки. Закономерность их появления подтверждается хотя бы тем, что пословица век не сломится. И уж, конечно, самой жизнью: узбекистанский тощий каравай времен Александра Неверова ни в какое сравнение не идет с нынешним. За последние годы производство зерна в республике зашагало прямо-таки в хлопковом темпе: позади ступени в один миллион тонн, в два миллиона тонн, а в нынешнюю страду хлеборобы республики решили утвердиться на трехмиллионном рубеже и пойти дальше.

Если учесть, что лучшие и самые удобные для орошения и обработки земли здесь, естественно, находятся под хлопчатником, такой рост зернового хозяйства — настоящий трудовой подвиг земледельцев и освоителей новых массивов в пустынных степях и предгорьях. Они оснащены могучей техникой — только зерноуборочных комбайнов в республике семь тысяч, много других машин.

Несмотря на сухую осень, затяжную весну, жаркий май, пересевов нынче не было, хлеба выращены отличные, особенно на поливных землях. На юге республики, например, в Гагаринском районе, каждый гектар дал сорок четыре центнера зерна.

Механизаторы добиваются максимальной отдачи каждого уборочного агрегата. Например, хлеборобы совхоза имени Гафура Гуляма, Галляаральского района, решили убрать урожай с 15 тысяч гектаров за 18 дней. Это хозяйство в десятой пятилетке должно произвести 67 тысяч тонн зерна, но уже в прошлом году превысило свое задание на шесть тысяч тонн. Примером для всех механизаторов стали комбайнеры О. Намазов из совхоза имени Абдуллы Набиева, Гагаринского района, Т. Базаров из колхоза имени Куйбышева, Термезского района, Ч. Юсупов, Б. Рахманов из совхоза «50 лет ВЛКСМ», Байсунского района, и другие.

По четкому графику работают на пшеничных массивах уборочные звенья в колхозе «Кокарал», Ташкентской области. Комбайны «Нива» здесь в работе весь световой день да и от ночи прихватывают по три-четыре часа. Каждый гектар дает в колхозе по 30 центнеров зерна.

Новый прилив сил, соревновательный задор — характерные черты жизни каждого коллектива узбекских хлеборобов после вдохновляющего доклада Л. И. Брежнева на июньском Пленуме ЦК КПСС, постановившем созвать XXVI съезд нашей партии в будущем году.

— Наш колхозный подарок предстоящему съезду партии,— сказал комбайнер Ч. Ибрагимов из колхоза «Акалтын», Шурчинского района, Сурхандарьинской области, это около пятидесяти центнеров вкуснейшей южной пшеницы с каждого из многих сотен гектаров нашего хлебного поля.

Да, вкуснейшей... Румяная, ароматная, с тонкой хрустящей коркой лепешка получается из этой пшеницы. В жаркую пору такая лепешка с гроздью раннего винограда и пиалой зеленого чая — лучший завтрак: вкусно и питательно. А после завтрака — работа до полудня, пока на полевом стане готовится сытный плов или наваристая шурпа. Но опять-таки: что они без ломтя этой же лепешки...

На снимке: последний день жатвы в колхозе «Акалтын», Сурхандарьинской области. Комбайнера Ч. Ибрагимова (крайний справа) с победой поздравляют первый секретарь Шурчинского РК партии К. Умаров, механик Х. Искандеров, агроном Р. Ташбаев.

Фото Р. Джуманиязова

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ М. А. ШОЛОХОВУ

В станице Вешенской в торжественной обстановке крупнейшему писателю современности Михаилу Александровичу Шолохову вручены орден Ленина и вторая золотая медаль «Серп и Молот». Высокой награды писатель удостоен за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятипятилетием со дня рождения.

В гостеприимном доме писателя собрались передовики производства, деятели литературы и искусства, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, земляки-вешенцы.

Награду вручил член ЦК КПСС, первый секретарь Ростовского обкома партии И. А. Бондаренко.

— Позвольте,— сказал он,— выполнить поручение Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева и передать Вам, дорогой Михаил Александрович, его горячие поздравления и пожелания отличного здоровья, долгих лет жизни, большого счастья! С большой теплотой и сердечностью говорил Леонид Ильич о ваших замечательных личных качествах коммуниста. В беседе Леонид Ильич Брежнев сказал: «Нет в нашей стране человека, который не зачитывался бы созданными Михаилом Александровичем «Тихим Доном», «Поднятой целиной»— произведениями огромного писательского таланта и мастерства».

— Я сердечно благодарю Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство,— сказал, принимая награду, М. А. Шолохов,— за высокую оценку моей литературной деятельности и столь же высокую награду. Ценность нашей революции в том, что она духовно окрыляет, дает силы для больших дел. Рассчитываю, что книги мои еще послужат моему народу, а за это время вырастут молодые таланты.

С теплыми приветствиями к М. А. Шолохову обратились прядильщица Шахтинского хлопчатобумажного комбината Л. В. Филатова, бригадир комплексной комсомольско-молодежной бригады треста «Волгодонскэнергострой» Г. М. Фоменко. От земледельцев Дона большой хлебный каравай преподнес юбиляру главный агроном зерносовхоза «Гигант» Сальского района Н. Ф. Трофименко.

На снимке: во время вручения награды.

Телефото Е. Недери (ТАСС)

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ЗАБОТА ОБЩАЯ!

Есть явная символика в том, что корпуса новомосковского объединения «Азот» начинаются за полями, где густо зеленеют озимые. И лозунг «Урожай — забота общая» воспринимается здесь вполне конкретно: все увеличивается поток минеральных удобрений, текущий из индустриального Новомосковска в колхозы и совхозы. Только в прошлом году химики получили ключи еще от двух крупных объектов индустрии плодородия — по производству аммиака и карбамида. А объединение продолжает расти.

Радостно начался для участников сооружения и освоения новых мощностей «Азота» нынешний май. Указом Президиума Верховного Совета СССР многие из них были награждены орденами и медалями. Особенно ощутимую долю внес в общий успех коллектив треста «Союзпроммонтаж» — монтажники сумели значительно сократить нормативы продолжительности своих работ на обоих комплексах. По труду и награды. Героем Социалистического Труда стал бригадир слесарей-монтажников М. Клягин, орден Ленина получил бригадир С. Дорин, Трудового Красного Знамени — А. Воротынцев.

Вместе с начальником монтажного управления А. Шакуриным, удостоенным ордена Дружбы народов, ищем виновников торжества.

— Где Клягин? — спрашиваем у парня, на спецовке которого красуется эмблема Минмонтажспецстроя СССР.

— А вон там,— показывает тот куда-то вверх.

На высоте четырехэтажного дома среди пересечений металлоконструкций и труб, словно ласточки на проводах, расположились монтажники.

— Клягина вниз! — сложив руки рупором, крикнул Альберт Поликарпович. И, уже для меня, добавил: — Опытнейший монтажник, бригадир-наставник, инициатор «Рабочей эстафеты» на стройке.

А от эстакады уже шел к нам русоволосый парень лет двадцати двух. С достоинством представился:

— Александр Михайлович Клягин. Звали, Альберт Поликарпович?

— Ну вот,— шутливо вздохнул Шакурин.— С этими династиями всегда так: зовешь отца — приходит сын, а с братьями вообще неразбериха получается.

Позже в отделе кадров управления мне перечисляли здешние династии: Клягины, Дульневы, Мокроусовы, Балясниковы, Ивановы, Дергачевы, Наумовы, Потаповы...

— Да и это не все,— сказали.— У нас ведь как: за отцом обычно приходит сын, его жена, а потом уж и их дети...

А ведь в Новомосковске не одно предприятие. Так чем же объяснить такую приверженность именно к монтажному делу?

Саша Клягин ответил на это так:

— У меня проблем с выбором профессии не было. С семи лет вместе с отцом и мамой—она у нас электросварщица — ездил по командировкам, став постарше, завидовал им: какие громадины возводят, какую память о своем труде оставляют! Вот и пошел по стопам родителей.

— Верно, текучки у нас нет,— добавил подошедший Клягин-старший.— Да и откуда ей быть? Зарабатываем прилично, условия для труда и отдыха нормальные— вон какой пансионат на Оке возвели, а главное, конечно,— сама работа. Монтаж, он ведь творчества требует, редко когда с однотипным оборудованием имеем дело.

На том «Аммиаке», участники сооружения которого получили приветствие Л. И. Брежнева, бригада М. Клягина одной из первых приступила к работе. Участок им выделили ответственнейший — риформинг. А сроки определили жесткие — на два месяца меньше нормативных. Тем не менее на совете бригады решили заключить с администрацией договор на подряд. Ставку сделали на четкую организацию труда, внедрение передовых приемов и методов, творческую активность. И не ошиблись.

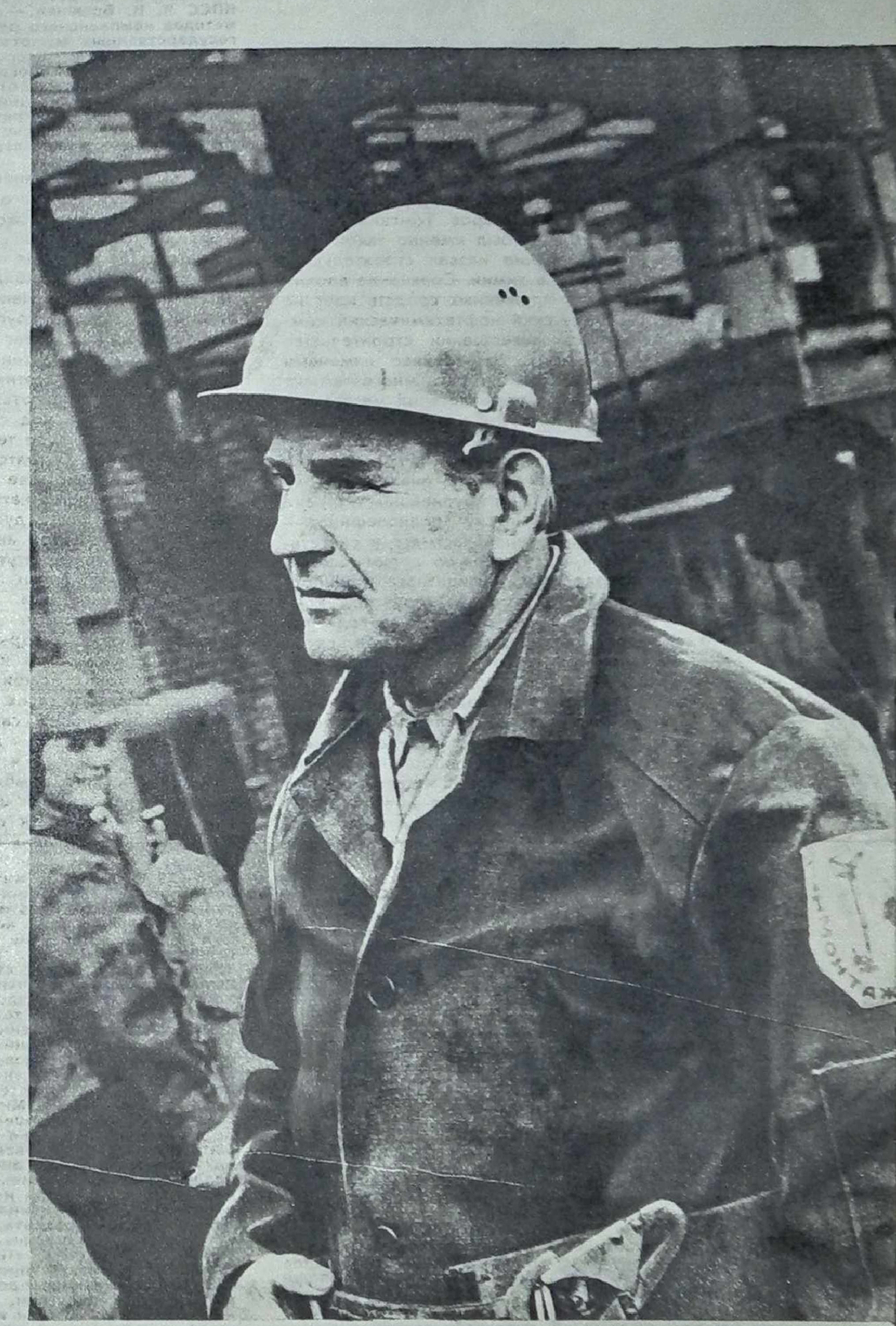
— С первых дней от ребят посыпались предложения по ускорению работ,— вспоминал Михаил Сергеевич.— И вот результат — мы не только намного опередили нормативы продолжительности, но и весь подряд завершили досрочно.

Так же высокоэффективно, творчески трудились бригады заслуженного строителя РСФСР И. Дульнева, кавалеров ордена Ленина В. Николаева и С. Дорина да и остальные коллективы.

Один из лучших монтажников, Владимир Молодиков, по итогам минувшего года удостоен премии Ленинского комсомола. Он сказал нам на прощание:

— Сегодня перед нашим управлением стоят не менее сложные задачи. Переводим старейший в объединении комплекс аммиака на выпуск метанола, досрочно обязались сдать производство аргона. Кроме того, помогаем сооружать пусковые объекты индустрии плодородия в Перми и Березниках, цветной металлургии — в Норильске. Словом, трудовая вахта в честь XXVI съезда партии в объединении идет успешно.

Когда я уезжал из Новомосковска, монтажники готовились в очередные командировки. Конечно, это не просто—надолго отрываться от семьи, друзей. Но настроение у ребят было неплохое.

Герой Социалистического Труда бригадир М. С. Клягин.

Фото инженера В. Панкина

— А мы пораньше все закончим и раньше вернемся,— шутили они.

— Награды Родины ко многому обязывают,— серьезно добавил Сергей Дорин.— Постараемся доверие оправдать.

Значит, можно считать, что послесловием к Указу о наградах станут новые объекты, которые монтажники и завершат в срок, а скорее всего досрочно. И значит, мост «цехи плодородия» — поля станет еще более прочным.

Г. ОВЧАРЕНКО

ПУСКОВЫЕ ОБЪЕКТЫ — В СТРОЙ!

СТРОЙКА Н

Юрий КОЗЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Томск встретил густой зеленью деревьев, дождем пополам с солнцем. Дождь настораживал. Общеизвестно, какими непроходимыми и трудными для изучения становятся в дождь строительные площадки, раскинувшиеся на многие сотни гектаров. Томский нефтехимический комбинат был именно такой площадкой. Кто-то удачно назвал строительство комбината БАМом в химии. Сравнение вполне обосновано. Счет вложенных средств идет на миллиарды. Гигантский нефтехимический комбинат займет по завершении строительства две тысячи гектаров. Уже сейчас намечены его величественные контуры: многоэтажные корпуса, кружевные переплетения металлических конструкций высотой почти в сотню метров. После освоения производственных мощностей только первой очереди (1980—1985 годы) — а всего будет четыре очереди — Томский химкомбинат станет крупнейшим в стране предприятием по выпуску полиолефинов — сырья для изготовления пластмасс и синтетических волокон, даст весомую долю общесоюзного производства дефицитного полипропилена. Рассчитано, что первая очередь комбината окупится за два с половиной года, так что следующие очереди будут строиться за счет прибыли, полученной от работающих производств. Сейчас строители, монтажники, эксплуатационники заняты подготовкой к пуску «первой ласточки» — цеха грануляции полипропиленового производства. Ввода в действие этого производства с нетерпением ждут многие предприятия страны. В четвертом квартале нынешнего года они уже должны получить из Томска тысячи тонн продукции — маленькие прозрачные гранулы, напоминающие по виду зернышки.

Времени осталось в обрез...

Утром светило солнце, и колеса у машин, снующих по стройплощадке, были сухими. Солнце по-особенному высвечивало и лозунги стройки, как бы обнажая их лаконичную, максимально приближенную к суровой реальности суть. «Строители! Страна ждет от вас томский полипропилен в 1980 году!» Так оно и есть. Страна действительно ждет здешний полипропилен в нынешнем году, а стройка отстает от пускового графика примерно на два — два с половиной месяца. План строительно-монтажных работ по управлению «Томскхимстрой» — ему поручено возводить комбинат — выполнен во втором квартале всего на 89 процентов, план полугодия — на 84 процента. План же только начинающегося третьего квартала по сравнению со вторым возрастает на три миллиона рублей. Плюс погашение долгов. Чтобы закончить работы по графику, только на пусковой нитке необходимо ежемесячно осваивать шесть-семь миллионов рублей. Пока же осваивается примерно по пять с половиной.

Значит, в оставшиеся месяцы строителям, монтажникам, эксплуатационникам предстоит работа на пределе возможностей, максимальное напряжение сил. Таково сегодняшнее положение дел на Томском нефтехимическом.

Пуск, спору нет, особенное время в жизни любой стройки. В пусковой период, можно сказать, проверяются все исходные предпосылки, уровень мышления и качество работы участвующих в строительстве организаций, начиная от проектировщиков и кончая эксплуатационниками. Хочется сравнить пуск с дробью, где в числителе гармония, слаженность, продуманность действий строителей и тех, от кого зависит их работа, в знаменателе же объективные и субъективные просчеты, тормозящие строительство. Множится эта дробь на энтузиазм, сознательность, трудовой порыв людей, работающих на стройке. Чем выше знаменатель, тем выше должен быть и множитель. То есть чем больше допущено просчетов, тем больше потребуется от людей сознательности и трудового героизма, чтобы пустить стройку в срок.

«...Назрел вопрос,— говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — о совершенствовании методов комплексного решения крупных общегосударственных межотраслевых и территориальных проблем. Здесь требуются единые, централизованные программы, охватывающие все этапы работы — от проектирования до практической реализации. Важно, чтобы в каждом случае были конкретные органы, конкретные люди, несущие всю полноту ответственности, координирующие все усилия в рамках той или иной программы».

Не вызывает сомнения, что создание Томского нефтехимического комбината представляет собой именно такую — межведомственную, межотраслевую программу крупного масштаба. Уже сейчас можно говорить, что нефтехимический комбинат преображает лицо экономики области. Например, рядом с комбинатом создается крупное агропромышленное производство. Дает продукцию — огурцы, помидоры, зелень — тепличный комбинат. Потребности города в этих видах овощей практически удовлетворяются. В следующем году площадь огорода под стеклом удвоится. Это будет самое большое тепличное хозяйство на востоке страны. Строятся бройлерная фабрика, свинокомплекс, две птицефабрики. И все это благодаря комбинату! Подготавливается и научная база для будущего комбината. Уже сейчас в Томске три академических института — в их числе институт химии нефти — заняты разработкой новых технологий для химического производства. Томский инженерно-строительный институт открыл новые кафедры, где готовятся кадры специалистов-строителей специально для комбината. Водоочистные сооружения комбината решат проблему очистки и отвода всех сточных вод города. Все это, безусловно, свидетельствует о государственном подходе к делу, ясном осознании перспектив и значения для страны Томского нефтехимического комбината. Значит, тем более было необходимо цели и задачи стройки жестко привязывать к определенным срокам во избежание больших народнохозяйственных потерь.

28—29 февраля по инициативе Томского обкома партии была проведена всесоюзная летучка работников печати, радио и телевидения на нефтехимическом комбинате. Участникам был роздан «Перечень проблем, требующих срочного решения для своевременного ввода Томского нефтехимического комбината». Довольно серьезной критике в этом документе подверглись многие участвующие в строительстве министерства. В том числе Министерство химической промышленности — на 10 февраля 1980 года оно выполнило план по поставке отечественного оборудования только на 40 процентов. Министерство энергетики и электрификации СССР, Министерство транспортного строительства СССР, Министерство строительства СССР, выполнившее план прошлого года по строительству жилья и объектов культурно-бытового назначения всего на 62 процента, — не было передано в эксплуатацию 17 тысяч квадратных метров жилья и детский сад на 280 мест, что практически исключало возможность комплектования комбината кадрами.

Если к этому добавить, что генеральный проектировщик — охтинское научно-производственное объединение «Пластполимер» (Ленинград) осуществляет проектирование, как говорится в «Перечне проблем», «без достаточного учета технологии, допускает значительное количество ошибок и упущений в проекте, не обеспечивает опережающих темпов проектирования, что сдерживает строителей», и что из списков строительства первоочередных объектов комбината в результате просчета управления «Томскхимстрой» и министерств была исключена производственная база монтажных организаций, в результате чего монтажники треста «Проммеханомонтаж» сейчас осуществляют сборку оборудования на площадях, для этого мало приспособленных, то станет ясно, что строители подошли к пуску не очень-то подготовленными.

Томские организации оказывают большую помощь комбинату. Положение дел на стройке несколько раз рассматривалось на заседаниях бюро, секретариата областного комитета партии. Почти каждый день сотрудники промышленного и строительного отделов бывают на комбинате. Заместитель заведующего отделом промышленности и транспорта А. А. Поморов считает, и, по-видимому, вполне справедливо, что в сложившейся ситуации отчасти виноваты и сами руководители строительства. «Распыляли средства и внимание между многими объектами, а надо было их сжать в кулак, все силы бросить на комбинат, чтобы успеть!»

Здесь хотелось бы выделить и такой момент. В современном крупном строительстве нет организации, которая была бы сама по себе, то есть зависела бы в выполнении плана только от собственных сил. Чтобы работать уверенно, необходимо все время чувствовать надежное плечо партнера. На Томском же нефтехимическом, как явствует из сказанного ранее, плечо партнера не ощущалось. Скорее даже наоборот. Наученные горьким опытом, строители знали, что проектировщики не дадут вовремя документацию, и не спешили начинать работы. Монтажники считали, что строители не закончат вовремя помещения, и не начинали сборку оборудования. Эксплуатационники полагали, что монтажники ничего не смонтируют в срок, и не торопились начинать наладку. Цепочка недоверия сделалась поправкой к любому начинанию. Каждый считал, что ему мешает развернуться другой. Проявлять же собственную инициативу как-то не спешили. Это тоже одна из причин, по которым стройка оказалась в прорыве. И не только производственном, но и моральном.

— Люди все прекрасно понимают,— говорит начальник штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки «Томский нефтехимический комбинат» Виктор Кузяков.— То и дело определяли им раньше для выполнения работ сроки, но... совершенно нереальные! На что надеялись? Естественно, трудовой настрой у людей был не самый высокий... В начале года создали комсомольский пусковой штаб, решили работать по методу комсомольско-рабочей эстафеты. Смысл эстафеты — от взаимных претензий к взаимной поддержке. Берет, допустим, одна бригада объект, выполняет положенную работу, передает объект другой бригаде — и так до самого пуска. В максимально короткие сроки и с высоким качеством работы. Но не везде это получилось. Почему? Просто не потянули... Надо было не только отлично трудиться, но и постоянно решать всевозможные вопросы, буквально выколачивать то, что тебе необходимо для работы. У многих опустились руки...

Хочется надеяться, что все это останется в прошлом. Сейчас комсомольско-рабочая эстафета успешно действует на пяти кустах производства полипропилена. Решаются в канун пуска и другие проблемы. Еще совсем недавно монтаж тормозился из-за того, что сварщики медленно сваривали трубы. Во-первых, не хватало самих сварщиков. Во-вторых, они, как говорится, не «выкладывались». Трубы-то маленькие, легкие, сварка сложная, а платят сварщикам за тонны! Выгоднее сварить две большие трубы, чем десять маленьких. Но из положения удалось выйти — ввели коэффициент за качество, за объем продукции. Стали выдавать и закрывать наряды ежедневно. Срочно организовали курсы по подготовке сварщиков. Сразу стало легче.

Стабилизируются постепенно и отношения между занятыми в строительстве организациями. Лозунг «от взаимных претензий к взаимной поддержке» теперь более энергично претворяется в жизнь.

Недавно руководители передовых бригад управления «Томскхимстрой» обратились ко всем строителям комбината с призывом сделать дни, оставшиеся до пуска первого производства полипропилена, днями ударного труда. Это начинание одобрило бюро обкома КПСС, его подхватили многие строители.

— На собрании порешили закончить монтажные работы к сентябрю,— сказал бригадир монтажников Рифкат Мухамеддиев,— значит, самое главное сейчас — прибавить темп. Мы-то сделаем все, что от нас зависит, но хотелось бы большей ритмичности. То совсем нет

А БЕРЕГУ ТОМИ

Близится к завершению строительство первой очереди комбината.

Слесари-монтажники П. Кузьмин и А. Куличенко.

Установка колонн на комплексе по производству полипропилена.

Фото А. Кузярина (ТАСС)

задела, то не успеваем принимать от сборщиков оборудование. Из-за этого и не рискуем перейти на двухсменную работу.

— Мне кажется, можно успеть в срок,— считает аргонный сварщик Виктор Нагнин.— Но вот беда, у нас, сварщиков, снизилось качество работы. Опытных кадров не хватает, хотя все бригады укомплектованы. Сварщика-то сейчас за месяц готовят. На курсах. Варить вроде научился, а чутья к металлу нет! Неужели раньше нельзя было о кадрах подумать?

Так что сейчас, в канун пуска, наверное, можно говорить, что стройка хоть и с немалыми издержками, но все же вышла на промежуточный финиш. По образному выражению начальника управления «Томскхимстрой» Петра Георгиевича Пронягина, она напоминает вагон, с превеликим трудом выведенный из-под горы на ровные рельсы.

Но вот вопрос: а не слишком ли высока цена? Сколько понадобилось средств, чтобы привлечь на стройку с разных концов страны квалифицированных рабочих, заделать бреши, покрыть дефицит в недостающих руках. Да и каковы будут последствия этого «спрессовывания» месяцев в дни, этой гонки к промежуточному финишу? Не аукнутся ли потом строителям неизбежные при таких темпах недоделки?

— Строительные организации сейчас,— говорит начальник управления «Томскхимстрой» Пронягин,— стали притчей во языцех. Кто нынче не выполняет план? Строители! Кто заваливает объекты? Строители! Это задевает нашу профессиональную честь. Вот ведь парадокс: никто лучше нас, строителей, не знает, как надо строить, но почти всегда мы попадаем в условия, когда не можем строить так, как надо. Практика показала: начинать крупную стройку надо с подготовительного периода. Иначе для достижения конечной цели потребуется куда больше сил, нервов, напряжения, средств, наконец! Подготовительный период должен рассматриваться как часть составного плана. Что мы, строители, понимаем под подготовительным периодом? Назову лишь некоторые аспекты. Подготовка к работе стройплощадки, строительство дорог, жилья для рабочих. Проработка и утверждение проектной документации. Составление технической документации на все работы — как выполнить их с наименьшими затратами? Оформление отношений с заказчиком. Размещение заказов на оборудование. Закрытие договоров. Все это должно делаться не во время строительства, а до его начала! Тогда будет и ритм и темп и не будет неурядиц. Когда же все в кучу, когда не знаешь, за что хвататься,— какая тогда работа? Минхимпром — и это вполне естественно — хочет побыстрее получить продукцию. Следовательно, мы форсируем основное производство. Тылы уходят из поля зрения. В результате монтажники остаются без своей базы. Подводят проектировщики и поставщики. Из-за этого многие планы перестают быть реальными. Если поставить перед коллективом нереальный план, люди потеряют веру в конечный результат. Естественно, работать будут хуже. Начинаются выговоры. Сверху — на нас, от нас, по инерции, вниз — на среднее звено. В результате нервозная обстановка, «снизу» никакой инициативы, люди или осторожничают, или, что гораздо хуже, равнодушны: ведь требуют-то от них невозможного! Через все это мы прошли. Сейчас положение выравнивается. Дальше будет легче. Уроки первой очереди идут на пользу.— Петр Георгиевич показал сводку за июнь. План строительно-монтажных работ был выполнен на 103 процента.

На этом можно закончить рассказ о сегодняшнем дне Томского нефтехимического комбината. Точнее, на время прервать. Ведь строительство продолжается. Впереди еще три очереди. Здесь, на берегу реки Томь, рождается новая для Западной Сибири отрасль народного хозяйства. Она будет поставлять стране пластмассы высокого качества. «Продолжить строительство Томского нефтехимического комбината»,— говорилось в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Близится очередной, XXVI съезд КПСС. Страна ждет томский полипропилен. Хочется верить, что испытание пуском, уроки промежуточного финиша пойдут строителям на пользу.

Томск — Москва.

ОНОРЕ ДОМЬЕ

Н. КОЖЕВНИКОВА

Случайно обнаружить и купить по дешевке редкостное издание, подлинную старинную гравюру в ларьках букинистов вдоль набережной Сены в наши дни — на это не приходится рассчитывать. Сами букинисты, седенькие, щупленькие старушки, зябко кутающиеся в темные шали, старики в кепках, в вязаных безрукавках, отлично знают, что неведомый шедевр тут никому не откопать, и потому наблюдают за покупателями с благодушной насмешливостью. Но ведь рыться в старых книгах — уже наслаждение, букинистам понятное, близкое. Понятно им также, в чем привлекательность именно здешних книжных развалов: подняв взгляд от истрепанных, пожелтевших страниц, видишь Сену, четкую линию ее каменных набережных, приземистые мосты, ведущие к острову Сите, под арками которых скользят суденышки, почти сливающиеся с серебристо-матовым мерцанием водной глади.

Сена живет, дышит в своем особенном ритме: оборачиваешься к ней лицом и забываешь о ревущем потоке автомобилей, бурлящем, клокочущем за спиной, между набережной и Большой галереей, соединившей Лувр с дворцом Тюильри.

С другого берега вплывает громада собора Парижской богоматери, вблизи давящего своей массивностью, кряжистостью, а вот издали в некой призрачной невесомости обретающего даже большее величие.

Ну, а что можно отыскать на лотках букинистов? Те же эстампики, пестрые наброски, что предлагаются туристам на Монмартрском холме, где, правда, совсем иная атмосфера, сумбурная, лихорадочно-маскарадная, где одни притворяются художниками, другие знатоками, где предлагают купить только что созданный твой портрет чуть ли не за ту же цену, по какой отпускает свой товар продавщица мороженого. Еще можно приобрести якобы старинную карту звездного неба, репродукции картин из Лувра, запаянные в целлофан, афиши кинофильмов сороковых — пятидесятых годов с портретами былых звезд, выполненные в манере того времени, ныне объявленной модным стилем «ретро». И рядом — афиши Тулуз-Лотрека, его «Иветт Гильбер», «Джейн Авриль», «Мулен Руж», где он так любил бывать и куда теперь попасть и трудно и баснословно дорого.

Вот до чего же знакомые физиономии! Напыженные и жалкие, умильные и гневливые, преисполненные чувства собственного достоинства и не подозревающие, насколько они смешны. Ну, конечно же, это Домье!

Домье... Удивительно, но его литографии, созданные более ста лет назад и сегодня, сейчас увиденные у букинистов на набережной Сены, вдруг пробудили ощущение подлинности, всамделишности происходящего. Точно не хватало какого-то толчка, чтобы Париж перестал восприниматься пусть изумляющей, но декорацией, пусть прекрасным, но сновидением, чарующим, расслабляющим, в котором нет главного — биения пульса живого, реального города.

Сразу узнаваемые работы великого карикатуриста — небольшого формата, на желтоватой плотной бумаге — оказались той самой находкой, ради которой и стоило рыться в книжных развалах. Находкой драгоценной л и ч н о для тебя. А ведь Париж — и в этом его особенность — только тогда открывается, становится доступен, когда, приустав от восторгов, восхищения его величавой парадностью и уже в глубине души протестуя против нее, обретаешь вдруг л и ч н у ю связь с этим городом, способным, казалось бы, вместе с общим преклонением вобрать и твою робкую к нему любовь.

А разве не листы Домье из серий «Парижские типы», «Супружеские нравы» помогли сбалансировать твою уязвленность дрянной, дешёвой гостиницей с впечатлениями от Елисейских полей, Лувра, площади Звезды? Согласись, Париж отнюдь тебя не обманул, отведя для твоего пребывания тесный комор с умывальной раковиной, прикрытой ширмой-гармошкой, с окнами во внутренний двор, мрачноватый, неприбранный, где рядом с мусорными баками оказались ряды выброшенных унитазов, составившие своеобразную композицию, сходную с теми, что демонстрируются ныне в Центре имени Помпиду как последние достижения современного искусства.

В самом деле, что дает большее ощущение жизненной правды — типичное или исключительное? Типичная парижская гостиница с лифтом, обитым войлоком и пахнущим нафталином, в котором чувствуешь себя как в стоячем гробу, с решетчатой скрипучей дверцей — да разве это не удача, что тебя поселили именно там? А отвесная, как на кораблях, лестница, где двум постояльцам не разминуться и кто-то должен прижиматься к стенке, давая другому дорогу? А коридоры, узкие, извилистые, с рядами номеров-кают, усиливающие ощущение «плывучести» твоего временного пристанища? А то, как горничные, меняя постельное белье, спускают его, завязанное в узел, вниз с крутой лестницы, и оно летит, как снежный ком под гору? А как тоскует в сумраке за конторкой хорошенькая брюнеточка, ведающая ключами от гостиничных комнат, и с какой живостью бросается она каждый раз к зазвонившему допотопному телефонному аппарату? Ее гримасы, ее невидимые, увы, собеседником энергичные жесты — Домье, опять Домье...

И, пожалуй, все тот же Домье, примирив тебя с «плывучей» гостиницей, натолкнул на догадку, что и весь Париж куда-то плывет: его дома с островерхими крышами, с литыми чугунными решетками балконов не выстраиваются строго, дисциплинированно в ряд, но, будто корабли в гавани, выдвигаются вперед носами, образуя не квадраты, а многоугольники площадей.

Их обтекают потоки людей, машин, а дома-корабли движутся, плывут к Сене. На набережной века с семнадцатого обосновались букинисты, в ларьках которых среди штампованных дешевых изделий вдруг да мелькнет умная, грустная улыбка великого парижанина Домье, воспевшего свой город отнюдь не в парадности, но страстно, влюбленно. Любви непоказной, затаенной всегда сочувствуешь больше и больше есть основания ей доверять.

Кстати, Домье и жил тут, близ Сены, на набережной острова Сен-Луи...

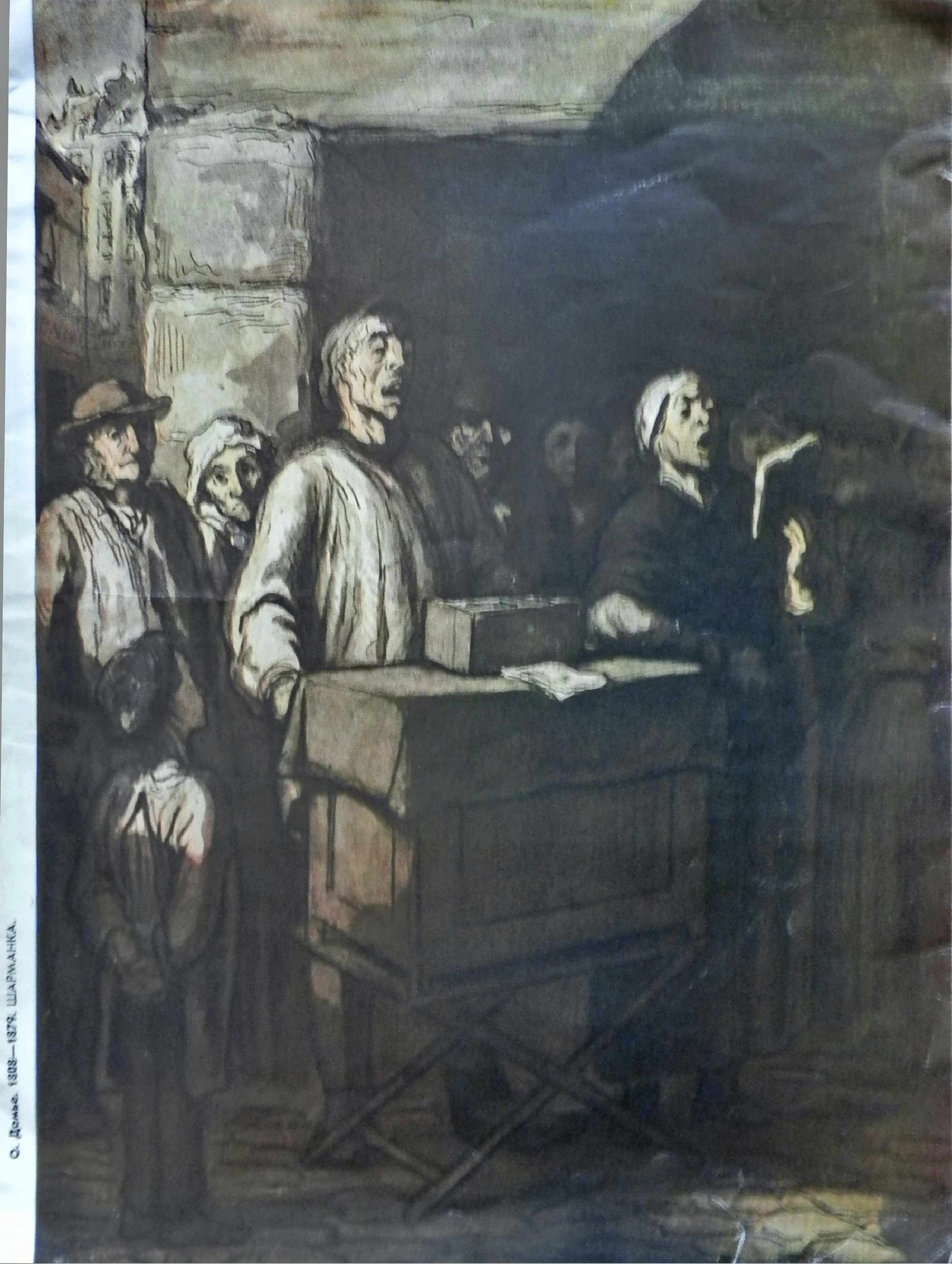
Современники отзывались о нем как о человеке чрезвычайно скромном, непритязательном и мягкосердечном. У него лицо простолюдина с широким размятым носом, и, когда он улыбался, улыбка выходила застенчивая. По сути, самоучка, Домье не только достиг высочайшего уровня профессионального мастерства, но сделал в искусстве такие открытия, которые впоследствии развивали, разрабатывали как золотую жилу многие поколения художников.

Не провозглашая манифестов, деклараций, он не спешил придумать броское название для своей манеры, стиля. Его известное изречение «Надо быть человеком своего времени» — с т е р ж н е в о е для творчества и для личности художника.

Время Домье — XIX век. Июльская революция 1830 года, когда народ Франции свергнул монархию Бурбонов. Революция 1848 года, когда во Франции произошла битва между пролетариатом и буржуазией. И 1871 год, дни Парижской коммуны, когда впервые в истории, пусть ненадолго, к власти пришел революционный пролетариат.

Его время — это и годы реакции, трусливой, эгоистической затаенности, приходящие, как это тогда бывало, на смену энтузиазму, упоительным надеждам, победным возгласам.

Век постоянно испытывал его на прочность. То накалял, то замораживал. Вздымал в высоту, к героизму, подвижничеству и обрушивал

О. Домье. 1808—1879. ШАРМАНКА.

О. Домье. ХУДОЖНИК.

в склизкую грязь, подлость, ничтожество. Но он свою принадлежность времени не так понимал, чтобы, раболепствуя, в грязи копошиться. Его время, несмотря ни на что, держалось в самом накале борьбы — и в этом смысле он оставался своему времени верен.

Говорят, Домье и сам не знал точного количества им созданного. Он занимался одновременно и литографией и гравюрой, скульптурой, масляной живописью. Техника литографии получила широкое распространение во Франции в XIX веке. Рисунок — пером или карандашом — делался на специальном литографском камне, с него получали довольно большое количество оттисков, которые выставлялись в витринах магазинов, продавались с лотков разносчиков. Это был, что называется, массовый вид искусства, доступный для всех слоев населения. Литография привлекала прежде всего своей информационной насыщенностью, мгновенностью отклика на только что свершившееся событие. То есть от художника тут требовались качества, необходимые газетчику, журналисту.

Первые литографии молодого Оноре Викторьена Домье относятся примерно к середине 20-х годов. Карл X, что называется, сам рыл себе яму, идя к единоличной власти и к отмене конституции. Назревало восстание. И оно вспыхнуло. 29 июля 1830 года над Тюильри взвилось трехцветное знамя. Но еще не смолкли звуки «Марсельезы», как у власти уже оказался Луи Филипп.

Домье, как и многие карикатуристы, не раз рисовал Карла X до и после его свержения. Но настоящая гражданская зрелость пришла к художнику после воцарения Луи Филиппа. Внутренняя возмужалость укрепила руку мастера: Луи Филипп — вот кто стал объектом гнева, сарказма молодого Домье.

Он увидел истинное лицо новой власти и показал его тысячам своих сограждан. Измученный человек в нелепом рубище, сшитом из ломбардных квитанций, собирается броситься в Сену с камнем на шее. «Июльский герой. Май, 1831 год» — так он назвал эту литографию. Ясно: обман раскрыт. И ничего смешного нет в этой карикатуре — в ней гнев, мощь собранной в кулак руки.

Французский народ заплатил кровью за то, чтобы одно ничтожество сменило на троне другое. Чтобы на смену брюзгливой фанаберии Бурбонов явилась лицемерная улыбочка финансовой аристократии. Политический вопрос с 1830 года делается исключительно вопросом мещанским, — писал Герцен. — Жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось в меняльные лавочки и рынки: редакции журналов, избирательные собрания, камеры...

Именно в образе Луи Филиппа с его грушевидной головой и тонкогубой коварной ухмылочкой для Домье воплотилось то зло, с которым он будет бороться всю жизнь. Этот коронованный торгаш олицетворил собой все буржуазное лицемерие, как в политике, так и в человеческих взаимоотношениях, где законы нравственные подменяются показной добродетелью, мещанской лживой добропорядочностью, скрывающей хищническое расчетливое нутро. Луи Филипп, отгородивший в Тюильрийском парке маленький — зато свой собственный! — садик-огородик, — какой вдохновляющий пример для всех энергичных хозяйчиков! А супруга Луи Филиппа, и на аудиенциях не выпускающая из рук свое вязание, — ну просто великолепный образчик ханжества. Тем подданным, кто уверует в такого короля, наверняка обеспечен душевный покой, крепкий сон и хороший аппетит.

Правда, у самого короля Луи Филиппа аппетит перерос уже в болезненную прожорливость. Эту его «слабость» и отобразил на одной из своих литографий Домье: пузатый, разбухший до гигантских размеров карлик с грушевидной головой и со слабенькими искривленными ножками восседает в кресле, раззявив ненасытную пасть, в которую по возведенным мосткам забрасываются мешки, корзины с золотом, подтаскиваемые изможденными, запуганными людьми. «Гаргантюа» — называлась эта литография.

Хороший аппетит короля-банкира дорого обошелся стране, народу. Потом обнаружится, что король и человечиной не брезгует, что аппетит его — людоедский.

9 апреля 1834 года в Лионе началось восстание рабочих. Оно отозвалось и в других городах. И, конечно, Париж в стороне не остался.

Но силы были слишком неравны. Всю ночь слышалась стрельба. А утром... Утром толпы людей собрались на улице Транснонен у дома № 12. Здесь произошло убийство, организованное, хладнокровное, ни в чем не повинных стариков, женщин, детей. Дом № 12 мирно спал, когда туда ворвались правительственные войска.

«Улица Транснонен 15 апреля 1834 года» — такая надпись стоит под графическим листом Оноре Домье. Тут свидетельство очевидца. Суровый отчет и страстная отповедь. Глядите, люди, на это злодеяние. Глядите, перед вами документ. Вам надо это знать, люди.

В истории французской графики работа «Улица Транснонен» беспримерна. Уже в нашем, XX веке, ее духом проникнуты репортажи газетчиков-бойцов, солдат-фотокорреспондентов, запечатлевших исторические мгновения, мгновения-символы, о которых человечество, узнав однажды, должно помнить всегда.

В свои двадцать шесть лет Оноре Домье пережил буржуазную революцию, три восстания рабочих, тюрьму за литографию «Гаргантюа», изображающую Луи Филиппа; он был приговорен к шести месяцам заточения и денежному штрафу. Сотрудничая в «Карикатюр», а потом в «Шаривари», он создает целые серии листов-памфлетов, и его манеру, его стиль узнают даже те из соотечественников, которые обычно не запоминают авторскую подпись. Рядом существуют и такие люди, что способны по-настоящему оценить его дар. Бальзак произнес ключевые слова о творчестве Домье: «У этого парня под кожей мускулы Микеланджело». И слова эти особенно значимы в устах того, кто свое кредо в искусстве выразил так: секрет всемирного, вечного успеха — в правдивости.

Правдивостью дышит и все созданное Домье. Персонажи его карикатур при всей гротескности воспринимаются абсолютно естественно, жизненно, реально. Художник не искажает действительное, а добивается большей его выразительности, обнажая скрытую порой под внешней оболочкой сущность. Он не выдумывает, он провидит.

Домье утверждал, что «если сам рисунок ничего не говорит, это значит, что он плохой, подпись под ним не сделает его лучше». Образность — вот что так ценно в его работах. И еще отличительная черта его творчества — серьезность. Впрочем, серьезностью обладали все великие сатирики во все времена. Те самые «незримые миру слезы» — они и питают сатирический дар. Видеть острее, глубже своего окружения сладостно, но и больно. Не случайно среди любимых героев Домье мы встречаем благородного рыцаря из Ламанчи Дон Кихота.

Улыбка Домье, присутствующая в каждом его графическом листе, никогда не бывает однозначной, и такой же неоднозначности он ждет от своих зрителей. В его так называемых карикатурах нравов, например, в «Действии лунного света», «Не вспугни ее...», «На реке», ироническая интонация сколь блистательно остроумна, столь и милосердна. Внутреннее благородство Домье сказывается в том, что, умея увидеть в людях смешное, даже уродливое, он никогда над ними не издевается. Скорее скорбит. Но и скорбь его не прямолинейная, не открытая, а завуалированная улыбкой.

Быть может, такая душевная многоплановость, пластичность и делает его творчество особенно близким для нас, живущих в XX веке.

Великим карикатуристом назвал Домье изысканный, взыскательный Бодлер. И он же отметил поразительную особенность рисунка мастера — красочную природу. Его литографии, писал он, рисунки для деревянных гравюр вызывают представление о цвете. В его карандаше нечто большее, чем черный тон, пригодный лишь для контуров. Он заставляет угадывать краску, как и мысль художника. А это признак высшего искусства, и все художники, наделенные тонкостью восприятия, видят это в его творчестве.

Но ведь, занимаясь графикой, Домье много работал и в масляной живописи и в акварели. Хотя если литографии создали ему прижизненную популярность, то живописные полотна в основном обрели известность уже после смерти художника.

Между тем в живописи он предстает еще большим новатором. Его картины шагнули из своего времени в век последующий так далеко, заронив столь драгоценные зерна в будущее, что только сейчас, пожалуй, можно убедиться, какие же богатые они дали всходы.

Картина «Восстание» по своей экспрессивности предвосхищает творчество Эдварда Мунка, чьи образы уже настолько эмоционально перенасыщены, что действуют как удар током.

Центральная фигура в «Восстании» — юноша в белом одеянии — выражает состояние, именуемое экстазом. Но нет тут исступленности, стихийной неуправляемости; торжественная, высокая, звенящая нота всеобщего воодушевления — так звучит это полотно.

Целый цикл составляют работы, посвященные театру, цирку. Картина «Криспен и Скапен» дана как бы в двойном видении, двойном восприятии — из зрительного зала и одновременно изнутри кулис. Обнажается как бы самая техника актерского ремесла: чрезмерен грим, мимика, позы, жесты. Театральная маска отслаивается от лица актера, и проступает человеческая судьба, характер, будничная его жизнь вне огней рампы. Тут Домье является предвестником творений художников куда более позднего времени — и того же Тулуз-Лотрека, и Дега, и даже Пикассо. Эстрада — зеркало жизни показывается нам Оноре Домье как бы из «зазеркалья».

В современном Париже и сейчас можно увидеть сюжеты, запечатленные Домье: у Центра имени Помпиду собираются толпы вокруг бродячих комедиантов, поющих, танцующих под нехитрый аккомпанемент с преувеличенно радостными улыбками и безучастными, усталыми глазами. Громко бьют они в бубен, а сами настороженно ловят слабый отзвук монеты, падающей в плошку, стоящую тут же на земле.

...Близ Сены прошла жизнь Домье. Сена, будто концентрирующая в себе особенную атмосферу французской столицы, дающая широкое, вольное дыхание, с которого, быть может, и возникает влюбленность в этот город, — Сена в те времена была еще и рабочей рекой, местом труда лодочников, рыболовов, прачек.

«Прачка»... Солнце высветлило до прозрачной голубизны воду и, как сахар, оплавило дома на другом берегу, придав им плавный силуэт далеких горных хребтов на фоне загустевшей синевы неба. А ближний берег оказался в тени; из тени выступают и фигуры женщины с ребенком на первом плане. По крутым ступеням поднимаются они вверх: в одной руке у матери узел белья, другой она поддерживает дочку. Рука женщины, ослабевшая после тяжелой работы, вместе с тем как бы наполнилась нежной заботливостью, материнской лаской. Огрубелые кончики пальцев касаются детской ладошки — и нет опоры надежней материнских рук.

Они идут, женщина и ребенок, обособившись от всего мира, занятые только собой и счастливые этим своим единством.

Поразительны емкость и лаконизм полотна. Небольшое по размеру, оно воспринимается монументально, объемно. Кстати, такое свойство присуще многим работам художника. А ведь гимн жизни вовсе не обязательно должен сопровождаться звоном литавр. Он может быть спет и негромко, певуче-раздумчиво, как это сумел Домье.

...Он прожил жизнь труженика, всегда озабоченного спешными заказами, житейскими неурядицами, сиюминутными обязательствами. Смертельная усталость стала для него привычным состоянием. Но он умел вырываться из нее и создавать то, что требует полной отдачи, молодости, свежести восприятия и что является подлинно великим искусством.

Он запечатлел для нас свое время, свой Париж, свою Францию. Благодаря народности его гения то время, тот Париж, та Франция продолжают существовать поныне, дополняя и углубляя наше понимание дня сегодняшнего.

Париж — Москва.

КРЕПЧЕ КАМЕН

11 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Есть в Монголии пословица: «Два друга крепче каменных стен». Подтверждением этих слов могут служить отношения между Монголией и Советским Союзом.

...Шахта «Налайха-капитальная» — старейшее промышленное предприятие республики. И горняки здесь работают самые квалифицированные.

— Костяк рабочего класса Монголии — мы, шахтеры, — с гордостью говорит начальник второго участка О. Шаравхан. — Уж потом появились машиностроители, теплоэнергетики, цементники и все остальные. Да-да, я нисколько не преувеличиваю, — продолжал знатный горняк, — ведь наша шахта существует с 1922 года. А тогда, чтобы стать шахтером, нужно было немалое мужество. Знаете, почему монгольские сапоги загнуты кверху? По древним верованиям, считалось величайшим грехом ранить землю. Из-за этого не занимались и хлебопашеством. А тут — забраться под землю на сотни метров! Всякое было: и проклинали нас и фанатиков подсылали... Но мы выстояли!

— А где вы научились так хорошо говорить по-русски? — поинтересовался я.

— В Черемхове. Я там учился. Да и здесь все время бок о бок с советскими специалистами. Таких учителей поискать: последние годы наши парни рубают уголек не хуже своих наставников.

Чуть позже я познакомился и с учителями и с учениками. Двадцать лет проработал на шахте «Пронской», что в Новомосковске, Василий Васильевич Бызин. Проходчик он отменный. Приехал в Монголию и тут же возглавил бригаду. За два года бригада из пяти человек прошла более трех тысяч метров горных выработок.

— А что дальше? Пойдете на рекорд? — спросил я у Василия Васильевича.

— На рекорд пойдут без меня, — ответил он. — Мое дело — готовить хороших специалистов. На днях принимаю другую бригаду. Думаю через годик и из этих ребят сделать настоящих проходчиков.

Вечером, когда стылое, исхлестанное ветрами солнце зацепилось за террикон, учителя и ученики собрались у стоящего на постаменте проходческого комбайна. Лучшие монгольские шахтеры — депутат Великого народного хурала Д. Гонгар и лауреат Государственной премии МНР Ц. Дорж прощались с советскими специалистами, которые возвращались на Родину. Объятия, улыбки, слова благодарности.

●

А через день в прекрасном зале Дома профсоюзов состоялся вечер дружбы. Шахтеры сидели в первых рядах и громко аплодировали артистам. Концерт удался на славу! Прекрасный танцевальный ансамбль, великолепные оперные певцы, блестящая балетная пара.

После концерта нас пригласили на чай. Хозяйкой была Сувдаа Намсрайн. По-русски она говорит без малейшего акцента: еще бы, Сувдаа пять лет училась во ВГИКе, в классе Б. А. Бабочкина. Сейчас она — одна из самых популярных актрис Монголии. На сцене драмтеатра играет главные роли в пьесах монгольских авторов, в «Бесприданнице», «Оптимистической трагедии», «Ромео и Джульетте», снялась в восьми фильмах. Актриса очень изящна, улыбчива, легко откликается на шутку, чрезвычайно энергична и, я бы сказал, активна.

— Активность наших женщин общеизвестна, но мы предпочитаем об этом помалкивать, — улыбнулся известный певец, народный артист республики Д. Жаргалсайхан. — И без того они забрали всю власть — и в семье, и на производстве, и в общественной жизни.

— Он прав, — сказала Сувдаа. — Трудолюбие, общественная активность и, разумеется, женственность — национальные черты монголок. Наверное, поэтому мне близки такие образы, как Комиссар из «Оптимистической трагедии».

— Сувдаа верно говорит, — поддержала подругу балерина Ю. Оюун. — Еще в годы учебы в Ленинградском хореографическом училище я удивляла педагогов тем, что охотнее танцевала Одиллию, а не Одетту, Китри, а не Жизель, Зарему, а не Марию. Словом, романтические, я бы сказала, бледные, страдающие девушки мне не так близки, как сильные, энергичные, пусть даже коварные, но борющиеся за себя и свое счастье. Эти качества пригодились мне, когда три года назад в жесточайшей борьбе на Международном конкурсе в Токио завоевала звание лауреата.

Творческий путь Х. Уртнасан тоже не из легких. Сначала пела в самодеятельности, потом в народном хоре. Об опере и не помышляла, хотя чуть ли не каждую ночь видела себя во сне в роли Татьяны или Чио-Чио-Сан.

— Вот и не верь после этого снам, — улыбается певица. — Заснула я однажды в Улан-Баторе, а проснулась... в Софии. Полтора года училась в студии при оперном театре, и у кого — у самого известного педагога. В нашей студии были итальянки, француженки, кубинки — все довольно известные оперные певицы, я же среди них, как ворона в соловьиной стае. Но я распелась! Так распелась, что, вернувшись домой, спела Травиату, ведущие партии в национальных операх и даже тайную мечту моих вещих снов — Чио-Чио-Сан. Сейчас в нашем театре ставят «Евгения Онегина», так что вот-вот сбудется и главная мечта — спеть Татьяну.

«Я к вам пишу — чего же боле? Что я могу еще сказать?» Со школьной скамьи мы помним эти слова. Но когда они звучат по-монгольски, когда певица чуть слышно аккомпанирует сама, когда ее голос, сильный, сдержанный и страстный, проникает в душу, — честное слово, начинаешь верить в то, что сомнения и страдания русской девушки начала прошлого века действительно близки и понятны дочери монгольских степей.

Уж на что сдержан Д. Жаргалсайхан, и то зааплодировал. А ведь на премьере им петь вместе: Гремин — одна из любимых ролей народного артиста. Он тоже учился в Софии, окончил консерваторию, а вернувшись, стал работать в оперном театре. За пятнадцать лет спел двадцать партий: Мефистофель, Кончак, старый цыган в «Алеко», партизан Хасбатр, В. И. Ленин в опере «Октябрь» — вот каков диапазон ролей Жаргалсайхана. Что и говорить, интересен и, я бы сказал, символичен жизненный и творческий путь сына арата из дальнего восточного аймака.

Расстались мы поздним вечером. Сувдаа сказала:

— Если хотите увидеть самый молодой и самый красивый город, если хотите побывать на самом современном предприятии, если хотите познакомиться с самыми классными специалистами — отправляйтесь в Эрдэнэт.

В Эрдэнэт я влюбился, как говорят, по уши. Городок небольшой — сейчас здесь всего тридцать две тысячи жителей, но до чего же он красив, уютен, добротен и компактен!

Но над всем властвует горно-обогатительный комбинат — совместное монголо-советское предприятие. В дирекции, конструкторском бюро, всевозможных технических службах и непосредствен-

В. В. Бызин (крайний справа)

Встреча после концерта:

НЫХ СТЕН

...беседует со своими друзьями Д. Гонгаром, О. Шаравханом и Ц. Доржем.

...Д. Жаргалсайхан, С. Намсрайн, Х. Уртнасан и Ю. Оюун.

но в цехах бок о бок работают монгольские и советские специалисты. Причем советские инженеры и рабочие выступают не в роли консультантов, как на других фабриках и заводах, а в поте лица выполняют производственный план.

Вот, скажем, бригада флотаторов Н. Ф. Криворучко: шестеро монгольских и четверо советских рабочих.

— Никаких проблем, — говорит Николай Федорович. — Друг друга понимаем с полуслова. Сработались так, что даже на моем родном Джезказганском комбинате заняли бы одно из первых мест.

— Слаженная работа во многом зависит от бригадира — это общеизвестно. Пока вы на месте, все нормально. А если заболеете или уйдете в отпуск? Справятся без вас? — спросил я.

— Еще как справятся! К тому же у меня прекрасный заместитель. Сухабатор, тут вот спрашивают, как сработает бригада, если я, скажем, заболею. Что скажешь, а?

— Болеть не надо. Болеть плохо. Я тебя вылечу. Любую простуду выгоню. Натру бараньим салом, дам выпить кумысу, только теплого, и хвороба выскочит наружу... А о бригаде не беспокойся. Как это по-русски: «глаза боятся, руки делают», — так? Знаешь, как я боялся, когда приехал на практику в Союз! Есть такой город Гай. Первый раз в жизни увидел завод: шум, грохот, скрежет, свист. В общем, если занят делом — не до страха... В прошлом квартале Николай в отпуске был, на Родину ездил, — обернулся ко мне Сухабатор. — Месяц работали без бригадира. И ничего, не подкачали: первое место никому не уступили.

Чуть позже Сухабатор познакомил меня со своим земляком, машинистом рудной мельницы Х. Рагчаа.

— Он здесь с первого дня. Так что знает побольше меня, — отрекомендовал товарища Сухабатор.

Рагчаа сказал:

— Жил в аймаке. Был пастухом. Узнал о стройке. Сел на коня — и в Эрдэнэт. Копал землю, забивал сваи. Потом стал монтажником. Подняли стены — послали в Союз. В Алмалыке стал машинистом рудной мельницы. С работой справляюсь. Учу молодежь. Вот и все.

Вот и все... А ведь за этим целая жизнь — жизнь поколения, всего народа. Так же, как Рагчаа, тысячи юношей и девушек, детей простых аратов, садились на коня и отправлялись в путь — одни на стройки, другие на шахты и заводы, третьи — в институты и консерватории. Путь этот не гладок, он полон ухабов и крутых поворотов. Но он верен! Рядом верные и надежные друзья — Советский Союз и все страны социалистического содружества. А эта дружба крепче каменных стен!

Кадр из фильма.

ПОЭМА О ХЛЕБОРОБЕ

«Здесь, на моей земле» — так называется новая кинолента студии «Мосфильм» (автор сценария Борис Привалов, режиссеры-постановщики Владимир Досталь и Анатолий Чемодуров, операторы Юрий Авдеев и Владимир Фридкин).

Это впечатляющий рассказ о человеке, всю жизнь посвятившем хлебу, заботе о том, чтобы вдоволь было хлеба для всех людей, — селекционере пшеницы академике Луговенко. Он великий подвижник. Друзья, преданные и ему и науке, лет пятьдесят назад окрестили его мечтателем: еще в годы коллективизации, когда урожай сам-пятнадцать считался пределом, он заявил, что норма урожая — сто центнеров с гектара!..

Борьба в тиши административных кабинетов порой оказывалась куда опаснее черных бурь, в мгновение ока оставляющих поле без посевов.

Артист В. Седов, исполнитель роли Луговенко, создает достоверный благородный образ героя, показывая кипучую, бойцовскую натуру, страстную и бескомпромиссную.

Луговенко пришлось бы труднее, не будь рядом с ним на протяжении десятков лет партийного работника Назарова — такого же верного рыцаря хлеборобов. Эта роль — еще одна удача и фильма и артиста В. Гавалло. Его герой — коммунист, опытный партийный руководитель; он организовывал первые колхозы, был секретарем райкома, стал первым секретарем обкома партии... По натуре боец, увлеченный делом, он мыслит масштабно, думает с учетом дальних перспектив: поистине современный руководитель, организатор дела и людей. И оба они, Луговенко и Назаров, несмотря на всю несхожесть профессий, политические деятели.

Примечательный разговор состоялся в НИИ, возглавляемом Луговенко, с группой представителей американских деловых кругов. В ответ на реплику гостя из-за океана, что хлеб и политика — разные вещи, академик заявил:

— Пшеница — это хлеб. А хлеб — хотим мы того или не хотим — всегда политика!

Да, хлеб — это всегда политика... За доказательством недалеко ходить в наши дни, когда некоторые бизнесмены тщетно пытались навязать нам свой диктат путем пресловутой «пшеничной блокады»... Фильм глубоко патриотичен. Это заслуга и тех актеров, кто уже назван, и других мастеров экрана — таких, как В. Заклунная, И. Лапиков, Н. Волков...

Фильм, хоть это и не сказано в титрах, посвящен памяти великого селекционера, дважды Героя Социалистического Труда, академика Павла Пантелеймоновича Лукьяненко. Картина снималась на родной ему кубанской земле, которая была для него гигантским опытным полем. Бережно, с большим тактом использованы в фильме подлинные факты биографии замечательного ученого.

Геннадий ВЯТСКИЙ

М. БАРИНОВ

В статье «Сто вопросов про любовь» («Огонек» № 26, 1979) рассказывалось о дискуссионном клубе старшеклассников при ЦДРИ СССР — «Встреча с будущим».

Редакция получила много писем читателей с просьбами продолжить рассказ о работе интересного клуба.

Выполняя их пожелание, мы публикуем репортаж из этого клуба, где шел спор об острой проблеме, волнующей людей в шестнадцать-семнадцать лет: выбор жизненного пути. Приглашаем читателей высказать и свое мнение по вопросам, затронутым в ходе этого спора.

СУДЬБА ТВОЯ — В ТВОИХ Р

Выбор жизненного пути. Какая это сложная проблема для человека в шестнадцать-семнадцать лет!

В клубе, которым я руковожу, уже есть свое старшее поколение. «Старики» немало испытали, хотя их взрослая дорога только начинается. Вот мы и задумали: пусть они поделятся своим опытом, расскажут о первых шагах, первых впечатлениях в такой далекой для школьников, такой заманчивой и немного «страшной» взрослой жизни.

Итак, на нашей очередной дискуссии речь идет о профессии рабочего. Такой профессии, конечно, нет — их тысячи, разнообразных рабочих профессий, но мы употребили это словосочетание как собирательный образ.

В зале наша обычная аудитория: школьники, пэтэушники, студенты, молодые рабочие. Немало взрослых. Множество ребят из младших классов — им тоже интересно.

А за столом перед аудиторией — наши рабочие. Это очень здорово: наши рабочие. Давно ли были несмышленышами, младшими, с почтением слушали старших на заседаниях. Потом подросли и стали сами выступать, а теперь — «старики», члены Совета клуба, взрослые люди.

Четверо за столом, но какие они разные!

Саша Г. Его судьба, жизнь, цель — ясная и прямая как стрела. Еще совсем малышом привел его в клуб старший брат. «Хочу быть шофером!» — сказал тогда Саша. Так и сталось. Окончив одновременно десятый класс и автошколу, он уже второй год трудится на автобазе. «Имею пять специальностей; водитель, испытатель, перегонщик, автослесарь, радист!» — с гордостью говорит Саша.

Андрей Н. До окончания школы так и не определил свою дорогу. После десятого класса работал лаборантом-охотоведом, теперь он плотник. Убежден: надо попробовать себя в жизни. Жизнь научит, точно определит путь.

Дима М. Не прошел по конкурсу в Высшее художественно-промышленное училище. Сейчас собирается снова пытать счастья, а пока работает грузчиком.

Илья Т. Днем он студент радиотехникума, а по вечерам — уборщик в ЦДРИ: это чтоб не обременять родителей расходами на его одежду, питание, но главное — хочется ему чувствовать себя взрослым, самостоятельным.

Вот эти четверо и будут вести дискуссию. Ребятам по девятнадцать-двадцать лет. Всего на два-три года старше десятиклассников-выпускников, но какая разница во взглядах на жизнь, в восприятии окружающего мира! Вот наглядный пример того, что происходит с человеком, переступившим порог в самостоятельную жизнь! Даже едва только переступившим.

Андрей ставит первый вопрос: кто после окончания школы собирается работать на производстве?

Вопрос вроде бы простой, но зал молчит. Тогда Андрей меняет вопрос: кто хочет после школы поступить в институт? Лес рук. «А кто точно решил, в какой именно вуз?» Лес становится хилой рощицей. Таким образом, наши ведущие довольно быстро выяснили следующее: большинство старшеклассников хотят после школы учиться в вузах. Однако очень мало в зале таких, кто точно знает, для чего им это нужно. Большинство побуждается инерцией, которая исподволь, но упорно вырабатывалась родителями многие годы.

Далее, однако, выясняется, что инерция в общем-то не так уж и сильна. Очень многие старшеклассники вовсе не проявляют настойчивости, необходимой для того, чтобы хорошо окончить школу и успешно справиться с конкурсом при поступлении в институт. И в большинстве своем они уже понимают, что в вузы не попадут. А куда же тогда? Оказывается, если уж совсем откровенно, об этом как-то и не думается...

Такой углубленный зондаж, размышление о вещах, казалось бы, очевидных, а главное, выводы, обескураживают зал. А ведущие продолжают неторопливую, вдумчивую беседу. Причем ведут ее так, что зал принимает самое активное участие в дискуссии (кстати, это в дословном переводе означает «исследование»).

Андрей просит поразмыслить над таким вопросом: почему (как он считает) после школы выгодно сразу идти на производство?

После некоторой паузы начинают поступать ответы: «Потому что сразу чувствуешь себя самостоятельным», «Потому что это приятно: наравне с родителями, как взрослому, получать зарплату», «Потому что очень хорошо из иждивенца превратиться в производителя материальных ценностей».

— В общем-то все это правильно,— комментирует Андрей,— но главное — другое. Когда я пришел на производство, сразу почувствовал не ту, не школьную ответственность. Эта, взрослая, на две ступени выше.

— Почему это? А в школе не было у тебя ответственности? — раздался задорный голос из зала.

— Была, конечно. Да только ты сам знаешь, за сколько спин в случае чего школьник может спрятаться. А на производстве — шалишь,— на производстве сам за все ответ держать должен.

— Так какая же тут выгода? — засмеялся кто-то.

— А очень простая,— ответил ведущий,— ответственность на производстве, она, знаешь, очень быстро делает пацана взрослым.— Потом Андрей чуть запнулся, улыбнулся и поправился: — Может быть, и не совсем еще взрослым, но... Проще говоря, на огромном заводе или в маленькой мастерской рабочий с первых же своих шагов получает столько жизненного опыта, сколько в школе он не получит за все десять лет!

И тут в зале поднялся парнишка-десятиклассник: «Но как же институт? Выходит, если там нет производственной работы, а только учеба, значит, и студент остается иждивенцем, не знающим жизни?»

Парнишке ответил студент Московского автодорожного института Саша М., тоже ветеран, тоже член Совета клуба.

— Прошлой осенью мы проработали два месяца на строительстве олимпийского объекта, поэтому я могу приблизительно сравнивать. Приблизительно, потому что ни стройотряд, ни любая другая форма работы студентов не может в полной мере сравниться с постоянным производственным трудом. Так вот, ты прав: студенты ни по жизненному опыту, ни по ответственности за себя не могут сравниться со сверстниками-рабочими. Это уж им придется добирать после института.

— А я вообще уверен, что после школы все, понимаете, все, должны проработать на производстве. Года два, три! — воскликнул Андрей.

— С ума сошел! Все забудем за три года! — закричали из зала.

— Значит, не очень-то стремишься помнить! — парировал кто-то из ведущих.— Значит, не по делу собрался в вуз. А уж если надумаешь учиться дальше, если будет у тебя такое твердое решение, то, как бы трудно ни было, готовься, не жалей сил, потому что такой вуз, такая учеба в сто раз будут дороже, ценнее и для тебя и для людей.

— Итак, Андрей, ты утверждаешь, что, не проработав на производстве, выпускник школы не только жизни не узнает, но даже и не сумеет правильно выбрать свой путь в будущем? — раздается новый вопрос из зала.

— Не всегда,— отвечает Андрей,— я не настаиваю, что это единственно верный путь, но, по-моему, он гораздо надежнее, чем другие. И вот почему. Профессия, главное дело в жизни — ведь это очень серьезные, взрослые вопросы, не так ли? А кто, по-вашему, лучше решит взрослый вопрос: ребенок или взрослый человек? Ясно, что взрослый. Вот и я считаю: раз парень из школы, попавший на производство, быстрее взрослеет, значит, он сможет вернее и взрослые проблемы решать. В том числе и выбор дела на всю жизнь.

— Однако есть тут и другая сторона. В раннем приобщении к рабочей профессии имеются и немалые недостатки, я бы даже сказал, опасности...— подает голос Дима.— Кто попробует назвать их?

— На производстве рабочий не обретет кругозора, который получает студент в институте...— нерешительно произносят из зала.

— Точнее: сама производственная деятельность ограничивает для рабочего возможности внутреннего развития. Он не станет интеллигентом в полном смысле этого слова,— уверенно чеканит какой-то юноша.

— Допустим...— неопределенно замечает Дима,— а, кстати, как бы ты сформулировал понятие «интеллигент»?

Молодой человек, немного подумав, так же уверенно произносит:

— Соединение: всесторонне развитый интеллект, физическая и духовная культура, гуманизм...

— Пожалуй, годится,— соглашается Дима.— И ты считаешь, что рабочий лишен возможностей достигнуть этого?

— Ему мешают условия жизни, точнее, образ жизни...— Юноша пожимает плечами.

— Кто еще хочет высказаться? — обращается Дима к залу.— Напоминаю вопрос: какие

УКАХ

опасности для личности молодого человека и какие вообще недостатки заключены в образе жизни рабочего?

— В общем-то парень верно сформулировал,— говорит другой юноша.— Положение рабочего само по себе ограничивает возможности всестороннего развития.

— Допустим,— снова произносит Дима.— Теперь рассмотрим это самое положение во всех аспектах. О том, что на производстве семичасовой рабочий день, говорить не станем. У всех семичасовой рабочий день — так что этот показатель вынесем за скобки. О том, что человек, который прямо из школы идет на производство, в материальном отношении устроен лучше студента, а также лучше молодого специалиста — своего сверстника, тоже спорить не приходится. И это преимущество сохраняется по меньшей мере на семь — десять лет. Так или нет?

— Так! — подтверждает зал.

— Значит, материальная база есть. О куске хлеба с маслом думать не приходится. А вот еще общеизвестный факт: по всей стране действует широкая сеть заочных средних и высших учебных заведений. По всей стране имеется широко развитая система спортивных организаций. Все это — и пища для души и здоровье для тела — все это предлагается всем гражданам, и, конечно же, молодые рабочие тут на первом месте. Что же касается крупных производственных предприятий, то на них молодые рабочие, как и все, впрочем, члены производственного коллектива, пользуются дополнительными возможностями повышения культурного, интеллектуального уровня. Вам ведь это все известно?

— Ну, в общих чертах — да,— говорит молодой человек, который «формулировал» мысль об ограниченности возможностей роста для рабочего.

— Хорошо, что хоть в общих чертах,— иронически вздыхает Дима.— Почему же ты тогда утверждаешь, что рабочий не способен стать интеллигентом?

— Так я же не о том! — азартно возражает оппонент.— Просто, вкалывая по семь часов у станка, он будет думать только о том, как бы поскорее на кушетку, домой, к телевизору...

— Ясно,— говорит Дима.— Во-первых, по выводам социологов степень усталости людей от умственного и физического труда примерно одинакова. Во-вторых, ты, наверное, хорошо знаешь, что лучший отдых — смена занятий. Если ты занят физическим трудом, отдыхай, занимаясь трудом умственным. Ну, а самое главное, я считаю, вот что: если человек задумает осуществить большую цель, скажем, заниматься самообразованием, самовоспитанием, то семичасовой рабочий день на производстве для такого дела не препятствие.

— Похоже, мы просто неправильно представляем себе как образ молодого рабочего, так и его возможности,— задумчиво произносит девушка.

— Да, наверно,— подтверждает Дима.— Однако, знаешь, те, кто тут говорил об ограниченных возможностях для внутреннего роста молодого рабочего, тоже ведь правы!

Зал явно удивлен. Вскакивает юноша, который «формулировал»:

— Теперь уже совсем непонятно. Если и материальные и духовные возможности, предоставляемые производством, так велики, в чем же тогда дело? И почему же это я прав?— И все хохочут, с таким недоумением парень это говорит. Но все понимают, что действительно получается какая-то нелепость.

— Объясни ты, ради бога, в чем загвоздка? — просит кто-то.

Дима улыбается, выдерживает паузу, потом говорит:

— Загвоздка, как вы выразились, или опасность, как сказал я, заключена в нас самих. Кстати, обратите внимание на потребительский, так сказать, акцент, который преобладал в нашем разговоре. Мы обсуждали взаимоотношения рабочего и завода односторонне, говорили лишь о том, что дает производство молодому рабочему, но никто почему-то не поставил другого вопроса: а что именно может предложить вчерашний выпускник производственному коллективу?

— Объясняй дальше,— требуют из зала.

— Охотно. Дело в том, что порой молодые рабочие не пользуются, просто не хотят пользоваться тем, что предлагает им их собственное предприятие и, так сказать, Советская власть в целом.

— Это как же понять: ему дают, скажем, квартиру, а он «не хочу»! Так, что ли?

— О нет! Насчет квартиры все в порядке. Он не только не отказывается, но даже нажимает на то, что молод, ему, дескать, надо строить свою жизнь, у него молодая жена и так далее. Тут он свои права знает и энергии ему не занимать. Так же и насчет дома отдыха, очереди на «Запорожец», словом, всего, что можно получить. А вот насчет взаимоотдачи — вечерних вузов, участия в культурно-просветительских секциях, даже насчет серьезных занятий спортом — тут дело худо. Знаю даже такой случай: на великолепной водной станции крупного московского завода гниют новые шлюпки, ржавеют акваланги, зарастает илом гавань. Некому заниматься. Некому! Словом, когда дело касается стороны духовной, а не материальной — а эта сторона требует активного действия, усилия,— здесь вчерашний школьник пасует. И вылезает такое равнодушие, безразличие, что страшно делается. Став на производстве самостоятельным, вроде бы даже взрослым, молодой человек часто оказывается не в состоянии справиться с навалившейся на него свободой, материальной обеспеченностью и... начинает разлагаться!

— Ну, уж это ты хватил! — недовольно протянул кто-то.

— Хватил? — прищурился Дима.— А вы присмотритесь к парням в рабочих спецовках, что толкутся в обеденный перерыв возле винных магазинов. Это кто? Бедненькие рабочие, которым не дают стать интеллигентами, или же лентяи и потребители, которым лень тащить себя за шиворот в мир знаний, духовного роста, совершенствования?!

— А зачем тогда общественность, комсомол?! — закричал чернявый паренек.

— Ты утверждаешь, что общественность и комсомол должны только тем и заниматься, чтобы перевоспитывать алкоголиков и лодырей? — возмутился Дима.

— Нет, ребята, надо нам самим всегда во всех случаях и ситуациях прежде всего ставить перед собой вопрос: гожусь ли я для этой жизни? Но иные, с позволения сказать, «рабочие» от маминой юбки, ставят вопрос иначе, чисто потребительски: «Годится ли эта жизнь для меня?» — вступил в разговор Илья Т.— Я целиком за трудовое воспитание, только не на производстве, а «до того». В школе, в семье. Но пока что слабовато у нас с этим делом! Немалая вина и школы и родителей в том, что вырастают потребители.

— Что ты предлагаешь? — спросил из зала девятиклассник.

— Сколько тебе лет? — ответил вопросом на вопрос Илья.

— Шестнадцать, а что?

— А сколько ты тратишь за месяц денег?

— Не знаю... Не считал.

— Ну, а если прикинуть?

— Так... Поесть в школе, в воскресенье пойти куда-нибудь... В общем, рублей десять в неделю, не больше.

— Деньги предки дают?

— А кто же?!

— Так. Еще добавь на обед — завтрак — ужин дома, скажем, по рублю, по полтора в день. Вот и получается примерно сотня в месяц на одного тебя. И все за счет предков. Они что у тебя — богатые?

— Ты к чему это? Скажешь еще, что родители не обязаны содержать своих детей?! — перешел в наступление парень.

— Нет, отчего же,— спокойно ответил Илья,— обязаны. Ты, кстати, не забудь этого, когда свои появятся! Обязаны, конечно. Вот только ты мне ответь: а ты-то сам обязан что-нибудь или нет?

— Пожалуйста: обязан хорошо учиться, по дому помогать... в магазин за продуктами ходить... Вот!

— Ученье не в счет: это ты для себя. Насчет домашних дел, их у взрослых еще больше, тут считаться нечего. А вот насчет денег... Не думаешь ли ты, что можешь и помочь семье материально?

— А они в этом не нуждаются! Говорят: учись только!

— Это они говорят, а у тебя-то своя голова на плечах есть? Почему парень пятнадцати-шестнадцати лет не может заработать сорок — пятьдесят рублей в месяц? И нетрудно, между прочим: почту разносить, лифты мыть, дворником, слесарем в жэке работать — ты знаешь, как всюду нужны люди?! Я вот уборщик в ЦДРИ — по вечерам полы мету, мою. И ничего — учусь в дневном техникуме. Получается. И для здоровья ничего, кроме пользы. И дома, между прочим, почему-то не возражают!

* * *

...Беседуют. Спорят. Слушают наших «стариков», потом опять спорят. С трудом доходит до ребят, что далеко еще не все про их воспитание, про их судьбы понятно взрослым: учителям, воспитателям, родителям. Постепенно начинают понимать: если хотят они стать настоящими людьми, то многое надо решать самим, сейчас, немедленно.

Наши рабочие, конечно, немного резко говорят, несколько перегибают... И в том, что только через производство должен пройти каждый выпускник; и в том, что непременно всем подросткам надо уже в школе зарабатывать деньги; и в том, что самовоспитание — единственный путь совершенствования молодого рабочего. Да, пережимают немного. Но ведь это же факт, что очень много у нас выпускников — белоручек, маменькиных сынков! Факт, что многие выпускники стремятся в вузы только из соображений «престижности»! Факт, что иной раз стоит парню научиться вставлять резец в суппорт или напильником по детали провести, как он уже «сам с усам!». И перед этими тревожными фактами вовсе не кажется мне криминальным, что перегибают немного наши ребята, что резко говорят, злые слова бросают в притихший зал. В главном-то они правы: во все века настоящего человека делал труд и только труд. Это не мы у себя в клубе выдумали, это истина, открытая давно и не требующая доказательства!

...Беседуют. Спорят. Не сразу, не вдруг доходит до ребят, что свои судьбы держат они в собственных руках.

БОЛЬШОЙ УРАЛ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Урал... Могучая горная система на стыке Европы и Азии, простершаяся от Ледовитого океана до казахстанских степей... На каменный хребет Земли как бы нанизаны пять областей — Свердловская, Челябинская, Пермская, Оренбургская, Курганская — и Удмуртия. Таковы владения Уральского экономического района. Сегодня Большой Урал — один из крупнейших в стране, высокоразвитый, разнообразный и сложный по своей структуре производственный комплекс тяжелой индустрии. Общесоюзное значение имеют черная и цветная металлургия, тяжелое машиностроение, химия, добыча минерального сырья и газа, переработка древесины...

Дальнейшему развитию производительных сил Урала было посвящено недавнее заседание коллегии Госплана СССР под председательством Н. К. Байбакова, на котором были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения ученых Уральского научного центра Академии наук СССР. В работе коллегии приняли участие секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета СССР по науке и технике академик Г. И. Марчук, президент Академии наук СССР, академик А. П. Александров, руководители министерств и ведомств, партийные работники.

Уральскому научному центру, созданному на базе существовавшего здесь ранее филиала Академии наук СССР, нет еще и десяти лет. Однако достаточно даже беглого ознакомления с выставкой, которая была развернута в здании Госплана, чтобы убедиться: путь, пройденный учеными, не мал и плодотворен. В десяти институтах Центра ведутся фундаментальные исследования, связанные с изучением физики и химии твердого тела, математики и механики, высокотемпературной электрохимии, теории металлургических процессов, по геологическому и геофизическому изучению Уральской геологической провинции, по экономике, экологии, социологическим проблемам, истории Урала и философским вопросам естествознания... Научные учреждения Центра привлечены к выполнению заданий по 17 крупным научно-техническим проблемам Госкомитета по науке и технике, участвуют в национальных и международных программах «Человек и биосфера», «Геомагнитный меридиан», «Интеркосмос». В 1979 году окончательно доработаны, утверждены и успешно реализуются целевые комплексные научно-исследовательские программы — КНИП: «Недра Урала», «Черная металлургия Урала», «Урал-биосфера».

В разработке ряда проблем вместе с учеными Центра принимают участие исследователи соседнего Сибирского отделения Академии наук СССР, Казахстана, Коми АССР, Башкирии.

Все это говорит о том, что на Большом Урале есть большая наука и она близко стоит к народному хозяйству. Вот некоторые данные из доклада председателя президиума Центра академика С. В. Вонсовского, ярко отраженные и на выставке. В результате использования разработок ученых экономический эффект на предприятиях цветной металлургии только за четыре года составил около 15 миллионов рублей. Суммарный же эффект от внедрения научных достижений за все время — свыше 200 миллионов рублей, причем если пять лет назад на рубль затрат возвращался стране один рубль, то теперь на каждый рубль — три!

Об этом говорят схемы и диаграммы, макеты установок и производств и различные действующие приборы, представленные на выставке.

Осматривая выставку, президент Академии наук СССР академик А. П. Александров особое внимание обратил на новые материалы и методы неразрушающего контроля, созданные в Институте физики металлов на основе фундаментальных исследований, стоящих в плане Академии наук СССР, а именно: теории твердого тела, физики магнитных явлений, полупроводников, сверхпроводимости... Это прежде всего гамма материалов с различными магнитными свойствами. Одни из них магнитно-мягкие, изменяющие свою форму и размер при намагничивании, другие, на основании сплава из самария и кобальта, магнитно-жесткие, сверхсильные магниты. Некоторые из них обладают рекордно высокой — такой еще не получали нигде в мире — магнитной энергией. Крохотный постоянный магнит может удерживать груз, в пятьсот раз превосходящий его собственный вес.

У мягких магнитов замечательная перспектива с многомиллионным экономическим эффектом в металлургии. Миниатюрные устройства, так называемые «магнитостриктора», установленные на прокатных станах, будут автоматически поддерживать заданную толщину листа, а муфты из этого материала предотвратят выход стана из строя при перегрузке.

Для постоянных магнитов совершенно неожиданно открылся простор в такой отдаленной от тяжелой индустрии отрасли промышленности, как текстильная, и они стали добрыми помощниками прядильщиц. Экскурсовод объясняет принцип нехитрого устройства в виде магнитной дверной защелки. «Но попробуйте разъединить две его половинки... Никак? Так и должно быть!» Схема показывает, как защелка мгновенно отключает подачу ровницы — попалась в капкан! — при обрыве нити. А это означает сэкономленное сырье и время, облегчение труда самой работницы. На Яковлевском льнокомбинате в Ивановской области такие «капканы» установлены на всех 152 прядильных машинах. И вот результат: 280 тонн пряжи или полмиллиона метров тканей дополнительно к плану! Сколько же материй — хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных — поступит в магазины, если этими защелками будут снабжены прядильные машины всех фабрик и комбинатов страны! Стоит задуматься и планирующим органам и приборостроителям, выпускающим такие приспособления.

На основе изучения магнитных свойств материалов создано целое семейство дефектоскопов для неразрушающего контроля механических свойств и определения структуры металла, качества его термической обработки, разбраковки деталей и разных изделий — от листа и трубы до коленчатых валов, подшипников и шариков, шестерен и болтов... Раньше для определения, допустим, твердости, по шкале Бренеля (есть такой общеизвестный в технике прибор) надо было отшлифовать одну из поверхностей изделия, потом, повреждая ее, вдавливать в нее инструмент. И долго и сложно, к тому же следы проверки не исчезают. Сейчас достаточно прикоснуться щупом к любой точке детали, и шкала прибора даст безошибочный ответ. Быстро и точно! Одному из таких приборов присвоен государственный Знак качества. Несколько тысяч дефектоскопов уже работает на различных заводах страны.

А приборы — помощники хирурга? На основе тех же магнитных свойств они с величайшей точностью определяют место расположения предмета, который необходимо удалить из организма больного, отсасывают жидкость и кровь из полости при операции.

Наконец, еще одна разработка Института физики металлов — технология гидроэкструзии. Это такой метод резания металлов, когда рабочим инструментом становится... жидкость и самый труднообрабатываемый материал приобретает нужную форму. На стенде полая шестерня, выдавленная из довольно тонкой трубки. Если б ее вытачивали, потребовалась бы огромная заготовка и много бы металла пошло в стружку.

На примере этого института («Честь и хвала такому институту!» — говорил в своем выступлении академик А. П. Александров) видно, сколь широк спектр исследований уральских ученых и как плодотворен тут союз теории и практики.

Всеобщий интерес вызвали новые, разработанные в Институте геофизики методы разведки полезных ископаемых, например, посредством электромагнитного зондирования с помощью МГД-генераторов; меры по охране природы Урала и рекультивации земель («Ни в одном научном центре,— подчеркнул в своем выступлении академик Г. И. Марчук,— не уделяется так много внимания экологии, как на Урале»); твердые безвольфрамовые сплавы, успешно разработанные Институтом химии, Кировградским заводом твердых сплавов и ВНИИТСом — металлорежущий инструмент и износостойкие детали из этих сплавов, заменяющих дефицитный вольфрам и повышающих производительность труда станочников на 13 процентов, нашли широкое распространение в станкостроении, машиностроении, автомобильной промышленности. Составы сплавов и способы их производства запатентованы в ГДР, ЧССР, ФРГ и Англии. Институт химии внес на рассмотрение Госплана СССР предложение о строительстве в 11-й пятилетке крупного цеха по выпуску безвольфрамовых твердых сплавов.

Каковы же пути дальнейшей интенсификации народного хозяйства региона? На них подробно остановился в своем докладе член-корреспондент Академии наук СССР, первый заместитель председателя Президиума УНЦ, директор Института экономики М. А. Сергеев. По мнению ученых, наращивание экономического потенциала Урала должно быть основано на самых совершенных технических и технологических эталонах. К тому есть все предпосылки: богатейшие и разнообразные природно-сырьевые ресурсы. Кстати, глубоко ошибочно мнение, будто иссякли подземные кладовые Урала, он еще недостаточно разведан, особенно на севере и на больших глубинах. В перспективе черная и цветная металлургия смогут полностью базироваться на рудах казахстанского Зауралья, Башкирии и новых месторождений Южного Урала. Это позволит на десятки миллионов рублей в год снизить транспортные затраты на перевозки руд из КМА и с Кольского полуострова. Необходимо ускорить строительство Качарского ГОКа — основной сырьевой базы Магнитки.

На Урале создан мощный производственный аппарат, имеются специалисты и рабочие высокой квалификации, крупные институты и КБ. Однако замедленный прирост населения, недостаточный уровень комплексного использования сырья, отставание в развитии водного хозяйства и недостаточная взаимоувязка развития отраслей и территорий сдерживают темпы роста промышленного производства.

Докладчик остановился на важности комплексной переработки минерально-сырьевых ресурсов Урала. Уральские руды содержат около 40 ценных элементов. При переработке в цветной металлургии извлекаются, как правило, 8—19, а в черной — 1—2 компо-

У экспонатов выставки разгорались дискуссии. **Фото А. Гостева**

нента, остальное идет в отходы. Их уже накопилось большое количество, под отвалами заняты десятки тысяч гектаров земли. Тридцать лет решается вопрос об извлечении меди и кобальта из магнетитовых руд. Свыше 15 лет строится рудник на комплексных медно-апатито-железованадиевых рудах. Такой подход, естественно, не способствует рациональному природопользованию.

На выставке экспонировалась чрезвычайно интересная программа БАРК, разработанная в Институте механики сплошных сред УНЦ АН СССР по спасению, если так можно выразиться, реки Камы, полной утилизации отходов Березниковского калийного комбината вплоть до получения паркета с чрезвычайно стойким покрытием, не требующим никакой дополнительной обработки.

Однако реализовать широкую комплексную программу переработки руд крайне затруднительно, поскольку весь хозяйственный механизм — управление, финансирование, стимулирование — ориентирован на узковедомственное потребление сырья и профильных для данной отрасли компонентов. «Цветники» берут из недр часть руд цветных металлов, а железо отправляют в отвалы, горняки железорудных ГОКов — наоборот. Исследования уральских минералогов за последние годы показали, что в карьерах комбината «Ураласбест» можно получить щебень высоких марок. В то же время рядом уже давно строится Режевский карьер, на котором щебень будет более низкого качества. Тем не менее строят! Ученые считают, что пора двум разным ведомствам — Режевский карьер подчиняется Министерству промышленности стройматериалов Российской Федерации, а «Ураласбест» — союзному — разобраться в этом вопросе.

Подобной неразберихи не будет, если создать межведомственные горнорудные промышленные и производственные объединения, которые должны работать в тесном контакте с исследователями.

Нуждается в усовершенствовании и структура самой промышленности, тем более, что многие ее отрасли определяют уровень технического прогресса не только в регионе, но и в стране. На Урале создаются машины, превосходящие по своим данным лучшие зарубежные образцы. К ним относятся обжиговые машины, установки непрерывной разливки стали криволинейного типа, блюминги «1300», рулонированные сосуды высокого давления... Вместе с тем у многих машин высока материалоемкость. Это с одной стороны, с другой стороны — часть оборудования нуждается в замене. Назрела острая необходимость в коренной реконструкции не только промышленных узлов, но и самих городов и рабочих поселков. При этом следовало бы распространить опыт Министерства черной металлургии СССР, создавшего для технического перевооружения и реконструкции своих предприятий управление «Черметремонт». Генподрядчиком выступает сам заказчик — предприятие.

Необходимо также совершенствовать организационные формы управления территориальным развитием производительных сил. Исключительную актуальность имеют предложения об уточнении существующих границ Уральского экономического района, занимающего все больший удельный вес в общесоюзном территориальном разделении труда.

Завершая разговор, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков подчеркнул, что Уральским научным центром проделана большая и полезная работа. Ученым совместно с министерствами предстоит определить конкретные мероприятия, которые будут учтены при рассмотрении плана развития народного хозяйства страны на 1981 год, в одиннадцатом и будущих пятилетиях.

1941—1945
ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

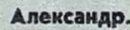
ШЛИ ПИСЬМА С ФРОНТА

Их было четверо. Четверо сыновей, гордость и радость отца и матери. Высокие, стройные, сильные, друг друга краше. Как идут, бывало, по улице — глаз не оторвешь. Все было прекрасным и светлым для них — и день сегодняшний и планы на будущее.

Когда грянула война, все четверо ушли на фронт. Только скупые строчки солдатских треугольников, опаленных огнем схваток с фашистами, приходили на берега Кубани, в Черкесск.

Братья Абакумцевы:

Александр.

Леонид.

Петр.

Владимир.

Дорогие мои! Вы, наверно, уже знаете, что мы, по зову партии и правительства выступили на защиту своих неприкосновенных границ. Так что я Вас сейчас очень прошу — меньше волноваться за меня, я Вас заверяю, что по зову партии и правительства, всего советского народа вступлю в бой и отдам все свои силы, все свои знания, а если понадобится — и жизнь за свободу любимой Родины.

Целую. Ваш сын Александр.

После небольшого отдыха мы опять вступили в бой. Позавчера ходили в атаку. Потеряли боевых друзей. Но фашистов положили в атаке в десять раз больше. Так и впредь будет — нет врагу пощады на нашей земле.

Пишите чаще. Очень жду Ваших писем. Целую крепко, желаю Вам, мои дорогие, доброго здоровья.

Ваш сын Петя.

Дня три тому назад мы были в бою. Надо было освободить одно село. Враг сильно укрепился в нем. Бой был жарким. Но гитлеровцев выкурили из их нор. Наше подразделение отличилось в бою и заслужило благодарность командования.

Обо мне не беспокойтесь, жив, здоров, на фронте Вас не подведу, краснеть за меня не придется.

Ваш сын Владимир.

Здравствуйте, дорогие папа и мама! После того, как моя просьба была удовлетворена и меня взяли добровольцем в армию, я попал на курсы младших командиров. Программа занятий очень напряженная, но мы не жалуемся, на фронте ведь во много раз труднее. Все мы с нетерпением ждем окончания учебы, чтобы скорее влиться в действующую армию. И, поверьте, врагу пощады не будет, за все ответит сполна.

Ваш сын Леонид.

Здравствуйте, дорогие родители! Шлю вам свой пламенный краснофлотский привет. Настал час, когда мы, все братья, как и весь наш многомиллионный народ, встали на защиту любимой Родины. Будем до победного конца громить фашистов. Я заверяю вас, мои дорогие родители, от имени братьев, что мы, ваши сыновья, будем драться с врагами мужественно, смело, не щадя своих сил, а если понадобится — и жизни. Победа будет за нами. Работайте спокойно, так же, как и работали. Этим самым вы поможете нам громить врага.

Ваш сын Александр.

Здравствуйте, папа и мама!

Гоним врага с родной земли, очищаем ее от гитлеровской нечисти. Вы бы только видели, сколько горя, слез и крови оставляют фашисты на нашей земле. Сердце холодеет от гнева! Населенные пункты гитлеровцы превращают в пепелища, людей сгоняют в помещения, где их сжигают или убивают, не щадя ни старого, ни малого. Но час расплаты близок. Мы предъявим счет за каждую каплю крови, за каждую слезинку наших людей.

Владимир.

Добрый день, дорогие! Посылаю Вам свой боевой артиллерийский привет, и сообщаю, что я жив и здоров. Хочется рассказать Вам про один бой. Задача была поставлена перед нами — подавить огневые точки врага и уничтожить его танки. Хоть и короткий был бой, но жаркий, гимнастерки к спинам поприлипали. Но с задачей справились. На поле боя осталось гореть с десяток вражеских танков. Пехота сказала: «Спасибо!» И в атаку. Скоро победа, родные мои, скоро встретимся.

Целую. Ваш сын Леонид.

Здравствуйте, дорогие родные! Примите боевой привет. Стоим мы на реке Эльбе в одном из немецких городов. Отпраздновали Победу. И Вас, мои дорогие, я от всей души поздравляю с этим великим праздником.

Ваш сын Владимир.

Вот таких сыновей вырастили Яков Иванович и Мария Романовна Абакумцевы из Черкесска.

В свое время в адрес Черкесского горкома партии пришло письмо с фронта. Заместитель командира полка писал: «В нашей части служит гвардии старший лейтенант тов. Абакумцев Петр Яковлевич. В боях он проявил храбрость и отвагу, за что награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Командование гордится действиями тов. Абакумцева. Прошу передать родителям тов. Абакумцева Якову Ивановичу и Марии Романовне нашу благодарность за воспитание храброго воина, достойного сына».

Славно прошли братья по огневым фронтовым дорогам. Петр Абакумцев командовал штурмовым стрелковым батальоном, Александр — офицер морской пехоты, Владимир возглавлял артиллерийский дивизион, Леонид — командир противотанкового орудия. Не всех «отпустила» домой война. Леонид погиб, освобождая Краснодарский край. В земле Чехословакии покоится прах Петра. Уже после войны свели в могилу Александра фронтовые раны. Владимир закончил свой боевой путь в мае 1945 года в Берлине. Орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и другими наградами отметила его Родина. Сейчас он живет и работает в Черкесске.

В. ФИЛИППЕНКО

Черкесск.

ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВА

Александр БАСМАНОВ

Фото М. САВИНА

Ивана Почиталина, казака, взяли в сражении под Сакмарским городком, весною. Он был бит, свинчен и препровожден телегой в Оренбургскую крепость, в острог. Мая, восьмого дня, 1774 года присутствие секретной комиссии свершило первый допрос, и Почиталин, думный дьяк повстанческой военной коллегии самозванца Емельяна Пугачева, не таясь, даже с каким-то лихим весельем, скороговоркой и бойко, выкладывал про себя все с самого начала:

«А прошлаго 1773 года, в августе месяце, а котораго числа,— не упомню, приехал ко мне на Яике в дом мой яицкой же казак Тимофей Мясников, а вскоре потом казак же Караваев, как ево зовут,—не знаю, которой ныне в команде полковника Симонова, да Козма Фофанов, и сказывали мне тихонько, что нашли они государя Петра Федоровича. На что я отвечал: «Как ето может быть: вить он скончался, и есть о том указ, а царствует государыня Екатерина Алексеевна». На что сказал Караваев: «Неправда, он не умер, а жив, а погребен вместо ево кто-та другой. И ты де поезжай теперь туда, ибо ты знаешь грамоте, а ему теперь такия люди надобны, и ты будешь человек»...

Настоящий протокол на поголубевшей и высохшей до веса птичьего пера бумаге скреплен чернильной подписью гвардии капитана Лунина, вшит между листами 188 и 210 дела № 506 о Пугачеве и находится в шестом фонде ЦГАДА — Центрального государственного архива древних актов, в Москве, в одном из трех миллионов дел с XI по XX век, на одной из полок, которых всего здесь двадцать восемь тысяч метров. Само же хранилище (первое в России архивное сооружение) идет незамкнутым прямоугольником, буквою «П», с рядами стеллажей во всю высоту от подвала до чердака без перекрытий, но в пять ярусов, где вместо пола под ногами гремят железные решетки: для наилучшей воздушной циркуляции и равномерной освещенности. Когда-то, лет сто назад, не было и решеток, к полкам подъезжали в рельсовой специальной люльке (новейшее слово архивной техники), но предприятие оказалось опасным и неудобным, и катание это вскоре отменили.

Протокол про яицкого казака Ваньку Почиталина — драгоценный миг жизни, лишь бесконечно малая частичка общей боли, славы и совести. Потеряй миг — будто выпадет буква из единственного для тебя слова, и будешь мучиться, и ломать голову, и уйдет покой, пока не вспомнишь, что это слово — память. И память особенно важна здесь, в архиве, где собраны практически все документы по пугачевскому бунту и связанные с именами Радищева, Разина, Болотникова, Новикова.

ЦГАДА — энциклопедия России, и историю его коллекции можно отсчитывать по-разному. Можно от предвоенных месяцев 1941 года, можно от революционного декрета о централизации архивного дела, когда она была объявлена народным достоянием, можно от года 1852-го, когда вдруг слились три сенатских архива, или от 1886-го, когда на Девичьем поле для этого сокровища построили особый дом, а можно и от Петрова времени, и от времени Иоанна IV Грозного, и даже от Киевской Руси.

Здесь хранятся дела важнейших приказов: Разрядного, Печатного, Сибирского, Поместного, Малороссийского, Преображенского, Посольского; Вотчинной, Юстиц-, Камер-, Ревизион-коллегий, контор и канцелярий. Здесь лежат бумаги личного кабинета Екатерины II, архива канцлера Безбородко, кабинетов Павла I, и Александра I, и Петра I, Бирона, Миниха, Остермана, Потемкина, Паниных. Здесь документы: Приказа тайных дел, Тайной канцелярии, Преображенской канцелярии, Тайной экспедиции Сената, Приказа золотого и серебряного дела, Приказа Большого дворца. Сюда же поступили национализированные вотчинные, родовые и личные архивы Шереметевых, Воронцовых, Строгановых, Демидовых, Юсуповых, фонды крупнейших монастырей с XV по XX век и полностью Межевой архив, существовавший с 1768 года.

Все это теперь уложено с дотошной аккуратностью и тщательностью в коробки, папки, чехлы и футляры, регулярно осматривается, описывается, реставрируется, выдается в читальный зал, где работает каждодневно до сотни исследователей, организуется в интереснейшие выставки, публикуется в сборниках, книгах и статьях.

Берегут рукотворные и духовные реликвии преданнейшие своему делу ученые, во главе же грандиозного хозяйства стоит Мария Игоревна Автократова, заслуженный работник культуры, архивист большого стажа и профессиональной выучки. Вот они, те люди, кто работает здесь лет по двадцать и знает каждый угол, те, чьими заботами многое здесь держится: Светлана Романовна Долгова, книговед и знаток XVIII века; Наталья Борисовна Востокова, лоцман в безбрежном море личных фондов; Светлана Ивановна Сметанина, специалист по документам XVII века; Алла Петровна Прозорова, на которой дела сохранности, реставрации, переплета, режима в хранилище; Нина Михайловна Васильева, заведующая читальным залом; Идея Андреевна Балакаева, главный хранитель фондов архива. Есть еще и молодые ученые, быть может, будущие знаменитости, они приходят сюда часто совсем неопытными, не умея читать документы, разбирать скорописные почерки или церковнославянские уставы, и архив для них — это тренаж и школа, это гавань, из которой уходят потом в большое плавание. ЦГАДА — начало науки истории: каждый, кто обращается к ней, обращается прежде всего к ЦГАДА.

* * *

До сих пор тут не могут забыть трагического курьеза столетней давности. Сергей Михайлович Соловьев, составлявший свою многотомную «Историю России», с чрезвычайного разрешения канцлера Горчакова забирал дела с собой, по примеру еще Карамзина. Так она и писалась: с 1850 до 1868 года на дому, а с 1868 по 1879-й в помещении архива, поскольку год тот — 1868-й стал роковым: при перевозке очередной партии древних летописей на квартиру Соловьева часть из них вывалилась на крутом повороте из саней и безвозвратно пропала. Произошел скандал — ни одной бумажки ученому больше выносить категорически не позволили и посему в архиве поставили для него особый рабочий стол. Стол этот стоит до сего часа.

Соловьев и Ключевский, пожалуй, последние из старых историков, для которых архив был и дом и муза. Именно они дали движение и Тарле, и Веселовскому, и Манфреду, и Устюгову, и Богоявленскому, и Алпатову, и Черепнину. Начало же цепи — Татищев, Щербатов и Карамзин, чья «История государства Российского» явилась, по словам Пушкина, «не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека».

Карамзин приходил в архив часто: сохранилась книга выдачи манускриптов с его расписками. Сохранились пометы и Пушкина в бумагах по пугачевскому бунту. Но, кроме них, приходили Устрялов и Забелин, Семевский и Костомаров. Приходил и Лев Толстой, когда писал так и не состоявшихся «Декабристов» и роман о Петре I.

История и сегодняшний день ЦГАДА диалектичны, это не просто память, но ее бесконечная цепная реакция. Самая мелкая случайность здесь связана с ходом всей русской жизни, и, наоборот, величайший общественный катаклизм всегда обозначится в какой-нибудь частной судьбе. Посмотри, к примеру, на пергамент и свинцовые вислые печати жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю и на духовное завещание самого Дмитрия Ивановича Донского, и ты обязательно вспомнишь и Сергия Радонежского и сечу на Куликовом поле. Погляди на первую книгу, которую Карамзин взял в руки (именно ту) перед сочинением своей Истории — «Русскую правду», и ты обязательно подумаешь и о Карамзине и о том, что эта книга лежала на одном стеллаже с рукописью «Слова о полку Игореве» в собрании замечательного коллекционера графа Мусина-Пушкина. Тут можно увидеть летописи времен Годунова и представить и келью Пимена, и Гришку Отрепьева, и самого Пушкина — его «копанье» в делах Тайных приказов, момент начала работы над темой Пугачева и Петра. Тут можно, наконец, увидеть документы Бироновой канцелярии и размышлять о Толстом — как вслед за Пушкиным он углублялся в XVIII столетье, ибо «весь узел русской жизни сидит тут».

В ЦГАДА, в тех или иных запечатленных мгновениях, есть о России почти все, это ее эхо, и оно тем внятнее, чем тоньше слух, острей глаз, больше терпение и усидчивость. В ЦГАДА нельзя торопиться: все смешается, перепутается, утратит свой первоначальный смысл. Вот писцовые, переписные, дозорные, межевые книги — здесь судьба земли. Вот жалованные, несудимые грамоты из монастырей, вотчин и воеводские, ландратские переписи, ревизские сказки и кабальные расписки — здесь люди. Знаете, что такое кабала? Если нет, послушайте:

«Се яз Никула Леонтьев сын Огородник, новгородец, дал есми запись новгородским

Один из старейших исследователей документов ЦГАДА, специалист по генеалогии Ю. Б. Шмаров * «Соборное уложение», 1649 год, в ковчеге. Серебро, золото * «Русская правда». Список XIV века. Пергамент, доски, кожа. Из собрания А. И. Мусина-Пушкина.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Дмитрий Донской. «Титулярник», 1672 год * Жалованная грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю. 1448—1454 годы. Пергамент, свинцовые вислые печати * Описание осады и разорения монастыря Соловецкого. Миниатюра * Старший хранитель уникальных фондов Марина Демидова * Печать Ивана IV, Грозного. 1577 год. Красновосковая, вислая.

Великiи кнзь
Димитрiи
Иоанновичь

гостем Семену да Ивану Ивановичем Стояновым в том, что есть мне, Никуле, отдать им кабального и бескабального долгу пятьдесят рублев и мне, Никуле, того своего долгу пятьдесят рублев платить им нечим, и я, Никула, за тот свой долг отдал им во двор детей своих сына своего Сеньку, да другого маленькова на другом годку Ивашка, да троих дочерей своих: Наталку, да Оксюшку, да Овдотьицу; служить им, детям моим всем, у них во дворе до их смерти и всякая работа работати, чево они заставят, и быть им, детем моим у них в послушании и в покорении... А мне тех своих детей поить и кормить, одевать и обувать нечим».

• • •

Самая древняя книга в ЦГАДА — «Саввина книга». Это Евангелие XI века, писанное уставом на толстом, теперь уже почернелом пергаменте, в деревянном переплете, обшитом «кожею». Ее нашел в свое время знаменитый русский славяновед и лингвист Срезневский, он и дал ей это название по двум припискам: «поп Савва писал» и «помози рабу твоему Савю».

Другой раритет — Минея служебная, манускрипт, который датируется 1095—1096 годами. Есть здесь кляксочки и подтирки, которым без малого девятьсот лет: глядя на них, вообще глядя на эти почерки, как шла рука монаха и как вдруг она дрогнула, а потом появилось пятнышко от капельки расплавленного воску, и дальше опять перо пошло спокойно,— остро чувствуешь, что миг и вечность едины.

Самая древняя грамота в ЦГАДА — 1264 года договорная Новгорода Великого с князем Владимирским и Тверским Ярославом Ярославичем; младшим братом князя Александра Невского. За ней — целый беллетристический сюжет с интригою: и поездка Невского в Орду, из которой он уже не воротился, и краткое княжение его сына Дмитрия, и высылка этого Дмитрия из Новгорода «вон», и выбор новоиспеченного князя Ярослава.

Истории самих документов иногда увлекательней тех, что описаны на их страницах. Вот, например, столбец «Соборного уложения» 1649 года — свод законов России, принятых при царе Алексее Михайловиче. Был час, когда для разработки новейших законов столбец этот понадобился Екатерине II. Делом занялся генерал-прокурор Вяземский, который начал поиски согласно разуму и педантической логике — в бумагах правительствующего сената. Однако произошла нелепость и ошибка: Россия не какая-нибудь Голштиния, педантизм тут оказался неуместен: уложения не нашлось ни в сенате, ни в патриаршей типографии, где было печатано.

Покряхтели, почесались, озадачились и решили искать противно логике. Отправились в Кремль, разобрали зачем-то напольные плиты Успенского собора в надежде открыть тайник — напрасно: обмарались только в вековом мусоре и пыли. Помог, как часто бывает, случайный человек, чей-то кругloденно пьяненький приживалец, где показал, там и нашли: в Казенной палате близ Благовещенского собора, в железном сундуке «государя царя Алексея Михайловича Уложение, токмо того сундука за неотысканием ключа не отперто».

Через день, правда, сковали новый ключ, достали из ларя красный суконный мешок со злополучным столбцом. В нем оказалось весу двенадцать фунтов, длины пятьсот тридцать четыре аршина, девятьсот шестьдесят склеек-составов, писан он был четырьмястами писцами и скреплен тремястами пятнадцатью подписями — в том числе патриархом Московским Иосифом, двенадцатью высшими священниками, пятнадцатью боярами, десятью окольничьими, а еще дворянами, купцами, выборными из городских сотен, слобод и стрелецких приказов. Теперь Уложение лежит в золоченом екатерининском ковчеге, в ЦГАДА.

От человеческой жизни, даже самой мелкой и ничтожной, всегда остается след: документ, записка, свидетельство, письмо. Чем полнее жизнь, ее предназначенье, идея и смысл — след ярче и глубже.

В ЦГАДА полностью хранится «Кабинет Петра I» — летопись одного из самых трудных испытаний России, из которых вышла она с великой честью. Тут проекты и строительные чертежи, бумаги по навигации и военные ультиматумы, личная корреспонденция и государственные указы, смертные приговоры и дипломы — сотни и тысячи листов.

«И отныне, ежели о каком указе где при каком деле помянуто будет, а кто в то время не возьмет того указа смотреть и пренебрежет, а станет неведением после отговариватца, таких наказывать: впервые отнятием чина на время и штрафу год жалованья; в другой ряд третьею долею всего движимого и недвижимого имения; в третий раз лишением всего имения и чина вовсе». Это какой-то незначительный указишко от 1724 года, это Петр поздний, Петр усталый и даже подобревший и смягченный. Петр, наконец, предсмертный. До того уж были и прошли: и дело царевича Алексея, и учреждение Академии наук, и Полтава, и капитанство на фрегате «Ингерманландия», и кол под майором Глебовым, и гроздья позеленевших стрельцов на кремлевской стене.

• • •

А еще ЦГАДА — одна из крупнейших в мире библиотек редких и старопечатных изданий. И речь идет не о тех книгах, которые, собственно, и составляют частью Центральный государственный архив древних актов, не о знаменитом Сильвестровом сборнике житий XIV века со «Сказанием о Борисе и Глебе», где самоцветами разбросаны сорок шесть дивных по краскам и тонкости рисунка миниатюр, не о Софийской летописи с текстом «Хождения за три моря» в Индию тверского купца Афанасия Никитина, не о Никоновой летописи с первым упоминанием 1147 года о Москве, не о средневековой «Космографии» немца Меркатора.

Библиотека в ЦГАДА — отдельный раздел, двести тысяч книг и журналов на многих языках от XV до XVIII столетия по истории, медицине, естествознанию, философии, военному делу, копившихся три века — от времен Посольского приказа, от путешествий русских дипломатов за кордон, от конфискации у впавших в немилость князей Долгоруких, Остермана, Волынского. И уж если считается здесь коллекция уникальной, то, будьте уверены, недаром: любой библиофил, без сомнения, потеряет на всю жизнь сон и аппетит, хоть краешком глаза взглянув однажды на ломоносовские, сохранившиеся в одном экземпляре «Полидор», «Известия о сочинении российской минералогии», «Слово похвальное Петру Великому», на «Житие Федора Васильевича Ушакова» Радищева, на «Опыт истории русского флота» Бестужева, на федоровский 1564 года «Апостол», на библию доктора Франциска Скорины.

ЦГАДА, можно сказать, собрали раз навсегда, он из числа так называемых «некомплектующихся» архивов. В нем все так же незыблемо и неизменно, как, например, в Оружейной палате, Алмазном фонде, Сокровищнице Троице-Сергиевского монастыря. Это бесценное достояние России, ее неделимый капитал и плод духовной красоты. Но ЦГАДА не музей и не бронированный подвал с золотым запасом. ЦГАДА — живая, мощная и необратимая мысль истории, ее правда.

Есть здесь, как и везде, свои трудности, главная и прогрессирующая из которых — недостаток места. Поначалу это звучит чуть не парадоксально: архив скомплектован, а с жизненным пространством год от года все трудней. Но дело в том, что документы, пережившие за столетия наводнения и пожары, и холод и зной, и которые теперь регулярно поступают в реставрацию (а таким несть числа), возвращаются оттуда — переплетенными, склеенными, восстановленными — самое малое на треть большего объема, чем были. И класть их уже теперь почти некуда. Есть еще сложности с оснащением лаборатории, не способной пока реставрировать цветные миниатюры, есть проблемы и в обучении молодых палеографии. Все это досадные бытовые подробности, но тормозят они в конечном счете науку историю — не больше, не меньше.

Архив теперь больше не собирают, но того, что в нем есть, хватит не на одну ученую жизнь: здесь неизведанная земля, которая еще ждет своих первопроходцев. Описать собрание пытались уже триста пятьдесят лет назад, и первый каталог Посольского приказа от 1614 года сам уже стал ценным документом коллекции. Но главная работа пала именно на последние десятилетия: отреставрированы, прочитаны, упакованы миллионы дел, развернуты миллионы листов столбцов, изданы тома путеводителей, описей, описаний, обозрений и указателей — громадный труд, потребовавший дотошного знания палеографии, хронологии, дипломатики и еще целого сонма вспомогательных дисциплин. Но самое главное — любви. Ибо за сенсациями и открытиями, новейшими концепциями и монографиями историографических светил всегда, с этой своей невидимой постороннему глазу любовью, стоит архивист: и тыл, и основа, и фундамент для всего здания.

То, что на карте ЦГАДА до сих пор (несмотря на все, уже учтенные и описанные фонды) остаются белые пятна, можно расценивать поразному. Одним это померещится будущими десятилетиями унылого труда, другим — надеждой. Как смотреть. Те, для кого ЦГАДА дом, те, чьи целебные руки перебирают страницы памяти Отечества, те, чьи глаза их читают,— те знают, конечно: их работа всегда вера, путь и встреча. Как, к слову, та встреча, что произошла недавно у старшего научного сотрудника Александра Викторовича Маштафарова: всплыла неожиданно в фонде графа Мусина-Пушкина, обладателя считающегося сгоревшим в войну 1812 года подлинника бесценного нашего сокровища «Слова о полку Игореве», синенькая тетрадочка, всего в двадцать порыжелых листков, мемории его внучки Мещерской. И мало кто обратил на ту тетрадочку внимания, хотя сказано в ней вот что:

«1812 год надвинулся и тревожно отразился на всех; уезжая на лето в Ярославское имение, когда уже предвиделось вторжение наполеоновских полчищ в Россию, но еще казалось невозможным поражение Москвы, граф из предосторожности убрал свои коллекции и рукописи в кладовые. Они помещались в подвальном этаже со сводами, и по приказанию графа вход в них был замурован. Когда неприятель уже подвигался за отступающими нашими войсками, граф послал подводы для вывоза из дома всего того, что можно: картины были вынуты из рам и скатаны; серебро и мраморные изваяния уложены; много хорошего, но и много без всякой цены было перевезено в деревню. До запертых кладовых не посмели дотронуться. Несколько семей дворовых людей остались при доме. Когда французы вошли в Москву, многие из них поместились в Пушкинском доме и побратались с людьми графа. Раз в нетрезвом виде французы хвастались своими ружьями. «Такие ли у нашего графа — гораздо лучше!» «Где же?» «Да вот тут, за стеной». Стена была пробита и все разграблено, а позже и окончательно погибло в пожаре. Некоторые рукописи, как то: подлинное «Слово о полку Игореве» и часть Несторовой летописи были спасены от погибели тем, что в то время находились у историографа Карамзина».

Именно на этом и хотелось бы поставить точку в рассказе о ЦГАДА и многоточие к теме мелькнувшей вдруг невероятной надежды...

Письмо Петра I Екатерине Алексеевне, извещение о Полтавской виктории. 27 июня 1709 года * Портрет Н. К. Загряжской, урожденной Разумовской. Акварель Васильевского, 1821 год. Из семейного альбома Строгановых * Коллекция пуговиц-жетонов с портретами деятелей эпохи Великой французской революции. Конец XVIII века. Из собрания Юсуповых * Директор ЦГАДА М. И. Автократова и доктор исторических наук В. И. Корецкий за подготовкой сборника документов * Герб рода Гончаровых и ученические тетради Натальи Николаевны. Первая половина XIX века. Из фонда Гончаровых * В древлехранилище. Архивист М. Г. Кротов.

РАССКАЗ, КОТОРЫЙ МОГ БЫ СТАТЬ ПОВЕСТЬЮ

Лариса **КЕРЦЕЛЛИ**

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Война кончилась, и странными стали казаться на моих ногах мужские штиблеты в заплатах, наклеенных кое-как поверх трещин и дырок. В магазине на углу Каляевской и Садовой, в закрытом-перезакрытом литерном ОРСе, за деньги, без ничего больше, можно было купить пачку апельсинового печенья или даже две или три, если надо. Соседка наша София Львовна, уходя за покупками, душилась теперь удивительными духами, будоражившими во мне что-то такое, от чего вдруг подкатывал и застревал распиравший до боли комок где-то в горле. Я подолгу стояла в прихожей, вдыхая дурманящий запах какой-то другой совсем, мне неведомой жизни, рождавший смутные, непонятные то ли надежды, то ли воспоминания будто тысячу лет как ушедшего детства: завитой стройной мамы, блинов, киселя, яркой люстры, букета ромашек. Запах этот теснил запах мытых без мыла волос, самокруток, коптилок, голодных мышей, нагло лазавших по шкафам и кастрюлям у всех на виду и с досады, как назло, гремевших ножами, ненужными рюмками, ложками, крышками — всем, чем попало...

София Львовна уходила, плотно прикрыв за собой обе двери — со стороны прихожей и наружную,— и во мне поселялась тоска. Беспричинная, жуткая, не моя даже как бы, а тоска вообще, просто выбравшая меня, чтобы обосноваться. Я подходила к окну и глядела во двор — наш, залитый асфальтом, из-под которого по краям выпирали загадочные бугры бело-грязно-коричневых шампиньонов, и двор следующий, к нашему примыкавший,— там мальчишки гоняли в футбол и все время растаскивали мусор из притулившейся к стенке помойки, а за это из окон на них беспрерывно кричали и иногда обливали водой, правда, редко когда попадая.

Из окна нашей комнаты виден тополь был у высокого серого дома напротив. Это был огромный ветвистый красавец, с которого падали в мае немыслимой роскоши красные, липкие на концах, остро пахнувшие сережки, возбуждавшие в нас безудержные желания играть в разных красавиц, царевен. Тополь этот всегда, когда я подолгу разглядывала его из окна, несколько успокаивал меня, останавливая приготовившиеся вот-вот вырваться слезы, и я нежно и тайно любила его, беспрестанно мечтая о нем по ночам или в школе.

Многие девочки в нашем классе поменяли свои клеенчатые портфели на шикарные кожаные планшеты, а некоторые надели даже шелковые чулки и невиданной красоты облегающие, как перчатки, красно-синие или желто-белые шерстяные жакеты. Этих девочек военрук чаще других выводил перед строем, учил выправке, четким ответам, равненью «напра́-а-ву!».

9 мая было солнечно, ветрено, холодновато. Я сначала подумала было надеть ту нарядную, в кружевах и с оборками, белую кофту в цветочек, которую мне прислала ко дню рождения тетка из Ленинграда, но сейчас же замерзла и влезла в свой серый бесполый, бесформенный свитер, без которого меня все равно бы, наверно, никто не узнал в нашем классе. Мы все встретились на Маяковской, с кем ни попадя там обнимались, визжали, плясали, побежали по Горького вниз, потом вверх опять, потом носились по скверам и улицам Замоскворечья. Лишь под утро пришла я домой и, влетев, вся лохматая, встрепанная и осипшая от восторга и крика в комнату, вдруг увидела мамину спину за рабочим ее столом, где она раскладывала и перебирала старые фотокарточки и бумаги. Одна самая моя любимая фотография мамы с цветами магнолий, сидящей у папиных ног на ступеньках какой-то роскошной, со львами и нимфами, лестницы, завалилась под стол и лежала там жалкая, скрюченная, как какая-нибудь использованная давно карточка на жиры и селедку. Я поскорее достала ее и хотела попробовать растормошить как-нибудь маму, но неожиданно всхлипнула — громко, икотно, заливисто как-то, по-бабьи,— и мама прижала меня к своим нежным горячим коленям, крепко гладила по голове, а потом оттолкнула и, расправив рукой покореженный папин портрет в гимнастерке, как чужая, сказала мне: «Жить надо, жить, моя детка».

И мы стали жить с нею, в общем, как прежде, хотя все кругом стало другое. Я по-старому бегала за продуктами по магазинам, а мама после работы топила буржуйку, и она так же гнусно закапчивала наш красивый, с лепными карнизами и итальянскими толстенькими ангелочками посреди потолок, а иногда, как упрямый норовистый конь, вдруг выфыркивала весь дым наружу, и тогда приходилось опять начинать все сначала — теперь уже мне — ковырять тесаком специально подсушенное полено, раздувать в этой твари огонь и еще выслушивать укоризненные замечания мамы, которая терпеть не могла, когда я ругалась. Но я ее ненавидела, эту буржуйку, как заклятого самого своего врага, хотя и тепло, и еда, и в конце концов настроение мамы и даже мое тоже зависели от этой уродливой

раскоряки, которую что ни день надо было или подмазывать где-нибудь мокрой глиной, или вытаскивать из нее куски жирной сажи и которая заняла себе главное место посреди всей нашей с мамой домашней жизни.

В школе же все как раз было наоборот — все менялось с умопомрачительной быстротою. Завтраки, то есть ведро маринованной и слегка политой постным маслом капусты, которую дежурная раздавала в кульки из тетрадных листов всем сидящим порядно, стали брать уже не все девочки. Многие приносили теперь настоящие бутерброды и не тянули к дежурной кульки для капусты, так что в ведре оставалось ее еще много, и это казалось кощунственно диким. Наша завучиха Ольга Петровна стала красить помадою губы, а когда, говорят, в коридоре ее распекла как-то раз директриса, та не только не стерла помаду, а сказала: «Ну, муж же вернулся, Елена Степанна!» — как будто этот вернувшийся ее муж теперь сиднем сидел в нашей школе, чтоб глядеть на ее ярко-красные губы. Завучиху мы не любили, и, когда я представляла себе ее мужа — в начищенных хромовых сапогах, с орденами, медалями, почему-то с пушистыми баками и усами,— ужасно его жалела. Завучиха наша была химичкой.

Кое-кто из девочек нашего класса стал ходить на вечера в мужскую школу. Однажды всеми признанная красавица Кира и меня потащила с собою на вечер. Я ужасно тогда упиралась, томясь тайным предчувствием срама, но пойти все же очень хотела, и мы обе — и я и она — хорошо понимали это, и я с замершим сердцем сидела на безбрежном ее допотопном диване и глядела, как Кира раскаленными на пузастой хромой керосинке ножницами завивает концы своих темных блестящих волос и они становятся чем-то уже совершенно невообразимо прекрасным, хотя в комнате начинает вонять тошнотворною гарью, а Кира со смехом соскабливает с остывающих ножниц запекшиеся кусочки несостоявшихся локонов. Кира хотела, чтобы я надела какое-нибудь ее платье, обещая немедленно заметать его так, что «никто не узнает». Но я уже погрузилась в кошмар своего неминуемого позора и вцепилась в свой свитер смертельною хваткой зашедшегося бульдога.

Из того, что было потом, помню лишь горько-сладкие звуки от века знакомого вальса, полногрудую Киру с ее завитыми волшебницей-феей, а не ржавыми ножницами волосами, беспрестанно кружащуюся с кем-то будто бы стройно-прекрасным, помню холод стены на лопатках, пробирающийся даже сквозь все повидавший на свете добротно заштопанный свитер. Потом помню еще гениально придуманную Львом Николаевичем фразу Наташи Ростовой: «Есть такие же, как и мы, есть и хуже...» — не укладывавшуюся никак в ритмы вальсов и падекатров, но звучавшую как нечто такое, в чем должно найтись место и мне, хотя «хуже» я, как ни старалась, углядеть никого не сумела.

Кажется, в этот же вечер я заболела ветрянкой, а мама подумала — корью. Она, как положено было при кори, занавесила наглухо окна, и я потонула надолго в спасительно-благостной темноте, из которой я вышла на свет уж не тем, чем была, а поэтом.

Как все это случилось и как я писала стихи — совершенно не помню. Да и стихов самих тоже, конечно, не помню. Не помню даже, о чем они были. Помню только тот сладкий восторг, ту блаженную муку и падение в небытие, а потом воскрешение в слове, и подвластность ему, и свою над ним полную волю. Поэтом, впрочем, я все же не стала. Именно стихи свои никогда не показывала никому и для себя даже не сохраняла. Но тогда, из зашторенной наглухо комнаты, я увидела все не таким, каким видела раньше. Другой виделась мне теперь и прекрасная моя, постоянно молчавшая мама, и душистая София Львовна, и мальчишки, гонявшие мяч за помойкой, и химичка с накрашенными — вовсе не зря, как я думала раньше — губами. Одну себя только я совсем перестала хоть как-нибудь видеть и потому, может, запросто бегала теперь вместе со всеми на вечера в том же сером, на всякий сезон годном свитере, о котором особую память храню до сих пор как о друге, прошедшем со мной ту тяжелую, трудную пору обездоленного лихолетьем отрочества.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

ОБСУЖДЕНИЙ НЕ БЫЛО?

Публикация «Огонька» (№ 16, 1980) «Черствое отношение к свежему хлебу» продолжает вызывать отклики. Сегодня мы знакомим читателей с полученным редакцией ответом заместителя начальника Главторга Мосгорисполкома Г. А. Белкиным, который пишет: «Главное управление торговли рассмотрело статью «Черствое отношение к свежему хлебу» и считает ее своевременной и актуальной. Дополнительными проверками, проведенными в апреле — мае 1980 года, установлены недостатки в организации торговли хлебом и хлебобулочными изделиями в ряде магазинов «Мосхлебторга», о которых, в частности, шла речь в указанной статье».

В подписанном тов. Белкиным письме говорится также, что для улучшения торговли хлебом и экономного расходования хлебных ресурсов утвержден план мероприятий. Предусмотрено более тщательное изучение спроса, определение рациональных ежедневных заказов на хлеб и хлебобулочные изделия. Усилен контроль за применением «во всех торговых предприятиях полиэтиленовых и хлопчатобумажных чехлов и занавесей для предохранения хлеба от черствения и сквозняков...», «а также (продолжаю цитировать письмо Главторга.— К. Б.) повышение требовательности к поставщикам».

Тов. Белкин сообщает о семинарских занятиях по изучению правил приемки хлеба, отмечает, что одним из основных условий успеха является четкая работа предприятий хлебопекарной промышленности и транспорта по выполнению согласованных почасовых графиков доставки. «Однако, как показывает практика, ежедневные опоздания в доставке хлеба достигают в среднем 3—4 часов, допускаются также случаи полного невыполнения заказов». Назвать бы для пользы дела виновников такой практики, но тов. Белкин не приводит фактов. В письме вообще мало конкретности. Исключением является, пожалуй, такая фраза: «Статья «Черствое отношение к свежему хлебу» обсуждена во всех коллективах (подчеркнуто нами.— К. Б.) торговых предприятий системы Главторга». Но так как ни о результатах обсуждений, ни о высказанных на них предложениях и замечаниях в письме ни слова, корреспондент решил зайти в ближайшую булочную. «Обсуждение? Впервые слышим...» Поинтересовался в одном из универсамов: «Обсуждали? Даже не читали». Это становилось интересным. Специально поехал в гастроном, имеющий большой хлебный отдел. Заглянул еще в несколько булочных. Все то же. Не те выбрал адреса? Мне не везет? Или подчиненные товарища Белкина, готовившие ответ, просто-напросто подвели заместителя начальника главного управления, дав ему на подпись непроверенное письмо? В булочной № 386 Сокольнической конторы «Мосхлебторга» заведующая В. Тарасова тоже подтвердила: «Не читали, не обсуждали!» И, словно желая помочь мне, спросила: «А разве была такая статья в «Огоньке»?»

...Вышел в торговый зал и тотчас убедился: конечно, не читали, не обсуждали — прилавки были полны сухих булок и вчерашних твердых (злые языки уже дали им название — «железобатон») батонов. Не сработали «дополнительные меры» и «результаты рассмотрения»? И перекочевывает сухой хлеб с магазинной полки в сумку покупателя, приносится домой, но не съедается, потому что наутро идет покупатель в булочную в надежде купить свежий, румяный, ароматный хлеб... Там, где дело поставлено четко, этого не бывает, и таких булочных очень много — позаимствовать бы их опыт.

Почти одновременно с письмом Г. А. Белкина в редакцию поступило письмо начальника Главпродторга Министерства торговли СССР Е. А. Клинкова. Он пишет: «Главпродторг осуществляет постоянный контроль за состоянием торговли хлебом и хлебобулочными изделиями и проводит систематическую работу среди работников торговли, направленную на улучшение торговли этими изделиями, а также рациональное и экономное расходование хлеба населением».

Не знаю, в чем заключается эта работа — пока ее результат не сказался. Торговля сухим хлебом продолжается, нанося ущерб экономике, нанося урон самому хлебу — великому нашему богатству...

К. БАРЫКИН

СКЛАДЫ НА КОЛЕСАХ

В № 8 «Огонька» были опубликованы критические письма читателей о несвоевременной доставке некоторых номеров журнала подписчикам («Склады на колесах»). В ответ на эту публикацию редакция получила письмо заместителя министра связи СССР Д. И. Мангельдина, в котором сообщается следующее.

При проверке подтвердились все жалобы, о которых писал «Огонек». Нарушения сроков прохождения журналов были допущены как по вине отдельных предприятий в период новогоднего повышенного поступления почты, так и в связи со сложившимися трудностями в работе железнодорожного транспорта, в частности с опозданиями пассажирских и почтово-багажных поездов. По этой причине на некоторых направлениях был нарушен регулярный оборот почтовых вагонов.

В целях нормализации отправки журналов Министерство связи СССР было вынуждено организовать их перевозку в ряд областных центров страны автотранспортом, что позволило снизить нагрузку на железной дороге. Кроме того, от Москвы отведена часть потока транзитной посылочной почты, чтобы обеспечить первоочередную отправку периодической печати.

Вопросы обеспечения своевременного прохождения периодических изданий обсуждались на расширенной коллегии Министерства связи СССР с участием представителей Министерства путей сообщения и Министерства гражданской авиации.

Коллегия наметила ряд мероприятий по ускорению обработки, перевозки, доставки периодической печати и почты.

Решено укрепить важнейшие узловые предприятия перевозки почты опытными руководителями, оказать им помощь дополнительными производственными площадями, транспортом и рабочей силой. Пересматривается система оперативного управления и контроля за прохождением печати и почты. Изданы совместные приказы Министерства связи СССР с министерствами путей сообщения и гражданской авиации, которыми намечены мероприятия по ускорению пересылки периодических изданий и почтовых отправлений.

За плохую организацию обработки и отправки почты и печати приказом министра связи РСФСР наказаны руководители Ростовского, Свердловского, Хабаровского и ряда других производственно-технических управлений связи. Начальнику отделения перевозки почты при Белорусском вокзале Москвы тов. В. И. Ельцову приказом начальника Московского управления перевозки почты объявлен строгий выговор.

В результате принятых мер сроки отправки журналов не нарушаются. На опубликованные и полученные из редакции письма трудящихся даны ответы.

В свою очередь, можем добавить, что поток жалоб на плохую доставку журнала в последнее время резко сократился, что еще раз подтверждает действенность принятых мер. Надо только, чтобы контроль за их выполнением не ослабевал со стороны Министерства связи СССР. Не последняя роль в этом важном деле принадлежит и министерствам путей сообщения и гражданской авиации.

ТАЛАНТ В ПОЛНЫЙ

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Еще никогда, пожалуй, в зале шахтерского Дворца культуры не собиралась публика столь неоднородная. Пионеры и пенсионеры, девчонки-продавщицы из универмага и инженеры из угольного треста... И всех, от маститого ученого до вертлявого пятиклассника, объединяло нечто важное, дорогое и близкое каждому... Рабочая окраина Донецка чествовала учительскую династию, которая в общей сложности отдала воспитанию шахтерских детей два столетия. Все сидящие в зале были учениками этой семьи: дореволюционными, довоенными, послевоенными, сегодняшними. Говорили взволнованные слова, блестели светлые слезы... А потом состоялся концерт. Его участники тоже все учились у Аллы Федоровны Буштрук или ее дочери Елены Аполлинарьевны, которую наше поколение помнило еще Леночкой, сидящей на плечах отца — А. Н. Гаевского...

И вот на сцену вышла десятиклассница и объявила:

— Выступает выпускник сорок девятого года, народный артист республики Анатолий Соловьяненко.

Народный артист подошел к рампе, заулыбался, узнавая давних приятелей, одноклассников, старых учителей, а потом запел. И не стало неоднородной публики. Весь зал — одно сдержанное дыхание. Каждый слышал и чудесный, заполнивший собою все пространство голос, и собственное «я», которое, восторгаясь, откликалось на этот голос.

Анатолий пел украинские народные песни, арии из опер, а зал не отпускал его со сцены. Пожилой шахтер с характерными синими черточками на лице и руках требовал басом: «Дывлюсь я на нэбо!». А мальчишки орали: «Скажите, девушки!..»

После концерта наша бывшая классная руководительница Алла Федоровна подошла к Соловьяненко и сказала растроганно:

— Спасибо, Толя! Вы сделали нам лучший подарок. У меня нет слов. Вы волшебник!

Он рассмеялся:

— Что вы, Алла Федоровна! «Я еще не волшебник. Я только учусь».

Эта фраза выхватила из памяти другой эпизод, другую встречу с Соловьяненко... Была осень шестьдесят второго года. А весною Соловьяненко, еще никому не известный преподаватель Донецкого политехнического института, выступил в Киеве на смотре художественной самодеятельности. Он спел арию Радамеса из «Аиды» Верди, и слушатели — особенно специалисты и члены жюри, были потрясены; вскоре его зачислили солистом в Академический театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Через несколько недель в Москве проходил всемирный конгресс мира; Соловьяненко был приглашен участвовать в концерте для делегатов конгресса. Он спел арию Канио, и зал Кремлевского Дворца съездов разразился аплодисментами; члены итальянской делегации стоя аплодировали молодому певцу. Тогда же его пригласили участвовать в конкурсе молодых вокалистов, где отбирались самые талантливые для поездки в Италию, на стажировку в знаменитый театр Ла Скала. После конкурса, из которого он вышел победителем, член жюри, народная артистка РСФСР Мария Петровна Максакова в журнале «Театр» восторженно отозвалась о молодом певце, голосе, который «в верхних регистрах практически не знает предела».

Вот в то время мы и встретились с Анатолием,— за несколько дней до его отъезда в Италию. Логично было ожидать, что он окажется в приподнятом настроении, упоенный успехами. Но он был предельно собран и даже озабочен. Мы вспомнили Донбасс, свой поселок, соседей и знакомых... Я спросил:

— Ну как, сбылась твоя мечта? Теперь ты достиг того, к чему столько лет стремился.

Он сосредоточенно молчал, потом в раздумье ответил:

— Наверное, я слишком заземленный. Закоренелый реалист. Мои мечты почти не отличаются от планов работы.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— На него невозможно ответить. Во всяком случае сейчас. Я буду петь, пока буду жить: это и мечта, и план, и суть всего, что я делаю. Но мне только сейчас становится понятно, какую задачу взвалил на себя: чем больше занимаюсь, тем больше громада предстоящего.

В то время, осенью 1962 года, его озабоченность и рассуждения о трудностях могли показаться неискренними: о чудесном взлете парня из самодеятельности много писали; газетчики окрестили его «шахтерским Герцогом»... История появления на большой профессиональной сцене подавалась как нежданно свалившееся счастье. На самом же деле никакой неожиданности не было: он не «взлетел» чудесным образом к своему успеху, а шел к нему как по отвесной стене, собственноручно выдалбливая ступеньку за ступенькой. И вообще его воспитание в шахтерской семье, где хорошо знают цену куска хлеба, самый образ мышления, сложившийся с детства, исключал из планов на будущее такие ненадежные понятия, как «удача», «везение», «счастливый случай»...

Первый раз я услыхал его в сорок пятом или в сорок шестом году, еще на школьном вечере. Кто-то из старших ребят объявил, что следующим номером выступает Соловьяненко, ученик седьмого «А». Он бочком вышел из-за занавески, отделявшей часть нашего школьного зала, глубоко вздохнул и начал с необыкновенно высокой ноты: «До свиданья, города и хаты, нас дорога дальняя зовет...» Это была такая неслыханная высота, что каждый невольно сдерживал дыхание и парил над землей с замирающим сердцем — как во сне.

От поселка Победа, где он жил, до школы было километра четыре, а то и больше. Весной и осенью, когда стояла непролазная грязь, мы выбирались на железнодорожную насыпь и шли по ней: час — в школу и час — обратно. Ежедневные попутчики могут много узнать друг о друге, но мы никогда не слыхали, что Анатолий поет! Ребята потом допытывались:

— Почему же ты раньше никогда не пел? Ну, на ставке или по дороге в школу?

— Та... не могу я вполголоса. А если во всю силу — за ненормального посчитают.

Потом он выступал на школьных вечерах. И хотя его голос уже знали, каждое выступление ошеломляло. Естественно, что, когда Анатолий окончил школу, многие советовали ему поступать в консерваторию, однако он советы всерьез не принимал. Работа — в шахте, на стройке, в поле. Это весомо, это надежно. А петь — потеха... Его отец Борис Степанович тоже пел, особенно в хорошей компании, прошел путь от забойщика до начальника участка и никогда не думал, что пением можно зарабатывать на хлеб и содержать семью.

С одобрения родных Анатолий поступил на горномеханический факультет. Он хорошо учился, готовился стать шахтным механиком. Но после третьего курса, во время каникул, познакомился с артистом Донецкого театра оперы и балета А. Н. Коробейченко. И вот он при первой же встрече убедил Анатолия серьезно заняться вокалом. Причем не сулил ему успеха и славы, а говорил о том, какая тяжелая работа ждет певца.

— Вы на много лет вперед полностью подчинитесь мне: будете начинать и кончать каждый день по составленному мной расписанию.

И это убедило Анатолия. Уровень усилий — цена делу! Так он полагал... Коробейченко дал ему послушать записи Шаляпина, Карузо. И сказал:

— Или так петь, как они, или быть хорошим инженером.

ГОЛОС

Но шахтерская основательность, привычка все делать наверняка сказались и тут: диплом инженера Анатолий решил все же получить. Два года делил он свои дни надвое: механика, горное дело, вычислительная техника — с утра, вокал, сольфеджио, итальянский язык — вечером.

Он получил диплом с отличием и по совету Коробейченко остался работать в институте преподавателем начертательной геометрии. Но главная его работа начиналась после официального рабочего дня. Заслуженный артист РСФСР А. Н. Коробейченко обладал небольшим, но красивым голосом и блестящей техникой. Кроме того, он оказался талантливым педагогом.

Анатолий ни одного часа занятий с Коробейченко не считает потерянным. А работали они вместе десять лет! И когда Александр Николаевич сказал Анатолию, что теперь ему уже пора на большую сцену, он за один год с успехом выступил на лучших сценах Киева, Москвы, Генуи, Палермо, Рима...

Так что никакого «неожиданного» взлета «парня из художественной самодеятельности» не было. Он восходил на эту высоту не размениваясь. И успех только утвердил его в мысли, что он может — а значит, должен — петь так, как пели великие мастера. И поскольку его мечты не отрывались от реальных планов, он с еще большей настойчивостью продолжал работать. Даже тогда, осенью шестьдесят второго, сидя на чемоданах в ожидании выезда на стажировку в Италию, он ни на шаг не отступал от расписания занятий, составленного вместе с Коробейченко.

В знаменитом театре Ла Скала ему довелось совершенствоваться в технике бель канто под руководством маэстро Дженнарро Барра — в прошлом известного певца, который дружил с Собиновым, выступал в спектаклях с Шаляпиным... Оперные партии классического репертуара Соловьяненко разучивал с Энрико Пьяцца — в прошлом ассистентом всемирно известного дирижера Артуро Тосканини...

...В начале 1964 года в Киеве, в зале оперного театра, состоялся первый сольный концерт Анатолия Соловьяненко. Если быть точным, то концерт этот следует назвать сольным наполовину: в первом отделении выступала Ламара Чкония, тогда начинающая певица, а во втором он... Вначале Анатолий держался скованно, пел с напряжением, но затем распелся, голос зазвучал широко, свободно. В этом мощном, пронзающем зал пении отчетливо угадывались все оттенки страстей человеческих — пел ли он на русском, украинском или итальянском языках. Не слова, а голос передавал чувства такими, какими они существуют в душе, еще до их «словесного» оформления.

Потом он спел на бис одну вещь, другую, третью... По нескольку раз выходил, раскланивался, прижимая руки к сердцу, благодаря за восторженный прием. Но публика не отпускала его, а ведущая объявляла: «Ария Герцога»... «Романс Радамеса...»

Рядом со мной сидел пожилой мужчина, он с ужасом говорил: «О господи! Седьмую вещь поет на бис! Полный концерт без перерыва! Разве можно такие трудные вещи исполнять на бис?! Нет, это невозможно, он сорвется!»

— Не сорвется, — сказал я. Его причитания среди грохота аплодисментов раздражали. Но сосед повернулся ко мне и, как бы упрекая в невежестве, с четким нажимом на «о», сказал:

— Вы не знаете вокала!

Устыдясь, я улыбнулся и ответил:

— Скорее всего, мы просто еще не знаем Соловьяненко.

Итальянцы, которых трудно чем-либо удивить в области вокала, быстро распознали огромное дарование советского певца, и — неслыханная вещь! — известная фирма грампластинок выпустила большой диск с записями итальянских песен в исполнении Соловьяненко.

Но еще больший успех выпал на его долю в любопытных состязаниях: «Неаполь против всех». Итальянское телевидение организовало популярную передачу, где Неаполь вызывал на песенное соревнование девять городов мира — Париж, Мадрид, Берлин, Нью-Йорк, Вену, Милан, Лондон, Москву и Рио-де-Жанейро. В эфире прозвучало больше семидесяти песен в исполнении лучших певцов мира. Соловьяненко пел «Подмосковные вечера» и прошел все этапы этого интереснейшего состязания, поделив второе и третье места; 160 тысяч итальянских телезрителей отдали Анатолию свои голоса.

...Судьба была к нему добра: дала голос, рос он в здоровой, работящей среде, встретил замечательного педагога. У него и своя семья — опора. Его жена Светлана далека от сцены, но сколько в ней такта, тонкого понимания работы мужа.

Когда артист свободен от поездок, то намечает себе массу дел: шлифовка исполнительской техники, чтение партитуры, подготовка новых арий и песен...

Он говорит: «Я много работаю над словом, костюмом, гримом. Читаю не только пьесы или романы, на основе которых писались оперы, но и материалы о том, как разные певцы трактовали образы того же Герцога, Рудольфа, Альфреда. Сцене надо подчинить себя целиком, она ревнивее любой женщины — никакой мелочи не прощает».

В доме у певца все подчинено требованиям сцены. И в этом большая заслуга жены Светланы.

Я помню один из сольных концертов во дворце «Украина». Великолепный зал на четыре с половиной тысячи мест был полон. Назначенное время прошло, публика заволновалась, по залу прокатились нетерпеливые хлопки. Наконец занавес поднялся, легкой походкой на сцену вышла элегантная женщина и мягко объявила о начале концерта, представила солиста, аккомпаниатора... Мне что-то в ней показалось знакомым... Да это же Светлана! Оказывается, перед самым началом концерта на сцене была паника: заболела ведущая! Почувствовав неладное, Светлана, которая с сыном сидела в зале, прошла за кулисы. Узнав причину растерянности, сказала:

— Только и всего? Поднимайте занавес!

И прекрасно провела всю программу.

Можно сказать, что в жизни у Анатолия Соловьяненко все складывалось счастливо. И все же главное в нем как в человеке — это черты выдающегося труженика. Однажды в Донбассе, после концерта на шахте, он спустился под землю, вспомнив свою первую профессию... Через несколько дней в многотиражке появились восторженные стихи местного поэта, где были, между прочим, такие слова:

Артист работал смену до конца.
И мы за смену
Вроде бы прозрели:
Рабочий корень
Важен в каждом деле.
А без него —
Ни песни, ни певца!

Слова «рабочий корень» не столько о социальном происхождении — они шире.

В прошлом году Соловьяненко первым из советских теноров был включен в группу нью-йоркского «Метрополитен-опера». Это — высшее признание артистического мастерства. И не потому, что Нью-Йорк такой уж музыкальный город. Просто «Метрополитен-опера» — самый дорогой и самый богатый театр в мире, туда приглашают выдающихся певцов. И еще одна особенность «Метрополитен-опера»: это самый большой оперный зал, со сценой, напоминающей стадион. Со средним голосом там просто нечего делать.

Выступление Соловьяненко в спектаклях этого театра с восторгом было воспринято публикой и с некоторой растерянностью — рецензентами: во многих восхищенных газетных отзывах сквозило недоумение: почему-де мы до сих пор не знали столь выдающегося исполнителя?! Рецензии пестрели фразами: «богатейшая палитра чувств», «глубина души», «бесподобная легкость верхних «до» и «до диез». Газета, которую меньше всего можно заподозрить в симпатиях к советскому искусству, приводила такие сопоставления:

«У Соловьяненко высокие тона более свободные и уверенные, а прежде всего более долгие, чем у величайшего современного тенора в мире — Лючано Паваротти».

Совсем недавно Анатолий пригласил меня на концерт украинской песни.

Вначале он исполнил несколько мягких, напевных вещей, которые как бы вплетались в чистое звучание оркестра. И какое же богатство души, какая удивительная красота народных мелодий, какие простые и понятные чувства передавал его голос!

Размышляя об этом концерте, я вспомнил, как у Анатолия спросили: «Что вас роднит с Полтавщиной?» Он подумал и очень серьезно сказал:

— Хлеб.

Вот это чувство хлеба единого, чувство ответственности художника перед своим народом делает его целиком тружеником, без чего и не было бы выдающегося певца современности.

премьера

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАТАЛИ

Двадцатый век и век девятнадцатый с его романтикой. Кажется, как далеки они друг от друга! Как далек балет XX века с присущей ему головокружительной экспрессивной техникой (в прямом и переносном смысле) от партерного балета, более свойственного прошлому... Однако ж романтизм в истории искусства — целая эпоха. А в балете это еще и более того — корни, на которых зиждется современное балетное искусство.

Поэтому-то порадовала показанная под конец сезона ансамблем «Московский классический балет» премьера «Натали».

Известный балетмейстер Гранд Опера Пьер Лакотт восстановил старинный романтический спектакль Филиппа Тальони «Натали, или швейцарская молочница».

Благоговейное — иначе не скажешь — отношение Пьера Лакотта к классическому наследию помогло ему донести до зрителя главное — эпоху. Здесь она во всем: в костюмах и декорациях Пьера Сисери и Эжена Лами, восстановленных П. Лакоттом, в построении мизансцен, в самом темпе развертывающегося действия, позволяющего и нам переключиться на ритм жизни прошлого века. Все это вместе позволяет ощутить прелесть «Натали».

П. Лакотт строит мизансцены так, что порой они напоминают прелесть старинной живописи; балетмейстер заставляет нас любоваться скульптурностью поз, четкостью и выразительностью движений в танце. И как здесь не сказать о прекрасных балетмейстерах-репетиторах — а это народная артистка СССР М. Кондратьева, Н. Таборкс, Н. Азарин, — чьим трудом все достигнуто.

Самое же главное, конечно, героиня.

В спектакле ансамбля «Московский классический балет» приняла участие в роли Натали солистка ГАБТ СССР, народная артистка СССР Екатерина Максимова — актриса, обладающая широчайшим по диапазону талантом.

Глубокая профессиональная культура балерины, удивительно точное проникновение в стиль эпохи создали иллюзию того, что хореографическая партитура балета не реконструкция, а живая подлинность.

Партнером Е. Максимовой был молодой солист ансамбля лауреат Всесоюзного конкурса Станислав Исаев, чья манера исполнения способствовала ощущению какой-то особой праздничности, радостности танца.

На вопрос, почему «Московский классический балет» выбрал для своего репертуара именно этот балет, В. Василёв, один из художественных руководителей ансамбля, ответил так: «Известный балетмейстер Гранд Опера Пьер Лакотт, исследователь романтического балета, работает в нашей стране не впервые. Он восстановил балет «Сильфида», фрагменты спектаклей «Маркитантка» и «Бабочка». Его творческий почерк очень своеобразен. Нам показалось интересным, что сегодняшний зритель увидит то, что казалось навеки утраченным. Кроме того, балет «Натали» сейчас уже больше не идет нигде в мире».

«Натали» — не только прекрасное произведение искусства, но еще и яркий пример сотрудничества, доказательство давних творческих связей французского и русского балета.

А. ЗВЯГИНА

Фото Л. Жданова

ВЕЛИКИЕ БИОГРАФ

На очередное заседание творческого клуба «Огонька» редакция пригласила писателей, литературоведов, критиков, ученых и издателей — тех, чей труд и талант вложены в создание популярных в нашей стране и за рубежом книг выходящей в издательстве «Молодая гвардия» серии «Жизнь замечательных людей». На встрече в редакции были: научный редактор редакции «ЖЗЛ» В. И. Калугин; профессор, доктор физико-математических наук А. А. Тяпкин; профессор, доктор филологических наук Н. Н. Скатов; журналист-международник Е. В. Кобелев; писатели и литературоведы: Д. А. Жуков, И. П. Золотусский; кандидат филологических наук О. Н. Михайлов; кандидат филологических наук В. В. Петелин; С. Н. Семанов; В. А. Чалмаев; В. М. Шугаев. Вел встречу заведующий отделом критики «Огонька», кандидат филологических наук В. П. Енишерлов.

ВЕДУЩИЙ. Когда девяносто лет назад, осенью 1890 года, была напечатана первая книга задуманной русским издателем Ф. Павленковым биографической библиотеки, вряд ли можно было предполагать, какая длительная жизнь уготована этому начинанию. Но вот уже вышло более 600 книг серии «ЖЗЛ», достойной наследницы павленковской библиотеки. Серия «ЖЗЛ» основана в 1933 году по предложению А. М. Горького. Он исходил из традиции отечественного книгоиздательства. Издание, которое задумал Алексей Максимович, не только продолжило традицию, но и плодотворно развило ее. Книги «ЖЗЛ» стали играть значительную роль в социалистической культуре.

Ныне в мире подобных биографических изданий насчитывается достаточно много, но столь широкий диапазон биографий, какой вбирает эта серия, — случай беспрецедентный в истории мирового книгоиздания. Среди героев «ЖЗЛ» — общественные деятели, полководцы, выдающиеся ученые, деятели литературы, искусства, то есть самые разнообразные представители человечества, лучшие сыны и дочери практически всех народов нашей земли. Постепенно собирается в серии хроника семьи Ульяновых. Уже вышли книги об Александре, Марии, Дмитрии Ульяновых и Надежде Константиновне Крупской. Широко представлены в серии «Жизнь замечательных людей» биографии соратников В. И. Ленина, известных деятелей партии и государства. Сейчас авторы приступили к ответственной и сложной работе над биографией В. И. Ленина.

Книги «ЖЗЛ» привлекают постоянный интерес и читателей и профессиональной критики. И это закономерно. Ведь стоит только вспомнить имена замечательных людей, которым посвящены вызвавшие наибольший отклик издания лишь последних лет, чтобы понять, какую сложную задачу решают авторы и редакция «ЖЗЛ»,— Хо Ши Мин, Гоголь, А. Н. Островский. Гончаров. Паскаль, Пуанкаре, Малышев. Плеханов, Стечкин, Брусилов, Кржижановский, Ворошилов, Герцен, Чехов, Вальтер Скотт и другие. Каждый из них — целый мир, и приблизиться к познанию этого мира, сказать о нем свое слово — значит совершить еще один шаг в постижении того духовного опыта, который необходим нам, людям конца XX века, для дальнейшего движения вперед. Ибо не праздное любопытство руководит теми, кто пытается понять, что стоит за каждой строкой Пушкина, за каждой страницей Толстого, стремится узнать, как жили и работали великие подвижники науки и культуры.

Многие известные советские критики, литературоведы с успехом выступают в серии «ЖЗЛ». Читателям наверняка запомнились биографии А. В. Суворова и Г. Р. Державина, написанные О. Михайловым. Сейчас Олег Николаевич закончил новую работу — биографию замечательного русского писателя А. И. Куприна.

О. Н. Михайлов. Одно из достоинств книг этой серии — в лучших из них существует та жизненная правда, сплавленная с художественной тканью, которой столь трудно добиться. «Сухие слезы мастерства» ныне мало трогают искушенного читателя, ждущего от биографии исторической подлинности. Читателю интересно и важно знать, что было на самом деле. Разумеется, когда речь идет, например, об Александре Невском или Дмитрии Донском, трудно подобрать средства, чтобы только фактом приблизить этих людей к нашему времени. Элемент, я бы сказал, разумной фантазии может существовать даже при создании биографий современных героев, но роль ее в этом жанре строго подчиняется реальности. Был блестящий пример, как будто опровергающий это положение,— «Жизнь господина де Мольера» Михаила Булгакова, но это прекрасное исключение, и второй такой книги я назвать не могу.

Иными словами, обращается ли автор к далекому прошлому или описывает нашу современную действительность, он должен строго опираться на факты.

Вот почему писателю порой трудно свободно чувствовать себя в жанре биографии. Здесь требуется навык научной работы, нужны немалые знания и умение их использовать. И, конечно, авторам биографических книг необходимо четкое осознание времени, в которое они живут и работают, чтобы новые книги «ЖЗЛ» не превратились в школярское повторение пройденного, в бездумное скольжение по хрестоматийному глянцу, к чему порой, по сути, сводятся призывы некоторых литературоведов, а были бы пусть небольшим, но шагом вперед в осмыслении жизни и деятельности замечательных представителей человечества.

ВЕДУЩИЙ. «Прошлое небезупречно, но упрекать его бессмысленно, а изучать необходимо»,— говорил Алексей Максимович Горький. Книги «ЖЗЛ» много помогают в изучении прошлого — и в этом их ценность. Конечно, наиболее интересные, наиболее значительные биографические книги часто вызывают полемику. И это естественно. Как писал В. И. Ленин в рецензии на работу Н. А. Рубакина «Среди книг» в ответ на утверждение автора, что «полемика — один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций»: «Автор не догадывается, во-1-х, что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины». Но и в самой эмоциональной полемике должна быть своя этика. Печально, что приходится напоминать об этом «Литературной газете», которая дважды (?!) выступила по поводу опубликованной «Огоньком» рецензии на книгу М. Лобанова «Островский».

Странно отреагировала «Литературная газета» на упомянутую рецензию С. Лыкошина и на статью того же автора «Хранители огня», посвященную книгам «ЖЗЛ» и опубликованную 3 июня 1980 года газетой «Советская Россия». Казалось бы, эти выступления должны были встретить требовательный, но доброжелательный, заинтересованный отклик «Литгазеты», возможно, и несогласной с точкой зрения еще совсем молодого критика, но сказать об этом следовало бы не столь безапелляционно, а более аргументированно и корректно.

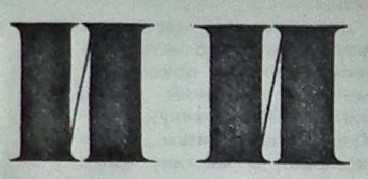
Значение работ революционных демократов непреходяще, изучение русской классики немыслимо без статей Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Мы должны лишь помнить, что жили и работали они не в безвоздушном пространстве, и, обращаясь к прошлому, учитывать всю сложность литературной и общественной борьбы — ведь, как говорил В. И. Ленин, «история идей есть история смены и, *следовательно, борьбы* идей».

Мы попросим доктора филологических наук, профессора Н. Н. Скатова поделиться размышлениями над книгами-биографиями великих русских писателей, вышедшими недавно в серии «ЖЗЛ».

Н. Н. Скатов. Большой читательский успех и столкновения критических суждений, порой прямо противоположных, свидетельствуют о том, что в «ЖЗЛ» происходят интересные, нуждающиеся во вдумчивом и трезвом анализе процессы. Так, Гончаров давно не привлекал внимание широких читательско-зрительских литературных кругов. Вышла книга Ю. Лощица о Гончарове, и вдруг обнаружилась заново его, Гончарова, злободневность. Недавний фильм об Обломове явно связан с некоторыми идеями, нашедшими выражение в этой книге. То же можно сказать о книгах «Островский» М. Лобанова, «Гоголь» И. Золотусского. Я невольно смотрю на дело с трех точек зрения: как автор, пытающийся писать в таком жанре; как литературовед-критик; наконец, как читатель. Думаю, что в работе над книгами о классиках именно в рамках серии «ЖЗЛ» возникает ряд проблем. Прежде всего — чрезвычайно сложная и требующая большой деликатности проблема «беллетризации», «художественности». Я полагаю, что именно работы о художниках слова взывают к особой чуткости и к наибольшей сдержанности.

Одно дело, когда пишешь, скажем, о военачальнике или физике, и другое, когда — о Гоголе, Островском, Гончарове. Здесь, вольно или невольно, возникает как бы элемент соревнования. Легко подпасть под влияние и писать, например, под Гоголя. В то же время, если уйти из-под этого влияния начисто, легко потерять «ощущение» писателя. Трудно и, наверное, не нужно отрешаться от личного отношения к своему «герою», но легко и соблазнительно пытаться проецировать его на себя и оказаться тем самым в странном, а может быть, и в смешном положении. Мне кажется, что именно в работе над книгами о классиках литературы с особой силой должен работать сам фактический материал, документ и т. п., искусство выстроить такой материал, умение подать такой документ.

Вторая сложность. Почти за каждым классиком стоит уже набор стандартных, хрестоматийных определений. Очень часто наш, особенно молодой, читатель не

знает большого романа Гончарова, а знает небольшую статью Добролюбова, еще чаще — не знает и Добролюбова, а помнит две-три фразы из Добролюбова в уверенности, что знает и Гончарова и Добролюбова. Последние книги серии «ЖЗЛ» сыграли большую роль в борьбе с инерцией штампа, в оживлении классики, и большим подспорьем здесь стала русская критика прошлого, взятая во всей ее широте. Статьи Добролюбова об Островском прекрасны, но вряд ли они исчерпывают Островского, и вряд ли сейчас можно понять Островского, не обращаясь к Аполлону Григорьеву (впрочем, как и Гончарова, не обращаясь к А. Дружинину или И. Анненскому). Островский писал и темное царство тоже, но жизнь, которую он писал, была не только темной. Сейчас особенно важно не впасть в одностороннось любого рода. Нельзя сказать, что в противостоянии Белинский — поздний Гоголь писатель прав, но также нельзя сказать, что безусловно и во всем прав его критик. И уже Чернышевский, по сути, корректирует такие оценки позднего Гоголя. Эту сложность положения представила книга И. Золотусского. Мы не можем, не должны уйти от того лучшего, что дала русская демократическая критика в своих оценках Гоголя, Островского, Гончарова и других писателей. Здесь, очевидно, есть над чем подумать авторам некоторых книг, вышедших в серии «ЖЗЛ». Однако остаться лишь при этих оценках — значит не только зачеркнуть почти всего Достоевского, почти всего (во всяком случае, начиная от «Войны и мира») Толстого, почти всего Фета, но и не понять многое и в Островском, в Гончарове, в Некрасове и иных писателях.

Здесь есть над чем подумать и критикам книг «ЖЗЛ». Наше время показало, что можно, отнюдь не отказываясь от некрасовской традиции, принимать Фета. Думаю, что уяснение лучшего, что есть в наследии того же Аполлона Григорьева или Николая Страхова, не обязательно должно означать потеснение Добролюбова. Речь отнюдь не о том, чтобы раздать всем сестрам по серьгам. Ни о каком равнодействии, если учесть традиции изучения, характер и объем изданий и т. п., говорить, естественно, не приходится.

ВЕДУЩИЙ. Николай Николаевич Скатов среди прочих затронул и очень важный вопрос — взаимоотношение автора биографической книги и его героя. Сложной, трагической судьбе Гоголя посвятил интересную книгу И. П. Золотусский. Его работа вышла в прошлом году и была высоко оценена критикой, отметившей глубину и своеобразие образа Гоголя, созданного в книге.

И. П. Золотусский. Выбор героя в биографическом жанре — вещь и мучительная и решающая. Для меня это выбор любви. Твой путь неотвратимо перекрещивается с путем твоего героя, ты выходишь на него с какой-то неизбежностью. Кажется, чего проще, любишь — пиши. Но отношения любви именно и мучительны, потому что преодолеть свою привязанность, преданность избранной личности чрезвычайно тяжело. Любовь слепа, любовь слишком сближает, а для писания необходимо расстояние, которое потребно пишущему, чтобы обрести власть над предметом. Поэтому после сближения, единогласия с героем начинается борение с ним и обретение самостоятельности.

Выбор — дело роковое, дело судьбы. Конечно, есть профессионалы, которые сегодня пишут о великом святом, а завтра о великом грешнике. Но у каждого свой склад, иной перебирает героев, как колоду карт, и делает это не без искусства, другой влюбляется в своего героя, как Булгаков в Мольера. И пишет, может быть, одну книгу об одном человеке. Может, я слишком фатально смотрю на этот вопрос, но лучшие биографии, которые мне пришлось читать,— это биографии-исповеди, книги, столь же рисующие портрет героя, сколько и портрет автора.

Свой опыт я мог бы поделить на три этапа. Сначала — полное порабощение своим героем, полное растворение в нем и заодно в материале, давящая и безысходная зависимость, затем — высвобождение из-под массы материала и, наконец, обретение свободы. Совершается все это не умозрительно. Освобождаешься от рабства только в писании, переписывании. Отдаление происходит не в воображении, а на бумаге. И странно: близость не умаляется, а увеличивается, чем свободнее начинаешь себя чувствовать по отношению к герою, тем более, кажется, понимаешь его, а стало быть, и любишь.

Мне понадобилось пять лет из десяти, чтоб почувствовать, что нить жизни Гоголя у меня в руках. Что я в некотором роде управляю этим сюжетом. Я уже перевалил через детство Гоголя, через Нежин, и вдруг — на въезде в Петербург — что-то произошло. Дыхание изменилось, я понял, что не материал распоряжается мною, а я им.

Полная свобода, конечно, недостижима—особенно, когда имеешь дело с великой личностью. Но путь свободы — единственный путь. Обретая ее, уже и не все факты тащишь в книгу, и сюжет появляется, и система отбора действует сама собой. Тогда и эпоха делается тебе подвластна. И как свидетельство освобождения рождается интонация — твоя подорожная до конца книги. Интонация — это и расстояние между пишущим и героем и связывающее их чувство.

Потому что связь неодносторонняя — она не обрывается и по окончании работы. Жизнь великой личности — всегда урок, который не может пройти бесследно для тебя. Входишь в книгу одним, а выходишь другим. И на все, что делаешь потом, как живешь, что пишешь, смотришь глазами своего героя.

Так по крайней мере получилось у меня.

ВЕДУЩИЙ. Над проблемами биографического жанра размышляет Д. А. Жуков, автор исследования «Биография биографий».

Д. А. Жуков. Перефразируя известный афоризм, можно сказать: «Если сражения выигрывают полководцы, то войны выигрывают учителя». Книги из серии «ЖЗЛ» подобны учителям народным. Я не буду оригинален, если скажу, что вся литература возникла из биографий.

Древняя литература — это те же биографии, а из них постепенно возникает роман. Первым русским романом считается житие протопопа Аввакума. И совершенно правы выступавшие передо мной товарищи, которые говорили о том, что сейчас трудно провести границу между биографией и художественной литературой. Создатели художественных биографий выросли настолько, что сейчас пользуются всем арсеналом изобразительных

Сидят: Н. Н. Скатов, В. А. Чалмаев, А. А. Тяпкин, Д. А. Жуков, В. В. Петелин. Стоят: В. М. Шугаев, Ю. М. Лощиц, С. Н. Семанов, О. Н. Михайлов, В. И. Калугин, Е. В. Кобелев. Фото Б. Кузьмина

средств, которыми до сих пор пользовалась только беллетристика. Но биография должна быть точной. Искажения фактов и авторский произвол недопустимы. И вместе с тем недопустима и сухость. Главное — сделать книгу увлекательной. Я уже ряд лет работаю над биографией нашего замечательного поэта и драматурга Алексея Константиновича Толстого, благороднейшего человека и оригинального мыслителя, стихотворения которого так любил В. И. Ленин.

ВЕДУЩИЙ. Писатель Ю. М. Лощиц, автор книг «Сковорода» и «Гончаров», закончил новую работу — «Дмитрий Донской», приуроченную к 600-летию Куликовской битвы.

Ю. М. Лощиц. Чаще всего жанр книг «ЖЗЛ» определяется как научно-художественная биография. Казалось бы, в самом определении заложено противоречие. Действительно, можно ли «поверить алгеброй гармонию», можно ли добиться какого-то естественного соединения двух стилей человеческого мышления — стиля научно-понятийного и стиля художественного, образного? Но в то же время мы видим, что в двадцатом веке оба стиля стремятся друг к другу, литература все чаще обращается к документу, к научно выверенной документальной исторической основе, а с другой стороны, научное мышление то и дело прибегает к художественному образу при построении самых абстрактных моделей, теорий, схем. И это вот стремление друг к другу научного и художественного начал в книгах «ЖЗЛ» воплощается вполне конкретно, хотя, конечно, вряд ли можно говорить о том, что уже существуют какие-то идеальные образцы научно-художественного жанра. Видимо, они и недостижимы. Если мы представим себе, что Пушкин — автор «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочки» поставил бы перед собой задачу соединить два эти творения в каком-то одном, синтетическом, то это было бы, наверное, идеальным вариантом научно-художественной биографии. Вряд ли мы в ближайшее время дождемся таких вот воплощений, хотя дерзание необходимо в каждой книге, в каждой теме.

Несколько слов хочу сказать о своей последней работе — биографии Дмитрия Донского. Это четырнадцатый век, один из самых драматических периодов в истории становления русской государственности. Это век, когда года, я уже не говорю о десятилетии, не обходилось без страшных нашествий со стороны иноземцев, без гибельных моров и опустошительных засух, без междоусобных столкновений, наконец. Почти половина русского воинства не вернулась с Куликовского поля к своим семьям. И герой мой умер рано, не дожив до сорока лет. Хотелось написать книгу, в которой бы выразилась наша общая светлая память об этих событиях, которым мы обязаны своим историческим существованием и, возможно, не только мы, но и весь Евразийский континент.

ВЕДУЩИЙ. Выходящие в серии «ЖЗЛ» книги об ученых привлекают внимание специалистов, историков науки, миллионов читателей. Не так давно была опубликована биография великого французского ученого Блеза Паскаля, написанная Б. Тарасовым. Блестящий ученый и философ-моралист оказал большое влияние на крупнейших представителей русской мысли. Достаточно сказать, что Л. Толстой считал его «одним из тех, которых называют пророками», и находил в его судьбе общее с судьбой Гоголя. Книга о Паскале в серии «ЖЗЛ», без сомнения, лучшая его биография на русском языке. Почти одновременно с ней появилась и книга о великом французском математике Анри Пуанкаре. У нас на встрече присутствует один из ее авторов, профессор А. А. Тяпкин.

А. А. Тяпкин. В серии «ЖЗЛ» вышли книги о целой плеяде выдающихся деятелей науки: о Лобачевском, Голуа, Ньютоне, Ломоносове, Резерфорде, Фредерике Жолио-Кюри, Курчатове. В прошлом году издано три книги: «Нильс Бор», «Паскаль» и «Пуанкаре». Книгу о Пуанкаре мы написали совместно с А. С. Шибановым. Работать над ней было трудно, и вот почему. Понимание работ великого математика сложно даже для профессионала. Он был одним из последних ученых-универсалов. Пуанкаре творил в области математики и так же успешно — во многих областях физики. Именно работа на стыке наук сделала его деятельность особенно плодотворной. В жизни Пуанкаре не было особого драматизма, которым можно было бы заинтересовать читателя. Он жил во славе, был признанным корифеем науки. Он так много успел, столь многого достиг, что ни одна биография — я имею в виду работы французских биографов — не охватила всех его достижений, и в частности был предан забвению его вклад в физику, в создание теории относительности. И здесь нам пришлось ломать некоторый лед. Нам хотелось показать, что в творчестве ученых всегда существует преемственность, у всякого великого ученого есть предшественники и последователи, существует взаимодействие ученых, и когда целостная цепочка искусственно обрывается историками науки, то наносится вред представлению о самом процессе творчества. В этой книге мы постарались избежать подобных ошибок.

ВЕДУЩИЙ. Книги «ЖЗЛ» охватывают самый широкий спектр биографий. На нашей встрече присутствуют автор книги о Хо Ши Мине, журналист-международник Е. В. Кобелев и автор биографии наркома Малышева В. А. Чалмаев.

Е. В. Кобелев. Хо Ши Мин был выдающимся деятелем мирового освободительного движения, марксистом-ленинцем, интернационалистом. И он был чрезвычайно скромным и обаятельным человеком. Таким я и стремился его показать.

Он был также публицистом, литератором, поэтом, и, естественно, в книге много стихов, ибо без этого рассказ о нем оказался бы неполным.

Во время работы я столкнулся с двумя трудностями. С одной стороны, Хо Ши Мин многие десятилетия провел в подполье. Пока еще существует немало неисследованных моментов его жизни, которые не установили и вьетнамские историографы. Вторая трудность — обилие материалов о нем. Мне пришлось переработать около 100 разных книг, воспоминаний, брошюр о жизни и деятельности Хо Ши Мина.

Важное место в книге занимает тема «Хо Ши Мин и Советский Союз». Дело в том, что Хо Ши Мин до того, как стал президентом, неоднократно бывал в нашей стране: в 1923—1924, 1927—1928 и 1934—1938 годах. Раньше бытовала версия, что он приехал в Москву в день кончины В. И. Ленина, но затем было установлено, что в свидетельстве, с которым он прибыл на советском теплоходе «К. Либкнехт» в Петроград, стоял штамп 30 июня 1923 года. Так был установлен день первого приезда Хо Ши Мина в нашу страну.

Был найден дополнительный штрих — сообщение в газете «Правда» от 12 октября 1923 года о том, что на Международной крестьянской конференции он был избран в руководящий орган Крестинтерна под именем Нгуен Ай Куок. Такая партийная кличка у него была до 1942 года.

Затем нашлась очень интересная публикация в журнале «Огонек» в декабре 1923 года — очерк о «Коминтернщике из Индокитая» с портретом Хо Ши Мина.

Вот как глубоко уходят корни нашей дружбы с Вьетнамом, с его народом, с его лучшими представителями.

Прошлым летом я был во Вьетнаме. Передал экземпляр книги «ЖЗЛ» музею Хо Ши Мина, который сейчас создается.

В далеком братском Вьетнаме книга о Хо Ши Мине, вышедшая в Москве, вызвала большой интерес как свидетельство дружбы наших народов.

В. А. Чалмаев. Работать для редакции «Жизнь замечательных людей» — особенно над такой книгой, как «Малышев», для меня означало прежде всего по-новому оценить, продумать древнейшую и вечно новую проблему патриотизма, государственный смысл чувства Родины.

Мы порой очень легко и, надо сказать, поверхностно и узко осознаем Родину, как «страну березового ситца», как лирическую тему, как песенный образ с цветами, гармошками, родниками, березками и т. п. Но Родина — это запас мощи, вобравший труд и подвиг миллионов людей, запас на всех, на трудный час! Непонимание этой решающей основы патриотизма — старое заблуждение простаков, начиненных бог весть с каких времен «антиначальственной» праведностью. Боясь, что наш патриотизм будет «пахнуть» неэстетичным углем, нефтью, сталью, мы часто обходим сферы труда, яркие фигуры, которые воплощают в себе государственный разум, отечественную деловитость.

И какая удивительная способность жить на высокой исторической скорости, сохраняя хладнокровие, решать грандиозные и в высшей мере патриотические задачи! Атомный рывок страны... Величие этого подвига — в послевоенной, разоренной войной стране — было таково, что оно часто изгоняло в людях, свершивших его, всякую осторожность, перестраховку, и привычка подходить «к котлу», глядеть на пламя сохранялась в наркоме Малышеве — бывшем машинисте.

Воспитание государственного склада мышления, стремление добавить к нежным и мягким свойствам чувства Родины «присадки стали», без чего в XX веке нет реальной любви к Родине,— одна из главнейших заслуг редакции «Жизнь замечательных людей».

ВЕДУЩИЙ. Писатель, историк С. Н. Семанов, автор вышедшей недавно книги «Брусилов», поделится своими мыслями о роли книг «ЖЗЛ» в нашем современном обществе.

С. Н. Семанов. Если попытаться буквально в двух словах определить главное достоинство нашей биографической серии, то эти два слова—историческая протяженность.

Сама дата нашего заседания подсказывает мысль об исторической преемственности поколений: мы отмечаем недавний выход 600-й книги «ЖЗЛ» накануне 600-летия Куликовской битвы... Это шутка, конечно, в мистику цифр мы не верим, просто уж очень примечательное совпадение!

Да, чувство исторической протяженности есть вообще и всегда важнейшее свойство здравого и прогрессивного общества. Особенно важна преемственность лучших народных традиций в нашем Советском государстве.

Книги «ЖЗЛ» в целом решают важную духовную задачу: осмыслить сегодняшнее, постигая прошлое. Правда, иногда видят в прошлом одни только распри, злобу, взаимное поношение и самоистребление. Но ведь кто-то еще извечно строил и возводил, созидал и воспитывал, иначе жизнь человеческого общества давно бы остановилась. Главный герой «ЖЗЛ» как раз и есть созидатель, чье наследство — духовное и материальное — остается народу и миру.

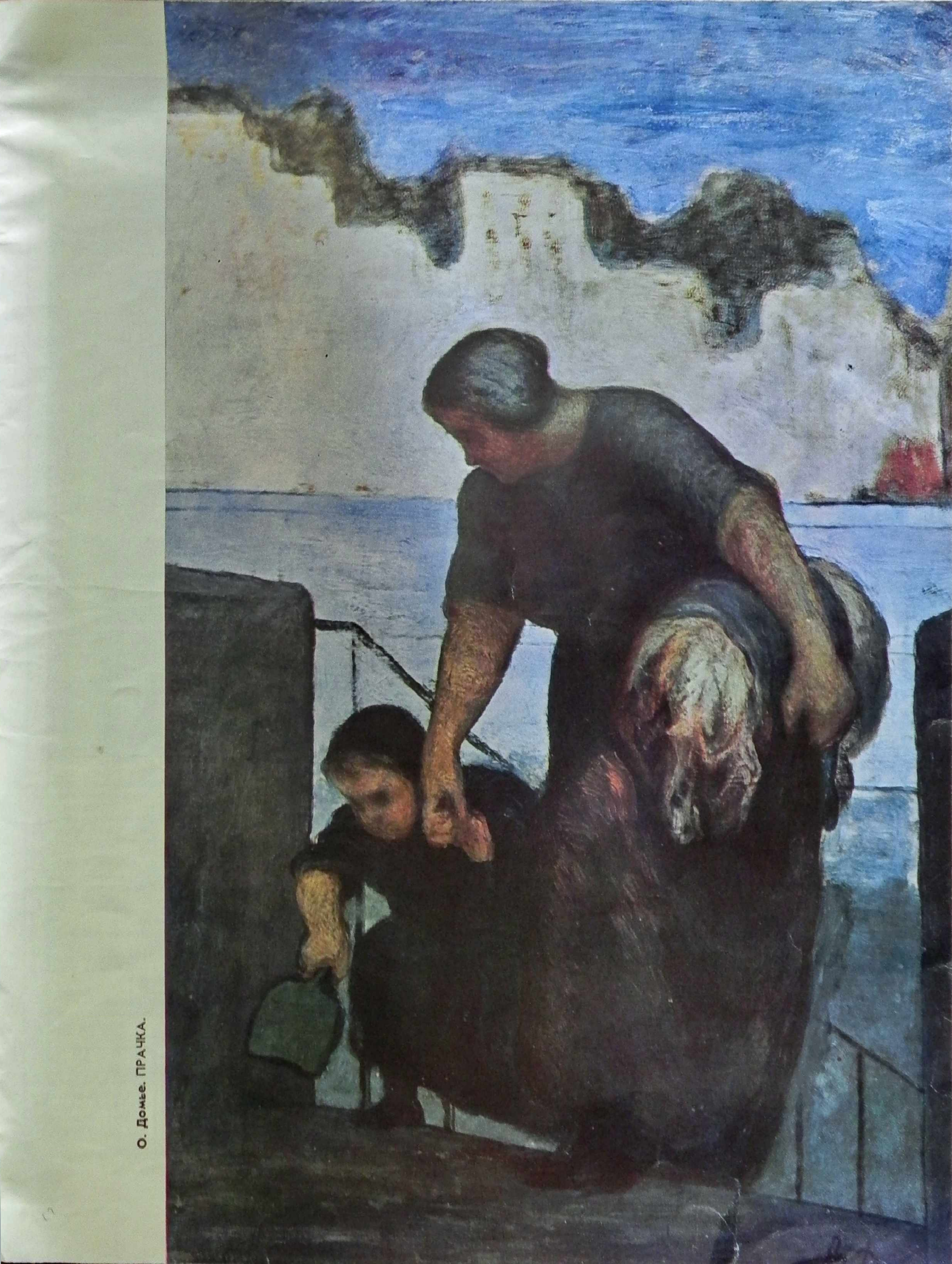
Есть немаловажный смысл в определении героя нашей серии — «замечательный». Да, именно замечательный, то есть положительный, нужный людям, а вовсе не обязательно знаменитый. Последнее понятие лишено нравственных устоев, бывали ведь знаменитые грабители, ростовщики, и в странах капитала о них пишут, и охотно! И это тоже «современность прошлого»!

Как и положено, в заключение о недостатках. Нынешняя обложка серии исчерпала свои графические возможности. Книги «ЖЗЛ», поставленные в ряд, выглядят тяжеловесно, тускло и однообразно. Да, конечно, обложка популярного издания не должна часто меняться. Но всему есть предел во времени. Это немаловажно, ибо книга — не только сумма текста или картинок, но и произведение полиграфического искусства. Последнее слово тут хотелось бы подчеркнуть.

Второе. Русская классическая культура немыслима без имен Пушкина, Глинки, Лермонтова, Льва Толстого, Достоевского, Чайковского. Меж тем их биографии если изданы, то очень давно и не всегда лучшим образом.

ВЕДУЩИЙ. Как мы видим, у серии биографий замечательных людей много достижений и немало проблем. Мне кажется, например, что недостаточно внимания издание уделяет такому значительному пласту русской культуры, как конец XIX — начало XX века. А ведь именно рубеж двух веков дал отечественной литературе, искусству, культуре многих выдающихся представителей. Говоря о них, следует помнить слова В. И. Ленина, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками».

Заключая нашу встречу, хочется пожелать авторам и издателям книг «ЖЗЛ» новых успехов, доброжелательной, объективной критики, а читателям — встреч с новыми интересными биографиями великих людей.

О. Домье. ПРАЧКА.

О. Домье. КРИСПЕН И СКАПЕН.

Иван ВАРАВВА

ЛЕСА ЗЕЛЕНЫЕ...

●

За балкой, за тропой у перелаза
В степи упала алая звезда.
И я бегу, мальчишка синеглазый,
Лечу во все отчаянье туда.

По лопухам, по травам-медуницам,
Через глухие мокрые кусты,
Чтоб отыскать в некошеной пшенице
Останки потухающей звезды.

Упала, раскололась, раздробилась,
Тревожно догорая на глазах.
Ребячье сердце билось,
Колотилось,
И ветер спотыкался в волосах.

Звезда полей...
Мое ребячье счастье!
Найти тебя не выпала судьба.
Но, кажется, твоей последней властью,
Огнем твоим
Окрасились хлеба.

И потому сегодня не случайно,
Где колос бьет поклоны в борозду,
Я все ищу ненайденную тайну,
Зову свою сгоревшую звезду.

●

Стоят леса зеленые,
Колышут синеву,
За вербами, за кленами
Мне слышится:
— А-у!..

В разлив вечерней
Лунности
Подружку торопя,
Уходит голос юности,
Похожей на тебя.

Веселый клик рискованный
Разносится:
— Лови!..
Зеленый гул раскованный
Гудит в моей крови.

●

Когда смирю свою натуру,
Друзьям
ни слова
не скажу:
Из сердца звонкую
Бандуру
На грудь кургана положу.
Земля родная
спозаранку
В ладонях
светлой тишины
Споет счастливые веснянки
Моей казачьей
стороны.
Взметнутся красные
Колосья
В разливе солнечном степном,
Запахнет поле
Винной гроздью,
Ромашкой желтой и зерном.
Сойдутся ветры
На кургане,
Весны и осени гонцы —
Напевы
солнечной
Кубани
Перенесут во все концы.

ТОПОЛЬ ТОПАЕТ ПО САДУ

Все деревья спят в усладу,
На ветвях — туманов дым.
Тополь
Топает по саду,
Одинок и нелюдим.

Тополь копьями вершины
Подпирает небосвод.
Звезд холодные снежины
Белым веником метет.

Темень лунная
Ложится
На истоптанный порог.
Может, тополю не спится
Оттого, что он продрог?

Шорох в лозах винограда,
Шелест полночи ловлю.
Тополь
Топает по саду
К человечьему жилью.

Под его веселой кроной
Я стоял не так давно.
Тополь
Мается зеленый,
Отворю ему окно.

Залезай, дружище, в хату,
Лапы мокрые погрей.
Тополь
Топает по саду
До весенних журавлей.

●

Ты послушай, послушай, красавица, —
На раздольях степной широты
Наши годы с тобой
Не кончаются,
Не склоняются наши цветы.

Под зелеными южными вербами
Ты еще, моя радость, постой.
Пахнут волосы
Вьюжными ветрами,
Вяжет губы вишневый настой.

Поле дышит
Легко и размеренно,
Поле видит осенние сны.
Только нами с тобой не потеряно
Ничего, до грядущей весны.

Зори с зорями в поле венчаются,
Птицы льют перезвон с высоты,
Наши годы с тобой
Не кончаются,
Не склоняются наши цветы.

●

Они еще живут,
Цветы полей,
Цветы весны и ласкового мая.
Цветут теплом и радостью твоей,
Вовсю благоухая и сгорая.

Я их ни в чем сегодня не виню,
Я их теперь нисколько не жалею.
И, прикасаясь к прежнему огню,
О прежней доле
Думками болею.

Не зацветет ушедшая краса
Своим неповторимым прежним цветом,
Уходят гуси
Клином в небеса,
Уходит осень в радужное лето.

ЛЕНЕ

Девчонки кольца обручальные
Берут восторженно у мам
И бродят сдержанно-печальные
По людным скверам,
По садам.

А им вослед — наказы грозные:
— Смотри, кольцо не потеряй!
Ах, эти дети,
Дети взрослые —
Подай всего им, через край.

Гуляют девочки...
Рискованно
Блестят колечки под луной.
Как будто вправду окольцованы
Они порукою двойной.

Не торопите годы дальние,
Восторги близких и подруг.
Дадут вам кольца обручальные
Из самых тех,
Любимых рук.

И будут, взбив прически броские,
Их ваши дочки примерять...
Ах, эти дети,
Дети взрослые —
Привыкли старших повторять.

РУЧЬИ

По склонам гор,
По древним их отрогам,
Средь диких трав сухих,
Из-под земли
Подснежники выходят на дорогу,
И расправляют крылья журавли.

И солнце плавит
Снежные заплаты
На серой бурке каменной горы.
С крутых вершин серебряные
Латы
Спадают в алом пламени зари.

Светлеет граб в содружестве
С калиной
И соком набухающей ветлы.
Бегут ручьи весенние
В долины,
Завязывая хитрые узлы.

Краснодар.

Юлиан **СЕМЕНОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ПРОТИВОСТОЯ

— Что вам «услужливые» сказали о Королевой? Исчезла? Нет ее?

— Найдут...

— Пригласили б вы ее, а? Право слово, так мы умеем людей терять, так уж умеем! А потом дивимся: отчего цинизм?

— Но в порядке справки: у меня семнадцать газет, телевидение, радио, вещание на рыболовную флотилию, высшие учебные заведения, агитаторы, вечерние университеты, а в отделе девять человек.

— Поручили б Королевой выступить по поводу плохой освещенности города, что ли? — задумчиво продолжал свое Костенко.— Спасли бы девчонку, привили б ей борцовские качества, право!

— Надо подумать. Предложение ваше любопытно. Ну, а теперь о вашем деле... Найдете?

— Найдем.

— Когда?

— Не обещаю, что скоро. Узел странный, и почерк какой-то совершенно особенный, так что хлопот много. Жуков ваш — золото, настоящий сыщик, повышайте, пока не поздно, а то в Москву заберем.

— Он кто?

— Начальник уголовного розыска города, а ему вполне уже пора бы в кресло заместителя начальника областного управления садиться.

— Жуков — фамилия запоминающаяся,— сказал секретарь,— зовут его, кажется, Алексей Иванович?

Костенко, наконец, улыбнулся:

— Уважаю информированных людей. Девочку позовите, ладно?

— Красивая?

— Очень.

— Приглашу. А вы найдите вечер и выступите перед слушателями университета марксизма, люблю злых, атакующих ораторов. Договорились? Время — любое, я понимаю ваше положение.

— Хорошо. А я к вам в приемную Королеву доставлю, пусть сидит; когда выкроите минуту — она под рукой, да?

...Киру он нашел сразу — Жуков, пока Костенко ходил по кабинетам, запросил ее адрес и выяснил, как удобнее и быстрее к ней проехать.

Девушка лежала на металлической койке, у окна, забросив руки за голову, тяжелые волосы разметались на голубой наволочке; красиво.

Она не удивилась приходу Костенко, но не поднялась, а просто, тихо, басом, сказала:

— Спасибо. Мне уже передали.

— Кофе хочу.

В глазах у девушки что-то зажглось, потухло; потом зажглось снова, она пружинисто поднялась с кровати:

— А спирта хотите? Я спирта жахнула с горя.

— Незаметно.

— Ну, я ж не стакан, пару глотков, а то было так страшно, что просто сил нет.

— Сунулась в драку — про страх забудь. Журналистика — это драка.

— В Москву уеду.

— Стыдно.

Она включила кофейник и спросила:

— Почему?

— Потому что дезертирство. Да, в Москве легче, да, в Москве такое вряд ли бы случилось — хотя, увы, еще случается; но хорошо ли это для пишущего?

— Хорошо,— убежденно ответила девушка.— Просто даже замечательно. Почему музыканту — наибольшее благоприятствование, художнику — тоже, а пишущему надо продираться сквозь терний?

— А куда продираться-то?—вздохнув, улыбнулся Костенко.— К звездам. То-то и оно. Вам предложат написать о том, как плохо освещены улицы, вы наступите на хвост своему врагу. Впрочем, какой он враг... Трус, перестраховщик...

Глаза у девушки мгновенно потемнели:

— По-вашему, трус и перестраховщик не враг?

— Надо ли так резко?

— Ой, как вы непохоже на себя сейчас сказали!

Костенко потер лоб ладонью, согласился:

— Да, это вы верно.

— А я вот в вас влюбилась.

— Зря.

— Это мое дело, а не ваше. Это мне важно, вы даже и знать про это не должны были б. Просто легче жить на свете, когда есть человек, о котором радостно думать.

— Об отце думайте.

— Снова не то говорите.

— Ну и что? — Костенко закурил.— Красивая вы, хорошая девушка, я несколько теряюсь, поэтому несу околесицу, разве трудно понять?

— А вы многих женщин видали, которые понимают?

— Видал.

— Вы их придумывали себе. Нет женщин, которые умеют понимать. Есть умные — их мало, и дуры — их много. Умным везет всего лишь, а вам кажется, что они все понимают.

Кира поставила перед ним чашку кофе:

— Растворимый, но я много заварила.

— Прекрасный кофе.

— Правда?

— Сейчас сказал истинную правду.

— Я умею заваривать кофе.

— А я впервые попробовал кофе у моей будущей жены, до этого меня с него воротило — горечь, да и только!

— А наше поколение без кофе жить не может.

— Знаете, чем я это объясняю?

— Откуда же я могу знать?

— Я считаю, что это — от спокойствия. Кофе—символ надежности, устойчивости, традиции, если хотите.

— Интересно... Наверное, так и есть... Сядешь в «Молодежном»; осень, дождь идет, по улице Горького машины мчатся, а ты возьмешь себе кофе и сидишь, пишешь, смотришь... Блаженство...

— Разве у нас в кафе разрешают писать?

— Днем стали разрешать... Традиции нарабатывают.

Костенко допил кофе, поднялся:

— Поехали, Кирушка...

— Так меня брат называет,— сказала девушка, подошла к Костенко и погладила его по щеке.— Куда повезете?

— К секретарю обкома, он вас с утра разыскивает, всех поднял на ноги, всем по первое число за вас всыпал... Поехали... И вот вам моя карточка, звонить, конечно, отсюда дорого, но написать можно вполне.

— А ваша жена возьмет и скандал устроит.

— У меня умная жена.

— Одногодка?

— Да. На три года помоложе, но это ж не считается...

— Если она умная, тогда я вам надоем письмами... Четыре раза в год буду писать... Ладно?

— Я выдержу и восемь. Но отвечу на четыре, страх как не люблю сочинять, всю жизнь с писаниной, поэтому и весточки мои получаются, как протоколы...

Костенко высадил Киру у обкома; он видел в зеркальце «Волги», как девушка стояла, не двигаясь, глядя вслед его уходящей машине.

Ретроспектива-V.
(Апрель 1945, медсанбат 54/823)

На второй день Кротов почувствовал жар. Он поднимался в нем изнутри, пронизывал насквозь все тело; во рту было сухо, язык еле ворочался, иногда мутилось в голове, и это страшило Кротова более всего: а вдруг бред, понесет тогда черт те что, по-немецки понесет, хотя, это я замотивировал, успокаивал он себя, я сестричке милосердной что-то по-немецки сказал, она еще удивилась, а я ответил, что учителем немецкого языка в школе был Артур Иванович, самый что ни на есть настоящий фриц, учил нас от чистого сердца, мне, мол, в разведке пригодилось, я ж разведчик, морская пехота завсегда в разведке первая, морская душа, черная смерть...

Врач определил тиф, его перевели в отдельную палату, медсанбат занимал двухэтажный дом, бывшее районное отделение НСДАП, столы сдвинуты в угол, на стенах белели места, где раньше висели портреты Гитлера.

— Только маме не пишите,— просил постоянно Кротов,— маму пугать не надо, войну сын прошел, а от вши гибнет...

Врач погладил его по бритой черепушке, улыбнулся:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—27.

— Не погибнет сын от вши, спи больше, морячок, спи и ешь...

— Воротит меня с еды, не могу...

— А ты через не могу. Спи...

Когда кризис прошел, более всего Кротов боялся, что сообщили в ту часть, где служил морячок,— мичману или тому, второму, Игорю, поэту, вроде Гоши Козел, наверное; идейный, душу изо всех вынимал... Письма Кротов держал в мешке, но мешок взяли в каптерку, а теперь все ушло на дезинфекцию, и ему сказали, что письма, прогладив горячим утюгом, уже отправили по адресам.

— Но вы приписки-то не сделали, что у меня тиф? — спросил сестру Кротов.— Тиф — не фронтовая болезнь, позорище...

— Да,— ответила сестра,— вы у нас с тифом первый. Главврач анкету снимет: где был последние дни перед контузией, с кем общался, что ел. Может, заразу Гитлер на нас хочет напустить...

— Только не сейчас,— попросил Кротов томным голосом,— я еще в себя не пришел, немочь во мне. Дайте на ноги встать.

Ночью он разыграл спектакль: закричал дурным голосом что-то несвязное, прибежала дежурная сестра, стала его тормошить, а он продолжал истошно кричать:

— Пустите, пусти! Ни шагу назад, братцы! Родина не простит! Они нас тут нарочно держат, лишают фронт силы! Вперед, товарищи, за Родину, за Сталина!

Разбудил он всех, переполох был, прибежал хирург Вайнштейн, сделал Кротову инъекцию — тот слабо бился.

Уснул он через десять минут; Вайнштейн сидел у него в ногах на койке, успокаивал:

— Поспи, родной, поспи, скоро поправишься, вернешься на фронт, только маму сначала навести, у тебя ж отпускной, мы тебе продуктов на дорожку дадим, маме сахару привезешь, спи, сынок, спи, милый...

Когда Кротов почувствовал, что окреп, стал сильнее, чем прежде, ночью пошел по нужде, заглянул в канцелярию, обсмотрел, где лежат книги приема раненых и выписки; прошел мимо каптерки, где хранились форма и вещмешок, вернулся, лег, долго прикидывал комбинацию, наутро начал подкатываться к сестричке.

— Глашенька,— сказал он ей, когда выключили свет в палатах,— девочка, ты меня только пойми, сердцем пойми... Вот у меня уж два провала в памяти было, а отчего? Оттого, что ярость во мне, душит меня, Глаш... Милая, девочка, дай мне одеться, я ж здоров, дай мне формуляр...

— Какой формуляр?

— Ну, бумажку на выписку...

Глаша тихо засмеялась:

— А то еще какой такой формуляр, слово-то не наше... Бумажку я дам, а кто ж тебе, Милинко, аттестат выпишет?

— Мне б только до фронта, там ребята накормят...

— Абрам Федорович говорит, что рано еще, слабый ты, он говорит, после тифа горячка может быть, а ведь не дома ты, в Германии. А ну свалишься на дороге? Снова тебя к нам везти? Возвратный тиф есть, он прилипчивый, Милинко...

Кротов тренировал себя день и ночь: «Милинко, Милинко, Гриша, Милинко, Милинко, Гриша...» Спасибо, тиф выручил, сначала-то, в горячке, он на Милинко не откликался, а потом вспомнил уроки спецгоспиталя в Шварц-

вальде, где его от дефекта лечили, чтобы приметы не было, заикания: «Спокойно, все хорошо, слова надо петь, зачем торопиться их произносить? Слово так прекрасно, им надо любоваться прежде, чем произнести...» Сначала-то пел, а как не получалось петь, там на кресло сажали, велели говорить, и если начинал челюстью трясти, ток включали, рассчитали, на каких буквах заикается, тогда и включали, все тело сводит, криком кричи, но говори так, как надо, добились, вот ведь, говорю, не заикаюсь... И к Милинко привыкнул, к Грише, только держать себя надо в кулаке, если в бреду не открылся... А вдруг открылся?! Вдруг они смотрят за мною и Глаша эта не Глаша никакая, а чекистка-палачка?! Ничего, баба, какая она ни на есть чекистка, ночь — мое время, а мне одна ночь и нужна... Только с ней долго надо, она красивая, а тут одна маленькая, очкастая, глаз не подымает, застоялась, а кто на нее позарится, на уродинку в очках?

— Глаш, а как эту очкастенькую зовут,— спросил он,— которая днем дежурит?

— Розка-то, татарочка? Чего ты ее так — «очкастая»? Она девка хорошая...

— Вы тут все красотки, а на нее никто и не смотрит. Одинокая она, друга нет?

— Она хирургом хочет стать, все возле Абрама ходит...

«Она возле вашего старого Абрама ходит, потому что рядом пусто,— подумал Кротов.— Бросит она кривоноса, как только мужиком запахнет. Уродинка, если ее пригреть, из огня каштан вытащит».

За завтраком он подозвал Розу, попросил:

— Сестреночка, маленькая, у меня в глазах рябит, ты мне книжку почитай, а? — и руку ей положил на колено, горячую, большую руку...

Когда его выпустили из палаты изолятора, он по-прежнему шатаясь — всячески отыгрывал версию контузии,— завел дружбу чуть не со всеми ранеными; слушал; каждое слово закладывал в память, говорил мало; какому безрукому цигарку скрутит, какому лежачему с ложечки морсу даст, у Розы ведро выхватит из руки, та вся зардеет, идет следом, как собачонка...

...Аттестат он выкрал, страницу — там, где было записано, когда поступил с контузией и когда начался тиф,— вырвал, спустил в сортир, вещи из каптерки тайком взяла Роза, ушел он на рассвете, сел на попутку, поехал к матери Милинко в Осташков.

23

На аэродроме было столпотворение: отпускной сезон.

— Когда переберетесь ко мне в Москву? — спросил Костенко.

— Вы что, серьезно?

— Вполне.

— Да не поеду я. Старый, Владислав Романович, старый стал. А старость прежде всего бьет по легкости в передвижениях. Не сердитесь. Да и с вами работать,— говоря честно,— не сахар.

— Почему?

— Слишком сильный вы человек, под себя гребете... Вам бы силу скрывать, а вы себя напоказ... И так дурень дурнем, а с вами и вообще себя чувствуешь недоделком каким.

— Играть надо?

Жуков ответил убежденно:

— Играть надо всегда, особенно если сила в руках. Слушать, как смотрят — при начальстве не очень-то разговорчивы,— и в зависимости от этого играть...

— Попробую! — шутливо согласился Костенко.— А вообще вы меня верно приложили... С возрастом человек наиболее подвержен желанию навязать свой опыт окружающим... А опыт — снова вы правы — надобно легко подбрасывать, а не клеить ко лбу ладонью. Спасибо. Только поздно, видимо, переделывать себя. Страшно сказать, Жуков, мне все время кажется, что я только-только начал службу, только-только пришел в кабинет к своему первому шефу Садчикову... А Садчикова убили. И комиссар, который нас костил, умер. И Тыльнер, из ветеранов, на Ваганькове... А мне сорок восемь, но уже могу на пенсию, двадцать пять календарных. Страшно, да?

— А, нет,— ответил Жуков.— Не страшно. Диалектика. Против этого не восстанешь.

— Пилюлю-то не золоти, майор. Страшно. Я вот только думаю порою, отчего мы меняемся? И прихожу к занятному выводу: до тех пор, пока не узаконим термин «социалистическое предпринимательство» — в пику капиталистическому,— наш с вами возрастно-положенческий статус и вера в абсолютность нашего опыта будут приобретать все более мрачные формы. Ленин не зря постоянно говорил: инициатива, инициатива, компетентность, умение быстро поворачиваться, мгновенно реагировать на новое, давить бюрократию, обломовщину пороть публично!

— Связи не вижу с вашим возрастом.

— Плохо смотрите. Связь с нашим опытом. Боимся открыть шлюзы инициативе. Рождается пассивность, стремление получить указание, боязнь самостоятельных решений. А это старит.

Жуков пожал плечами, вздохнул и сказал:

— Учиться у вас есть чему. Локаторность в вас есть, качество редкостное.

— Приятно, конечно, выслушивать комплименты,— ответил Костенко,— особливо после того, как приложили, но вынужден отвести комплимент, Алексей Иванович. Не локаторность, нет... Локатор — логика, расчет, обнаженность, я же поклонник чувственного начала, с чем вы не согласны... И еще: если б качества инициативы культивировались в человеке, начиная с того дня, как он начал учебу и работу,— ого, как много б мы добились! Обидно, что начинаем себя проявлять перед выходом на пенсию... Надо б закон издать: «Право на ошибку угодно обществу и поощряемо, коль ошибка — результат поиска, стремление постигнуть суть вопроса, выдать оптимальное решение, антирутинное, новаторское».

— Ура,— устало откликнулся Жуков.— У всех наболело, оттого и многоречивы...

— Ну и зараза вы, майор,— рассмеялся Костенко,— только-только начнешь вам душу изливать, только-только в глазах ответ увидишь, как — оп! — и захлопнулось оконце...

— Сквозняков боюсь, оттого и захлопываюсь,— ответил Жуков.— Пошли, скликают на московский рейс.

— Снотворное здесь можно купить?

— Боитесь летать?

— Теперь перестал. Раньше боялся, оттого и летал все время, клин клином вышибают... Нет, просто если слишком устал — не могу уснуть.

— Димедрола достанем.

— А полегче ничего нет?

— По-моему, самый легкий.

Костенко купил димедрол, пустырник, аскорбинку, эвкалиптовый экстракт — обожал покупать лекарства,— попрощался с Жуковым у трапа и сказал:

— Спасибо, Жуков, мне было в радость с вами работать. Вам, кстати, сколько?

— Тридцать семь.

— М-да,— протянул Костенко,— а я вас в одногодках держал.

— Север, товарищ полковник, свое берет... Так что и мне до пенсии недолго, однако я помалкиваю, а вы костите, значит, я больше вас прав: в ком есть локатор, в том он и есть, а в ком нет — тому, значит, не дано. И точка. Отсыпайтесь как следует, отдыхайте, и счастливой посадки.

Отоспаться, однако, не пришлось. Костенко долго трясли за плечи, пока он наконец открыл глаза. Многолетняя привычка — с тех еще пор, когда ездил на операции по задержанию вооруженных преступников,— приучила к тому, что в критических ситуациях необходима максимальная сдержанность движений, полный покой. Трясли его за плечи два человека — бортрадист и стюардесса, трясли усердно, видимо, долго не просыпался, димедрол подействовал.

— Вы Костенко? — спросил радист.

— Он.

— Мы всех пассажиров опросили, по радио объявляли, так только и определили, что это вы — сон богатырский... Вам радиограмма из Москвы.

— А мы сейчас где?

— Скоро будем в Иркутске.

— Где радиограммка?

— Вот. Почерк мой разберете?

— Постараюсь.

Костенко достал очки. Сначала, когда была единичка, ему доставляло известное удовольствие надевать очки, сейчас, однако, когда дальнозоркость перевалила за два с половиной, эта постоянная потребность шарить по карманам, бояться, что забыл футляр, стала раздражать его.

Почерк у радиста был отменный, похожий на почерк Максима Горького — буковка от буковки, абсолютная ясность характера: «Костенко по месту нахождения, срочно: в районе озера Рица, за сгоревшей зеленой дачей, возле рощи обнаружен расчлененный труп женщины без головы. Вылетать мне или вы лично осмотрите место происшествия? Тадава».

Костенко достал из кармана пачку с аскорбинкой, высыпал на ладонь шесть таблеток, поднялся:

— Водички ваша красотка даст?

Радист ответил с готовностью:

— Есть боржомчик.

«Тадаве. ГУУР МВД СССР. Из Иркутска первым рейсом вылетаю Адлер. Костенко».

Кавказское побережье Всесоюзной черноморской здравницы. Работа-V.

Однако ближайший рейс был на Сухуми. Костенко рассчитал, что до Рицы оттуда немногим дальше, чем от Адлера, позвонил из депутатского зала в Тбилиси начальнику угрозыска Серго Сухишвили, тот начал было излагать обстоятельства дела, потом прокричал, что он старый дурак и что лучше Славику лететь в Тбилисо, но потом снова обругал себя, дело страшное, кошмарное дело, вся республика взбудоражена, нет, конечно, Слава прав, не вся республика, но угрозыск — да, а если угрозыск, то это уже полреспублики, ну, ладно, четверть; хорошо, тысячная часть, все равно людей хлебом не корми, дай только информацию о преступлении; хлеба и зрелищ, нравы древние.

...В Сухуми было жарко. Костенко снял пиджак, подумав, что от такой резкой перемены температуры наверняка станет болеть в затылке, надо было б в Магаране купить про запас горчичников и папаверина, горчичники на икры и затылок — прекрасное средство, да здравствует старая, добрая медицина: горчица, мед, полоскание риванолем и, как венец всего, русская баня — или здоров, или на погост.

...Серго остался верен себе: к трапу в отличие от скромного Жукова он пригнал четыре черные «Волги», новенький «УАЗ» и два «жигуленка» с мигалками на крыше и синими полосками ГАИ на дверцах.

— Серго, Серго,— сказал Костенко, обнимая друга,— ну какого черта ты устраиваешь весь этот цирк на конной тяге?!

— Для экспертов, Славик, для экспертов! — рассмеялся тот.— Не надо замахиваться на обычаи — это некультурно! И потом не хочу стареть! Когда мужчина перестает выступать — перед женщиной ли, перед другом,— считай, что он кончен. А мы не кончены, черт возьми, не кончены! Зная тебя, я стол заказал не здесь, а в горах,— сядем после осмотра. Ты б иначе ведь не понял меня, а?

— Я тебя всегда понимаю, Серго...

Костенко снова поймал себя на том, что он думает сейчас о Садчикове и видит перед собою его лицо в добрых морщинах, седой бобрик, вечно сдвинутый галстук, обязательно однотонный, синий или зеленый — другие цвета дед не признавал,— перхоть на стареньком сером пиджаке. Как он голову ни мыл разными шампунями, все равно сыпало. Началось с ленинградской блокады, после голода. Солдатскую пайку делил пополам — их батарея подкармливала детей в том доме на окраине, где они стояли. Одних потом скрутила язва, другие мучились сердечными недугами, а Садчиков сделался пегим, и мучила его перхоть, чего он стыдился до того, что краснел, как девушка, особенно если ходил с женою в

театр и по такому случаю надевал черный костюм.

...«Волгу» Серго вел сам, хотя по штатному расписанию ему полагался «двухсменный»: не мог лишить себя радости держать в руках руль. Машину он вел мастерски, шины скрипели на поворотах, но Костенко видел, что Серго не лихачит, лишь чуть играет: и с собою, пятидесятилетним полковником, и с ним, своим московским шефом, и с прохожими курортницами, и с небом, и с солнцем,— ну и слава богу, значит, хороший человек, тихони всегда носят камень за пазухой.

— На тебя анонимок не было, что часто резину меняешь? — поинтересовался Костенко.

— Дважды разбирали,— ответил Сухишвили.— Я молчал, пока мог. Я молчал более двадцати минут, пока питоны высказывались, а потом я положил им на стол справку — «езжу на своей резине, счета оплачены лично» — и вышел. О, какая там воцарилась тишина, Славик!

— Во время воцарившегося молчания, которое так тебя обрадовало,— отрезал Костенко,— они обдумывали, как бы схарчить Сухишвили с другой стороны. Найти подругу. Или доказать, что твой дядя Вано пристроил слишком большую веранду к даче. Или что ты слишком часто меняешь костюмы. Это было затишье перед новой битвой, Серго. Не будь наивным. Желание подсматривать в замочную скважину пришло к нам от древних, так просто от этого не отделаешься.

— «Так просто»? Значит, мы обречены на эту дикую нервотрепку?!

— Пока да. Победит постепенность. Если мы сможем не дать разгуляться, если выработаем в себе некоего рода парламентскую сдержанность,— этот скважинный истеризм постепенно отомрет. И еще он должен отмереть потому, что люди наши сейчас год от года живут все лучше и лучше. Чем больше будет машин у народа, чем красивее мебель, чем лучше холодильник и телевизор, тем меньше поле для склоки и доноса. Декретом склоку не изживешь, Серго. Увы.

— Я не согласен, Славик. Тут что-то не сходится.

— Там, наверху, не очень натоптали? — спросил Костенко.

— Я приказал выставить оцепление, но ведь ты наших горцев знаешь — каждый сам себе Шерлок Холмс, должен все увидеть своими глазами и назвать имя преступника...

— Это очень страшное дело, Серго, я бы хотел ошибиться, но дело, которое мы сейчас крутим, очень страшное, не было таких на моей памяти.

— А Слесарев, который перестрелял четверых в Сокольниках?

Костенко покачал головой:

— Там истерика, там по части судебной медицины, а здесь все по нашей части, противостояние профессионалов.

— Тадава меня держал в курсе дела...

— Хороший он парень?

Сухишвили ответил убежденно:

— Штучный.

— То есть?

— В тебе есть только один изъян, Славик,— ты не охотник. А каждый охотник знает, что лучшее ружье — это штучное, а из всех штучных самое лучшее сделано петербургским мастером Иваном Алешкиным, который всю жизнь страдал оттого, что мир возносил ружья бельгийца Пёрде, а его, алешкинские, не знал вовсе. И на стволе одного из своих ружей, штучных, конечно, он выгравировал озорные слова: что, мол, имел в виду этого самого Пёрде Иван Алешкин.

— Смешно,— откликнулся Костенко.— Тадава тебе про пальчики, которые мы нашли в квартире Петровой, ничего не передавал? Жуков на связь к нему не выходил?

— Передал. Грузин грузину обязан все в первую очередь докладывать,— рассмеялся Сухишвили.

— Грузин в первую очередь должен все докладывать своему шефу,— буркнул Костенко.

— Он уж после твоего звонка вышел на связь, Славик...

— Ты стареешь, Серго, ты оправдываешься, а я просто-напросто неловко пошутил. Я стал плохо шутить, я замечаю это за собой и думаю пойти к нервопатологу. Серьезно.

— Уволят, как психа.

— Пенсия хорошая, Маня защитилась, на старость хватит. Заметил, у нас люди боятся ходить к нервопатологу или — того хуже — к психиатру?

— Конечно, стыдно.

— Одно слово, дикий горец,— вздохнул Костенко.— А на Западе такое посещение стоит три пары обуви... Ну, что с пальцами?

— По картотеке не проходят. Судя по объекту — принадлежат женщине.

— Это со шкафа?

— С тайника такие же.

— Не верю,— отрезал Костенко.

— Почему?

— А вот на это я ответить не могу, Серго. Ни себе, ни тебе.

...Конечно же, вокруг было натоптано.

«Впрочем,— подумал Костенко,— что я хотел найти? Следы? Чьи? «Милинко»? Мне ведь так хочется этого, я ведь чувствую, что это он. Зачем ему надо было приезжать сюда из Коканда? А это зависит от того, когда он убил женщину. Петрову? Чтобы избавиться от свидетельницы? Значит, она с ним вместе убивала «Миню»? Почему я вцепился в эту версию? Ах, да, потому что по паспорту Минчакова здесь, в Адлере, получили с аккредитивов деньги. Пятнадцать тысяч. Надо точно выяснить, когда Петрова навещала тетушку. Поднять все билеты на Коканд. А если поездом? Нет, по почерку этих людей поезд надо исключить: из Адлера, с пересадками, в Коканд? А может, именно так? Если тем более с ними был не только один самородок, который Минчаков купил у Спиридона. Или своровал? Нет, видимо, купил. Надо позвонить Жукову, чтобы скорее подняли путевые листы, где накануне был Милинко, не мог ли видеть, как гулял Спиридон Дерябин вместе с Минчаковым? Может быть, он зафиксировал тот момент, когда Минчаков брал самородок и отдавал деньги? Скорее бы ОБХСС раскопал что-нибудь по «Центроприиску». Все контакты Милинко надо изучить. Но ведь я где-то в самой глубине души не верю себе. Я бы поверил, дай мне экспертиза заключение: деньги в Адлере по документам Минчакова получил Милинко, он за них расписался; дай мне заключение, что он сдал билет Минчакова в Магаране и он именно расписался в получении денег с вычетом двадцати процентов. Зачем ему потребовались эти две сотни? Почему в таком точном человеке вдруг проявилась столь маленькая жадность? А ведь скорее всего было именно так. Ну, а что если за ним следили другие? Кто-то мог знать, что он промышляет летом по рекам, связан с Петровой из «Центроприиска», значит, имеет отношение к золотишку, хотя ни разу песок не сдавал, это установили. А что хранил в тайнике? Пальцы-то Петровой. Значит, она хранила? Он. Говорил ей, что делать, она послушно выполняла. Ну, а отчего не она? Слабый пол и другие рассказы? А может, в данном именно случае в ней сокрыт дьявол? Я блуждаю в потемках, я уперся в свою версию без каких-либо серьезных на то оснований, разве нет? Как этот израильский Иван писал: «Прав Гриня, там без денег делать нечего, погибнешь». А откуда это знает Милинко? Он что, бывал на Западе? Почему водку пил маленькими глотками, смакуя? Так ведь у нас не пьют, так пьют там».

Костенко перешагнул через красную веревку, которой было огорожено место происшествия; опустился на корточки перед мешком — в нос ударил сладкий трупный запах; на мешковине лежали полусгнившие ноги, туловище, руки с обрубленными кистями.

— Ни головы, ни пальцев,— шепнул Сухишвили, опустившийся на корточки возле Костенко.

«Он очень удобно сидит,— машинально отметил Костенко.— Как всякий горец. Эстетика общения мужчин вокруг костра. А мы так не умеем».

— Кто развязал мешок? — спросил Костенко негромко, зная, что вопрос его услышат и ответят незамедлительно.

— Пасечник, товарищ полковник,— сразу же сказал кто-то.

— Где он?

— Здесь я.

— Каким узлом был завязан мешок? — спросил Костенко.

— Я не знаю,— ответил старик, присевший рядом с Костенко и Сухишвили.— Я как потянул, так он сразу и развязался, не успел заметить.

«Надо поторопить того чудака, который нашел мешок в Магаране,— подумал Костенко.— Кажется, его фамилия Крабовский, интересный человек. Люди, над которыми смеются, сплошь и рядом умнее тех, кто смеется».

— Что ж мы с тобою имеем, Серго? — тихо спросил Костенко.— Твое мнение?

— А ничего мы не имеем,— ответил Сухишвили.— Пошли в чебуречную, там чай поставили, мясо варят...

— Байство это — заставляешь пастухов кормить мясом тбилисское начальство.

— Славик, я ждал этого упрека, только не от тебя. Показать счет? Я мясо купил в Сухуми, пока тебя ждал. Здесь до открытия сезона с голода помрешь, мы ж запланированные; записано, что открытие с пятнадцатого мая — раньше ни-ни, а снег, может, в этом году в апреле сошел. Кого волнуют пятнадцать дней, которые и курортникам радость дадут и государству прибыль?!

Костенко поднялся, обнял Сухишвили и сказал:

— Серго, будь проклят наш профессионализм: лежит труп, а мы с тобой черт те о чем, и сердце не разорвалось...

— А откуда ты знаешь? Может, разорвалось. Ты ж не чувствуешь, когда оно рвется, только локоть болит и в предплечье отдает, клянусь матерью...

Москва. Работа-VI.

Тадава пересмотрел все документы, собранные им за эти дни в архивах, прочитал еще раз письмо лейтенанта Игоря Северского деду и, предварительно позвонив, отправился в Покровское-Стрешнево, к Серафиме Николаевне.

Ехал он, чтобы узнать, кто такой Трифон Кириллович, жив ли, а если жив, то каков его адрес. Ему казалось, что вопрос, связанный с памятью Шахова, которого она безответно и преданно всю жизнь любила, задавать по телефону бестактно.

— Ну, как поживаем, Серафима Николаевна? — спросил Тадава, протягивая женщине коробку конфет.

— Спасибо,— ответила она,— какой вы внимательный! Мне Павел Владимирович всегда говорил, что кавказцы — самые возвышенные джентльмены...

— Не все,— ответил Тадава, присаживаясь на скрипучий стул.— К сожалению, среди молодежи встречаются у нас такие, которые позорят Кавказ, к женщине относятся омерзительно...

— Знаете, мы обсуждали и это с Павлом Владимировичем. Было много разговоров, что нашим женщинам опасно ездить на Кавказ — соблазнят немедленно. А Павел Владимирович — вы простите, конечно,— напомнил мне поговорку: «Сучка не захочет, кобелек не вскочит».

Тадава рассмеялся, но почувствовал, что покраснел: от старой женщины такое слышать ему не приходилось.

— Вы предпочитаете чай или кофе?

— Кофе, если можно. Хотите, я вам заварю кофе по-сухумски?

— Хочу. Я ведь была однажды в Сухуми с Павлом Владимировичем... Его супруги, особенно вторая, всячески хотели меня выжить, ревновали... А он, рассердившись,— он, когда сердился, переставал разговаривать и делал то, что считал нужным сделать,— сказал: «Серафима Николаевна, пожалуйста, соберите мои вещи и все необходимое для себя — мы уезжаем на море; пишущую машинку и бумагу возьмите непременно, я стану вам диктовать новые главы моего исследования...»

Продолжение следует.

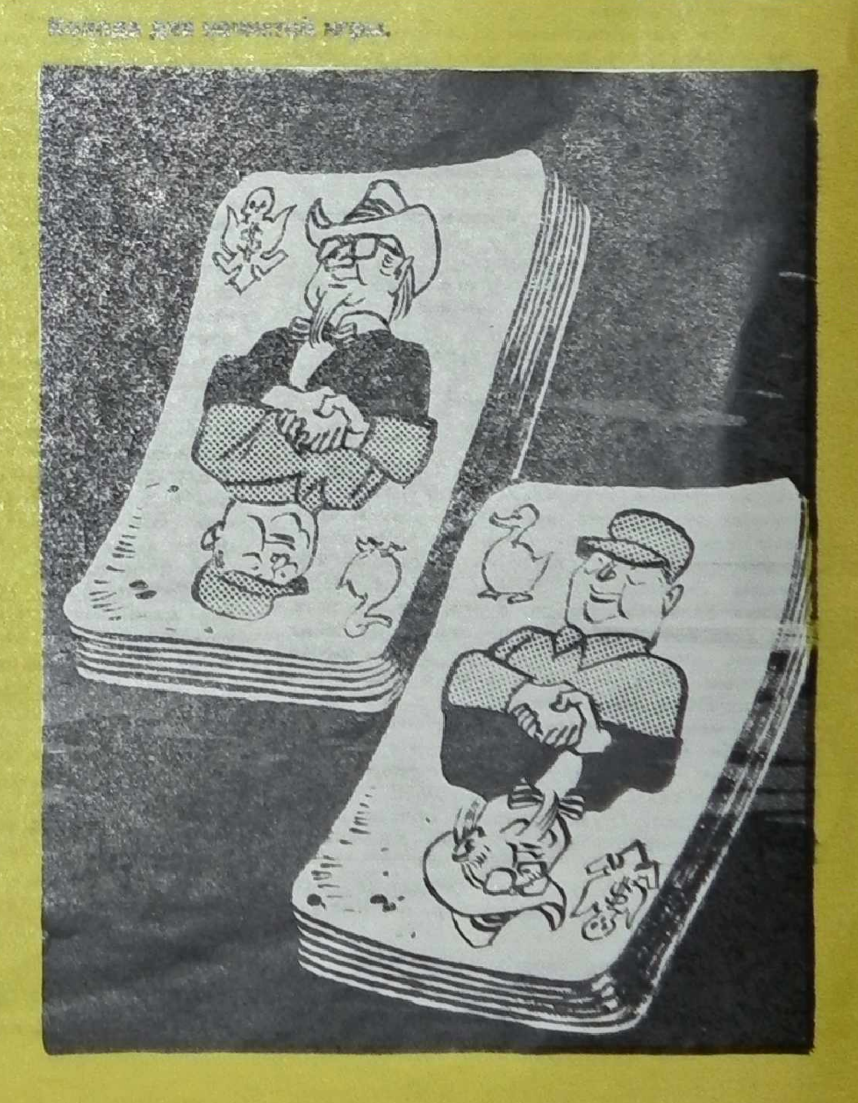
Вашингтонская «инъекция» Западной Европе.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки
Бор. ЕФИМОВА

Израильский «муэдзин».

Колода для карточной игры.

ТВ

КУБА И СНОВА КУБА...

В 1961 году увидела свет рампы пьеса Георгия Мдивани «День рождения Терезы». Написанная по горячим следам драматических событий на Плая-Хирон, пьеса эта и сегодня не потеряла своей злободневности. Премьера телеверсии «Дня рождения Терезы» состоялась как раз в те дни, когда возле берегов героического острова демонстрировала свою мощь американская военная машина. Остается, наверное, лишь удивляться политическому чутью, никогда не изменяющему автору.

Из чего же конкретно складывается успех, вот уже много лет сопутствующий драме Г. Мдивани? Тема пьесы — любовь к родине — мало сказать традиционна, она занимала умы литераторов и тысячи лет назад. Но писатель, наделенный острейшим чувством современности, Г. Мдивани сумел одарить своих героев яркими жизненными приметами; их страсть к свободе проникнута приметами истинной любви, глубочайшей причастностью к тому, что происходит сегодня, сейчас в окружающем нас сложном мире.

Страдания матери, оплакивающей сына, ее ненависть к убийцам волнуют каждого зрителя телефильма; возможно, что фабула пьесы нарочито бесхитростна и проста; в ней трогает доступность. Автор и режиссер-постановщик В. Монахов (телевизионный режиссер М. Маркова) сразу дают зрителю почувствовать красоту образов героев. Это люди, исполненные доблести и мужества и потому достойные быть на стороне свободной Кубы. Мы видим и низость тех, кто в трусости своей способен лишь на то, чтобы стрелять в спину сражающихся борцов.

Все в общем-то просто, говорят нам создатели спектакля: есть постоянные, незыблемые ценности, существующие лишь в неразрывном их единении, — свобода, мир, счастье матери, счастье детей... Но нарушен мир — свобода в опасности. И потому так трагично кончается день рождения Терезы: убит ее сын Хосе.

В фильме-спектакле много удачных работ. Это и Н. Корниенко в заглавной роли Терезы и М. Монахова — Аманда. Возможно, одно из самых ярких впечатлений спектакля — студент Щепкинского училища О. Меньшиков в роли Хосе. Неожидан Ю. Васильев, играющий Марцело, одного из тех героев, кто отстаивал — и отстоял — независимость Кубы.

Спектакль счастливо сочетает в себе внешнюю простоту и изящество формы с серьезностью главной идеи пьесы, основательностью разработки характеров.

Л. СЕМЕНОВА

Кадр из фильма.

ХУДОЖНИК ИЗ СВАНЕТИИ

В одном из живописнейших мест солнечной Грузии — в Сванетии горный пейзаж поражает своим разнообразием и красотой. За несколько часов можно побывать на снежных вершинах и на альпийских лугах, возле прозрачных озер и в густых лесах, на бурных реках с шумными высокогорными водопадами и у целебных минеральных источников. Сказочная природа сочетается здесь со старинными каменными башнями, крепостями, дворцами и храмами, которые созданы сванами задолго до нашей эры.

Еще древнегреческий географ Страбон писал, что сваны — народ могущественный и, кажется, по своей храбрости и военной силе доблестнее всех вообще народов...

За годы Советской власти в Сванетии появилась местная промышленность, организованы колхозы, построены благоустроенные дороги, установлена воздушная связь, выросла своя интеллигенция.

Один из первых сванских художников — Александр Спиридонович Пангани. Он родился в 1927 году в семье крестьянина в селении Ажари Гульрипшского района. Ребенком удивлял местных жителей, рисуя углем и мелом на бумаге, на скалах, на песке животных, горы, деревья, цветы и детей. Потом, в школе, оформил помещение своими работами. Украсил также сельский клуб и сельский Совет.

О талантливом мальчике из абхазской Сванетии узнал народный художник СССР Уча Джапаридзе. Он посоветовал ему поступить на подготовительное отделение в Тбилисскую академию художеств.

В 1956 году Пангани закончил академию. Его курсовые работы, как лучшие, хранятся в фондах академии, а дипломная работа получила высшую оценку.

С тех пор художник принимает активное участие в выставках, проходящих в Сухуми, Тбилиси и Москве, иллюстрирует книги грузинских и абхазских писателей, делает агитплакаты.

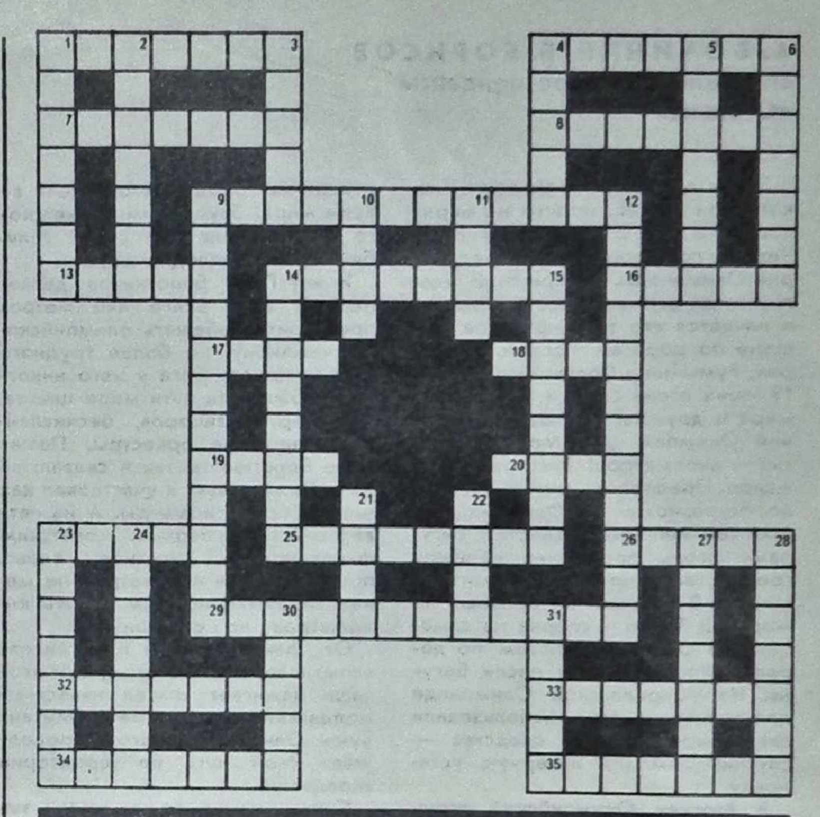
«Картины Пангани ценны тем, что они самобытны». «У художника свое «я». Он никому не подражает, имеет свой стиль в живописи». Так отзываются зрители о холстах живописца.

Основная тема его произведений — люди, история, природа родного края. Вот названия некоторых картин: «1905 год в Абхазии», «Торжество победы в Сванетии в 1921 году», «Сванские партизаны», «На Марухском перевале», «Против немецких захватчиков»...

Более ста полотен создал живописец. Они находятся в музеях, во дворцах культуры Грузии.

Сейчас Александр Спиридонович работает над большой многофигурной композицией для предстоящей всесоюзной выставки «Земля и люди».

И. ЛИВШИЦ-КОНИКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Часть радиоустановки. 4. Словарный состав языка. 7. Мука из поджаренного овса. 8. Артиллерийский снаряд. 9. Река в Испании. 13. Хищная птица. 14. Прообраз литературного персонажа. 16. Законченное высказывание. 17. Волокнистый материал из хлопка или шерсти. 18. Река в Закавказье. 19. Город в Белоруссии. 20. Химический элемент. 23. Французский писатель, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». 25. Старинное оружие. 26. Драгоценный камень. 29. Устройство для обнаружения объектов в воздухе, на море. 32. Луговое растение с душистыми цветками. 33. Лента с делениями для измерений. 34. Терраса. 35. Особая благодарность, поощрение.

По вертикали: 1. Пассажирский транспорт. 2. Разновидность ивы. 3. Штат США. 4. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 5. Озеро в Мурманской области. 6. Млекопитающее семейства дельфиновых. 9. Электроизмерительный прибор. 10. Газ, составная часть воздуха. 11. Единица мощности. 12. Судно с холодильными установками. 14. Главный персонаж русского народного кукольного театра. 15. Легкий экипаж. 21. Монета некоторых государств Латинской Америки. 22. Парадный сюртук. 23. Вещество, применяемое для проведения химической реакции. 24. Широкая аллея на городской улице. 27. Форменный головной убор. 28. Подразделение пограничных войск. 30. Литературное произведение. 31. Город в Италии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 1. Конев. 3. Берет. 5. Алабама. 7. Хачатурян. 9. Кама. 11. «Аида». 13. Алмаз. 15. Апрель. 16. Онегин. 18. Старт. 19. Овес. 20. Икар. 22. Коллекция. 25. Анданте. 26. Аврал. 27. Якорь.

По вертикали: 1. Кубок. 2. Ваза. 3. «Баня». 4. Тафта. 6. Батуми. 7. Хабаровск. 8. Навигация. 10. Аксаков. 12. Дейнека. 13. Атлас. 14. Зенит. 17. Фанера. 19. Опока. 21. Рубль. 23. Овал. 24. Идея.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Олимпийский огонь в городе Котовске зажгла Евгения Гуштюк.

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы художника А. Пангани: Дмитрий Гулиа * Пейзаж Абхазии * На чайных плантациях * Сванские башни. (См. в номере материал «Художник из Сванетии»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.06.80. Подписано к печати 08.07.80. А 00384. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1514. Заказ № 2505.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

В ПУТИ — ОГОНЬ ОЛИМПИАДЫ

А. БОЧИНИН, Б. БОРИСОВ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Этого дня ждали так долго, что когда он настал, просто не верилось, что уже 5 июля 1980 года. Четыре года жили мы в преддверии Олимпиады, четыре года ждали, когда вспыхнет огонь Эллады и начнется его триумфальное шествие по дорогам Греции, Болгарии, Румынии и Советского Союза. 19 июня огонь силы и молодости, мира и дружбы стартовал в древней Олимпии. До Москвы пять тысяч километров! Расстояние немалое. Преодолеть его можно было по-разному. На Олимпиаду в Мюнхен, например, вместе с бегунами огонь доставляли конники, гребцы, велосипедисты и мотоциклисты. В Мехико он приплыл по морю. В Токио — сперва на самолете до Окинавы, а потом по дорогам Японии факел несли бегуны. На Монреальской Олимпиаде для зажжения огня использовали сверхсовременные средства — спутник Земли и лазерную установку.

В Москву Олимпийский огонь решили доставить самым древним, самым надежным и, я бы сказал, самым спортивным способом: пять тысяч бегунов понесут огонь, бережно передавая его друг другу.

И вот утро 5 июля. Позади 2687 километров. Контрольно-пропускной пункт у молдавского села Леушены. Украшенный живыми цветами мост через пограничную реку Прут. Всюду флаги, лозунги, транспаранты. Тысячи празднично одетых людей. Звенят песни, гремит музыка, в огненной «Молдовеняске» кружатся восемьсот танцоров из самодеятельных ансамблей. Солнце все выше. Время приближается к полудню. 11.45. С румынской стороны доносятся фанфары и в воздух взлетают связки разноцветных шаров. Этот сигнал означает, что эстафета приближается к границе. С нашей стороны звучит ответный сигнал и тоже взлетают шары: подтверждение готовности к приему огня. Стихла музыка. Замерли танцоры. Подтянулись бегуны.

11.50. Под барабанную дробь с нашей и с румынской стороны на мост вступают факелоносцы в сопровождении почетного эскорта из одиннадцати юношей и одиннадцати девушек.

11.52. К красной пограничной черте на мосту подходят шесть официальных лиц, представителей оргкомитетов СССР и Румынии. Прямо на черте на высоком постаменте установлена церемониальная чаша, к которой ведет ковровая дорожка. Тишина. Такая тишина, что слышно, как где-то внизу плещется Прут.

11.58. Тишина взрывается медью оркестра и громом аплодисментов. У середины моста появляется бегун с факелом! Это чемпион Олимпиады в Мюнхене прославленный борец Николае Мартинеску. Он поднимается к чаше. Ему навстречу выходит наш известный бегун чемпион Римской Олимпиады Петр Болотников.

12.00. Мартинеску зажигает огонь в чаше. А от этого огня зажег свой факел наш бегун. Петр Болотников высоко поднял факел. Он поднял его так высоко, что Олимпийский огонь видели не только жители прибрежных сел, его видели люди из близлежащих и дальних городов, его видели во всем мире! Звучит Гимн Советского Союза. Взлетают сотни голубей. Гремят аплодисменты.

И вот Петр Болотников делает первый шаг. Всего 440 метров предстоит пробежать олимпийскому чемпиону, но более трудного и волнующего бега у него никогда не было. На пути море цветов, круговерть танцоров, бесчисленные народные оркестры. Позже Петр Болотников так и сказал: «В трех Олимпиадах я участвовал как член сборной команды. А на четвертой стал первым советским факелоносцем. Честное слово, пробежать эти 440 метров не менее ответственно, чем десять километров по стадиону!»

От факела Петра Болотникова вспыхивает огонь в чаше, а от этой чаши зажигает факел известный молдавский спортсмен Михаил Буюк. Олимпийский огонь продолжает свой путь по территории Молдавии.

Снова музыка, песни, танцы, тысячи людей у обочины дороги. Каждый этап не более километра. Пробежать его надо за четыре-пять минут. 368 километров пройдет Олимпийский огонь по Молдавии, а за право стать факелоносцем в отборочных соревнованиях участвовали 260 тысяч человек. Рабочие и колхозники, инженеры и учителя, врачи и спортивные работники — все боролись за право пронести факел по земле Молдавии. Получили это право и гости: двенадцать союзных республик, по территории которых не пройдет эстафета Олимпийского огня, прислали своих лучших спортсменов. Мы видели на трассе таких известных спортсменов, как Н. Сабайте из Литвы, Г. Косанов из Казахстана, В. Алексанян из Армении, Г. Радженов из Туркмении, и многих, многих других.

Первая остановка в Котовске. На последнем этапе бежит Евгения Гуштюк. Ее хорошо знают в родном городе — Евгения прекрасная волейболистка и хороший тренер. Она зажигает огонь в церемониальной чаше и занимает место в колонне факелоносцев. Короткий митинг, слова напутствия — и снова в путь. А путь нелегок. Дороги Молдавии хоть и прекрасно ухожены, но очень трудны — затяжные подъемы, крутые спуски, резкие повороты. Уж на что хорошо подготовлены машины сопровождения, и то двигатели перегреваются, а водители — автогонщики с рижского завода «РАФ» — заметно нервничают.

И вот Кишинев. В 19.15 на площади Победы появляется заслуженный мастер спорта, участник XVII и XIX Олимпийских игр Виктор Большов. Весь город пришел сюда, чтобы отдать дань уважения Олимпийскому огню и всему олимпийскому движению.

Ночевал огонь в здании горисполкома, а утром новые факелоносцы понесли его по дорогам Молдавии. Седьмого июля огонь Эллады вступит на территорию Украины, четырнадцатого эстафета начнет путь по РСФСР, и, наконец, 18 июля Олимпийский огонь встретит Москва.

Итак, огонь Олимпиады в пути. Мы ждем тебя в Москве, огонь XXII Олимпийских игр!

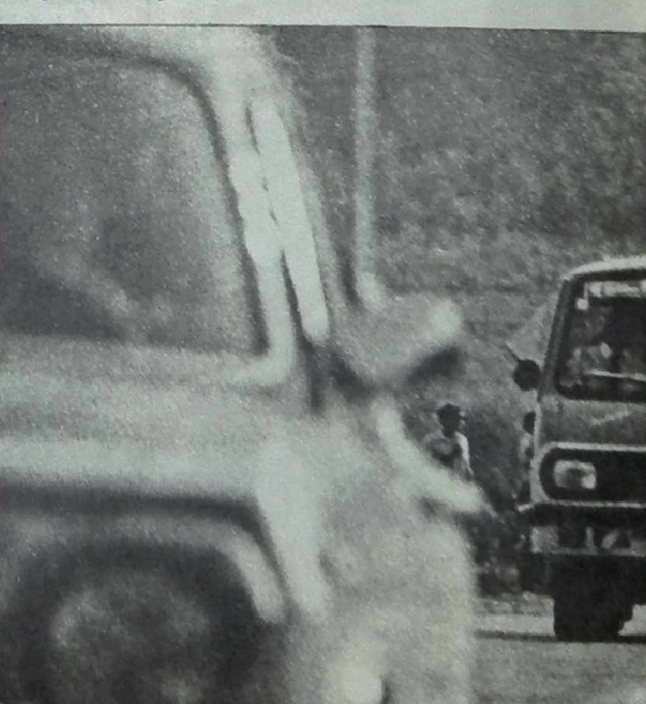

И так на каждом километре дороги.

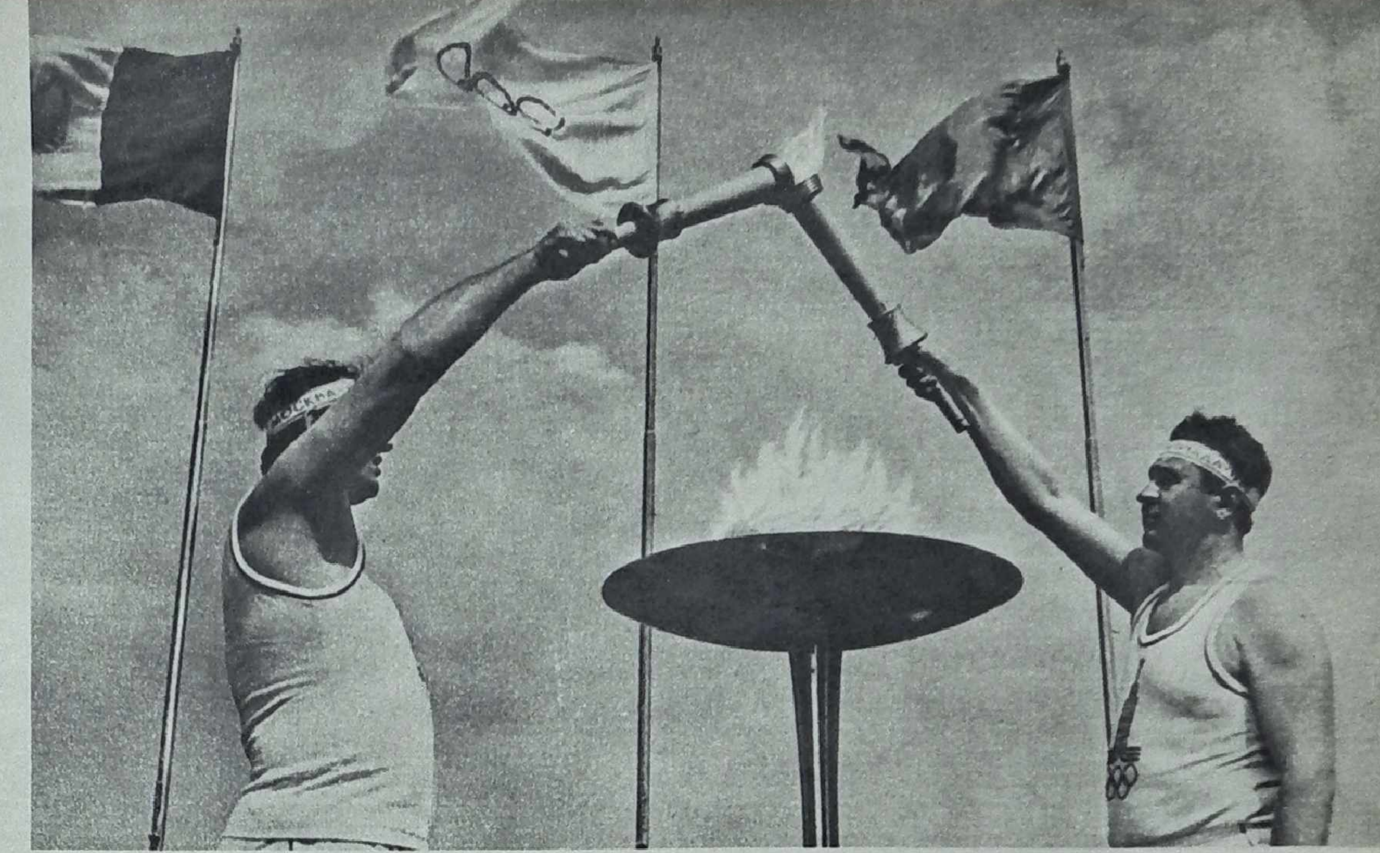

Хлебом-солью встретили факелоносцев кишиневцы.

На трассе эстафеты.

Николае Мартинеску передает огонь Петру Болотникову.

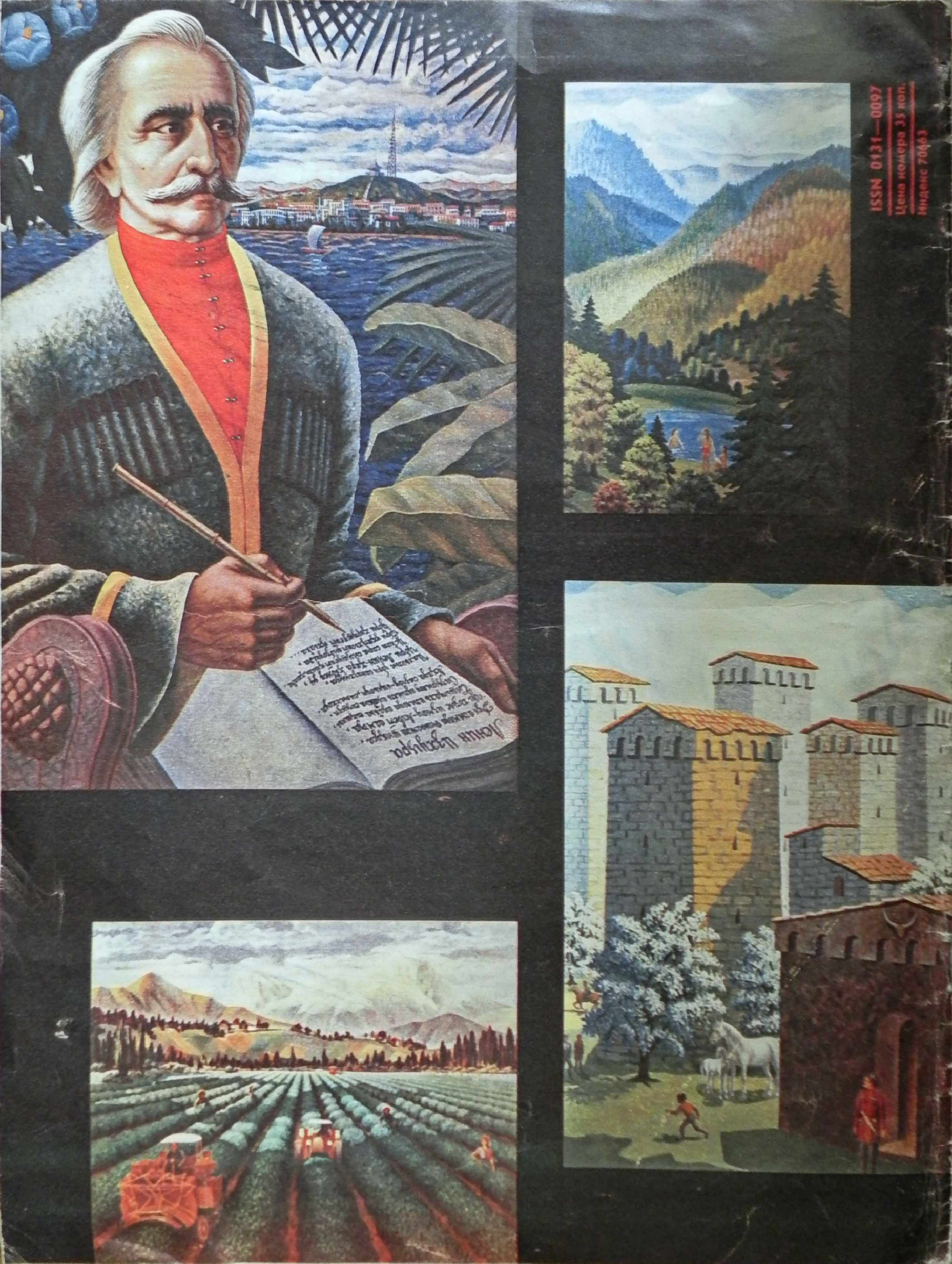

За работой кинооператоры.

«Молдовеняска» на площади Победы.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663